

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель – Челябинский государственный
педагогический университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии

доктор философских наук, доцент
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой социологии

доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права

кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильиных
(Челябинск, Россия)

**Заведующий рубрикой экономики
и управления**

кандидат экономических наук, доцент
Сергей Александрович Головихин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры

доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Загребин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты

доктор философских наук, профессор
Александр Валентинович Павлов
(Тюмень, Россия)

Ответственный секретарь

кандидат филологических наук
Алексей Михайлович Обжорин
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Подписано в печать 22.04.2015 г.

Формат 70×108¹/₁₆.

Усл. п. л. 8,75. Тираж 300 экз.

Заказ № 929.

Издание подготовлено к печати

и отпечатано

в ОАО «Челябинский Дом печати»,
454080, г. Челябинск,
Свердловский пр., 60.

СОЦИУМ**Нехамкин Валерий Аркадьевич**

Антиурбанизм как социальное
явление: философский анализ6

Грунт Елена Викторовна

Потребительское поведение
населения российского мегаполиса
при занятии шопингом12

Жилина Вера Анатольевна,**Жилин Алексей Юрьевич**

Мифы статуса конфликта
в социальном развитии 19

Павлов Борис Сергеевич

Валеологическое самочувствие
и воспитание тинейджеров
в родительской семье на Урале 22

Парамонова Светлана Павловна,**Кошкина Ирина Дмитриевна**

Политическая культура студентов
Соликамского пединститута
Пермской области (СГПИ) 31

Перов Евгений Викторович

Субъективное экономическое
благополучие населения России 36

Илюхин Алексей Александрович,**Илюхина Светлана Викторовна**

Культура питания и воспроизводство
трудового потенциала44

ВЛАСТЬ**Гордеев Сергей Сергеевич,****Зырянов Сергей Григорьевич,****Иванов Олег Петрович,****Кочеров Андрей Валерьевич**

Устойчивое развитие региона
в изменчивой внешней среде 48

Салимов Парваз Вахтангович

Геополитический феномен
постсоветского пространства56

РЕДАКЦИОННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ

Философия

- С.В. Борисов* – доктор философских наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- Ю.Г. Ершов* – доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Виктория Лезьер* – доктор философских наук,
профессор
(г. Форкалькейре, Франция)
- А.В. Павлов* – доктор философских наук, профессор
(г. Тюмень, Россия)
- В.Д. Попов* – доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А.С. Чупров* – доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С.Г. Зырянов* – доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А.В. Понделков* – доктор политических наук,
профессор
(г. Ростов-на-Дону, Россия)
- О.Ф. Русакова* – доктор политических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Грегори Саймонс* – доктор философии, профессор
(г. Упсала, Швеция)
- А.Ю. Сунгуров* – д. полит.н., профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Е.В. Грунт* – доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Н.Б. Костина* – доктор социологических наук,
профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Сабина Лисица* – доктор, профессор
(г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В.Г. Графский* – доктор юридических наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А.В. Ковбан* – кандидат юридических наук, доцент
(г. Одесса, Украина)
- С.В. Кодан* – доктор юридических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- А.Б. Сергеев* – доктор юридических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Экономика

- О.В. Артёмова* – доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Л.М. Байтенова* – доктор экономических наук
(г. Алматы, Казахстан)
- Л.М. Муталиева* – кандидат экономических наук
(г. Астана, Казахстан)
- Е.А. Неживенко* – доктор экономических наук,
доцент
(г. Челябинск, Россия)
- Т.Ю. Савченко* – кандидат экономических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С.С. Загребин* – доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А.Н. Лукин* – кандидат культурологии, доцент
(г. Челябинск, Россия)

История

- С.В. Нечаева* – кандидат исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- С.С. Смирнов* – доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Д.В. Тимофеев* – доктор исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Ильиных Алексей Валерьевич
Реформа местного самоуправления
в действии: от территориальных
преобразований к изменению
организационно-правовых основ 62

**Лутовинов Владимир Ильич,
Хмара Юрий Николаевич**
Военная безопасность государства:
концептуальные основы
и современное российское видение.....68

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Саламатов Артем Аркадьевич Публикация отозвана
Эколого-экономическая безопасность 16.11.2022
России: будущее в ретроспективе.
Часть II..... 74

Трофимова Галина Анатольевна
Прожиточный минимум
как гарантия конституционных прав
и свобод..... 82

Слепешев Алексей Львович
Государственное управление:
объекты и приоритеты. Часть I..... 87

ИСТОРИЯ

Молодов Олег Борисович
Государственно-конфессиональные
отношения в СССР на переломном
этапе (на материалах областей
Европейского Севера) 95

Тетушкин Алексей Александрович
Роль монастырей в общественной
и духовной жизни России в конце
XIX – начале XX века на примере
деятельности Московского
Данилова монастыря..... 100

**Малюков Егор Игоревич,
Чумаченко Татьяна Александровна**
Динамика открытия церквей
и молитвенных домов
в Челябинской области в период
потепления государственно-
церковных отношений. 1943–1948 гг.105

Зотова Анастасия Валерьевна
Развитие средств связи в Ленинграде
в годы Великой Отечественной
войны 108

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал «СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

В соответствии с решением президиума

Высшей аттестационной комиссии
Минобрнауки РФ (ВАК)

журнал «Социум и власть» включен
в **Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,**

в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук по направлениям:
философия, политология, социология,
юриспруденция, экономика,
культурология, история.

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации
в научном журнале «Социум и власть»,
размещены на странице 140.

Ваши материалы направляйте в редакцию по адресу:

454071, г. Челябинск, а/я 6511

Телефон редакции:

(351) 771-42-30

E-mail: siv@chel.ranepa.ru

Адрес в Интернете

<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов
опубликованных материалов.
Ответственность за аутентичность
и точность цитат, имён, названий
и иных сведений, а также за соблюдение
законодательства об интеллектуальной
собственности несут авторы публикуемых
материалов.

При перепечатке
ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год,
распространяется по подписке
в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

**Подписной индекс
по Российской Федерации
46536**

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА

Воробьева Елена Юрьевна

Герменевтика гимна. Часть II 113

Козлова Наталия Сергеевна

Реальная и виртуальная идентичность 118

Липская Лариса Алексеевна, Липский Вячеслав Иванович

Современный человек и мир
образования: представления
и социокультурная реальность122

Перезовова Ольга Владимировна, Лазарева Вероника Николаевна

Инновационно ориентированный
подход в подготовке управленческих
кадров126

Чернова Элина Григорьевна

«Жизнь соло» как путь
к идентичности 130

Михайлов Иван Сергеевич

Роль смысла в формировании
цивилизации 134

Founded by

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Published by

Chelyabinsk branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

Copublisher – Chelyabinsk State Pedagogical University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyryanov
(Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprova
(Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
(Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyryanov
(Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Doctor of Philosophy, Professor
E.V. Grunt
(Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ilyinykh
(Chelyabinsk, Russia)

Head of Economics and management Dept

Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor
S.A. Golovihin
(Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Doctor of Historical Sciences, Professor
S.S. Zagrebin
(Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor
D.V. Timofeev
(Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Doctor of Philosophy, Professor
A.V. Pavlov
(Tyumen, Russia)

Executive editor

Candidate of Philological Sciences
A.M. Obzhorin
(Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration

PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
Issued by Russian Surveillance Service
for Mass Media and Communications.

Passed for printing on 22.04.2015.
Format 70x108^{1/16}
Reference sheet area 8,75. Issues – 300.
Order № 929

Designed and printed at
454080, Chelyabinsk,
Sverdlovskiy prospekt, 60.

SOCIETY

Nekhamkin Valeri Arkadyevich

Antiurbanism as a Social Phenomenon:
a Philosophical Analysis6

Grunt Elena Victorovna

Consumer's Behavior of Population
of Russian Megalopolises during Shopping ..12

Zhilina Vera Anatolyevna,

Zhilin Aleksey Yuryevich

Myths Status Conflict in Social
Development..... 19

Pavlov Boris Sergeevich

Valeological State and Education
of Teenagers at the Parental
Family in the Urals..... 22

Paramonova Svetlana Pavlovna,

Koshkina Irina Dmitriyevna

The Political Culture of Students of
Solikamsky Pedagogical Institute
in Perm Region (SSPI)..... 31

Perov Yevgeniy Viktorovich

Subjective Economic Well-being
of Russian Population36

Ilyukhin Aleksey Aleksandrovich,

Ilyukhina Svetlana Viktorovna

Nutrition Culture and Reproduction
of Labor Potential.....44

POWER

Gordeyev Sergey Sergeyeovich,

Zyryanov Sergey Grigoryevich,

Ivanov Oleg Petrovich,

Kocherov Andrey Valeryevich

Stable Regional Development
in Changing Environment 48

Salimov Parvaz Vahtangovich

Geopolitical Phenomenon56
of the Post-Soviet Space

STATE AND LAW

Ilinykh Aleksey Valeryevich

Reform of Local Government in Action:
from Territorial Transformations
to Changing Institutional Framework 62

Lutovinov Vladimir Ilyich,

Khmara Yuri Nikolaevich

National Military Security: Conceptual
Bases and Contemporary Russian Vision ..68

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

S.V. Borisov – Ph.D., Professor (Chelyabinsk, Russia)
Yu.G. Ershov – Ph.D., Professor (Yekaterinburg, Russia)
Victorya Lezyer – Ph.D., Professor (Folkestone, France)
A.V. Pavlov – Ph.D., Professor (Tyumen, Russia)
V.D. Popov – Ph.D., Professor (Moscow, Russia)
A.S. Chuprova – Ph.D., Professor (Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

S.G. Zyrianov – Ph.D., Professor (Chelyabinsk, Russia)
A.V. Ponedelkov – Ph.D., Professor (Rostov-on-Don, Russia)
O.F. Rusakova – Ph. D., Professor (Yekaterinburg, Russia)
Gregory Simons – Ph.D., Professor (Uppsala, Sweden)
A.Yu. Sungurov – Ph.D., Professor (St.Peterburg, Russia)

Sociology

E.V. Grunt – Ph.D., Professor (Yekaterinburg, Russia)
N.B. Kostina – Ph. D., Professor (Yekaterinburg, Russia)
Sabina Lisitza – Ph. D., Professor (Areal, Israel)

Law

V.G. Grafskiy – LLD, Professor (Moscow, Russia)
A.V. Kovban – Cand. Sc. (Legal Studies), (Odessa, Ukraine)
S.V. Kodan – LLD, Professor (Yekaterinburg, Russia)
A.B. Sergeev – LLD, Professor (Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

O.V. Artyomova – Ph. D., Professor (Chelyabinsk, Russia)
L.M. Bajtenova – Dr. Sc. (Almaty, Kazakhstan)
L.M. Mutaliev – Cand. Sc. (Economics) (Astana, Kazakhstan)
E.A. Nezhivenko – Ph. D., Professor (Chelyabinsk, Russia)
T.Yu. Savchenko – Cand. Sc. (Economics),
 Assistant Professor (Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

S.S. Zagrebin – Ph. D., Professor (Chelyabinsk, Russia)
A.N. Lukin – Cand. Sc. (Cultural Studies),
 Assistant Professor (Chelyabinsk, Russia)

History

S.V. Nechaeva – Cand. Sc. (History), Assistant Professor
 (Chelyabinsk, Russia)
S.S. Smirnov – Ph. D., Professor (Chelyabinsk, Russia)
D.V. Timofeev – Ph. D., Assistant Professor
 (Chelyabinsk, Russia)

INFORMATION FOR READERS AND AUTHORS

**Scientific journal
 «SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration,
 philosophy, sociology, political science, law,
 economics, management, as well as for teachers,
 graduate students and undergraduates.

The «SOCIUM AND POWER» journal is included
in the list of leading

peer-reviewed scientific journals and publications,
 of the Higher Attestation committee (VAK)
 of the Russian Ministry of Education and Science.

The requirements for scientific articles to be published
 in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal
 are located at page 140.

Editor's office at:

454071, Chelyabinsk, PO 6511
 Editor's office phone number: (351) 771-42-30
 E-mail: siv@chel.ranepa.ru Website: http://siv74.ru

Disclaimer:

only the authors of published articles may be held liable
 for authenticity and accuracy of citations, names,
 titles and other information as well as for respecting
 the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly
 and distributed by subscription at the post offices.

Free price

Subscription index in Russia 46536

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Salamatov Artem Arkadyevich

Retracted 16.11.2022

Environmental and Economic Safety
 of Russia: Future in Retrospective. Part II..... 74
Trofimova Galina Anatolyevna
 Subsistence Minimum as a Guarantee
 of Constitutional Rights and Freedoms ...82
Slepyshev Aleksey Lvovich
 Public administration: objects
 and priorities. Part I..... 87

HISTORY

Molodov Oleg Borisovich

The State and Confessional Relations
 in the USSR at the Critical Period
 (on the Materials of the European North).....95

Tetushkin Alexei Alexandrovich

The Role of Monasteries in Public
 and Spiritual Life of Russia
 in the Late XIX – Early XX Centuries
 at the Example of Moscow
 Danilov Monastery..... 100

Malukov Egor Igorevich,

Chumachenko Tatyana Aleksandrovna
 The Dynamics of the Opening
 of Churches and Prayer Houses
 in the Chelyabinsk Region in the
 Period of “Warming” of Church-State
 Relations in 1943–1948 years 105

Zotova Anastasiya Valeryevna

Development of Communication
 System in Leningrad during
 the Great Patriotic War..... 108

DISCUSSIONS AND DEBATES

Vorobyeva Elena Yuryevna

Anthem Hermeneutics. Part II..... 113
Kozlova Nataliya Sergeyevna
 Actual and Virtual Identity 118

**Lipskaya Larisa Alekseevna,
 Lipsky Vyacheslav Ivanovich**

Modern Human and World
 of Education: Understanding
 and Sociocultural Reality122

Perevozova Ol'ga Vladimirovna,

Lazareva Veronika Nikolayevna
 Innovation-Oriented Approach
 in Managers Training126

Chernova Elina Grigoryevna,

“Life Solo” as the Way to Identity 130

Mikhailov Ivan Sergeyevich

The Role of Sense
 in Formation of Civilization..... 134

УДК 008.2+394.014

АНТИУРБАНИЗМ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Нехамкин Валерий Аркадьевич,

Московский государственный
технический университет
им. Н.Э. Баумана,

профессор кафедры философии,
доктор философских наук, профессор,
г. Москва, Россия.

E-mail: nechamkin@rambler.ru

Аннотация

В статье рассматривается антиурбанизм как система мировоззрения и практических действий. Указываются его альтернативы, перспективы в условиях урбанизации.

Ключевые понятия:

антиурбанизм,
урбанизация,
город,
рурализация,
город-призрак.

Важнейшей тенденцией развития современного мира выступает рост количества городов, повышение их роли в историческом процессе, именуемый «урбанизацией». Она проявляется в различных формах. Во-первых, увеличением числа городов, где проживает более миллиона жителей. В 1900 г. их было 19, в 1960 г. – 141, к 2004 г. только мегаполисов (где живут более 10 млн чел.) насчитывалось 30 [4]. Во-вторых, происходит массовый переход (миграция) людей из сельских населенных пунктов в городские. Особенно сильно тенденция проявляется в развивающихся странах Юго-Восточной Азии. По оценкам Джона и Дорис Нейсбит, только в КНР «за первое десятилетие XXI века более 250 миллионов китайских работников-мигрантов покинули свои деревни ради работы в городе; это больше взрослого населения США – самое масштабное переселение в истории» [5, с. 243]. В-третьих, как отмечает И. Рамоне, «население неуклонно концентрируется в городах» [8, с.7]. Города стремительно занимают пространство планеты Земля таким образом, что при экстраполяции тренда в будущее кажется несомненным преобладание данной формы организации жизни людей над ранее господствовавшей сельской.

Однако несмотря на обозначенные тенденции, в нынешнем глобальном мире доминирует не только урбанизация. Укажем ее альтернативы. Одна из них – идущий в разных странах и при различных обстоятельствах процесс рурализации (от лат. слова «ruralis» – сельский, деревенский), т.е. оттока (возвращения) населения из городов в сельскую местность в связи с резким ухудшением экономической, продовольственной, экологической обстановки, а также по идейным (как правило, религиозным) соображениям. К примеру, экономико-продовольственная рурализация характерна для России периода Гражданской войны 1918–1921 гг., экологическая – для времен «позднего» СССР, когда люди массово покидали города вблизи Аральского моря или расположенные в зоне, примыкавшей к Чернобыльской АЭС, после аварии 1986 г. (Припять и др.). Уход из мирских, «греховных» городов в сельские, лесные «скиты» с целью свободного отправления культа осуществляли в XVII–XVIII вв. многие русские староверы.

Другой противоположный урбанизации феномен может проявляться в уходе

из города (в силу разных причин, обозначенных в отношении рурализации) не только значительной части, но и практически всех населявших его ранее жителей. Оставшаяся городская инфраструктура, лишенная людей, какое-то время сохраняется, но затем разрушается под действием природных сил. На мой взгляд, такой тип практического антиурбанизационного развития целесообразно назвать «город-призрак» [6, с. 53]. В XX в. особенно много заброшенных «городов» было в США во время и сразу после Великой депрессии [11, с. 313].

В данной работе автор рассматривает иную, гораздо менее заметную (а потому недостаточно подробно изученную учеными) альтернативу урбанизации, которую целесообразно назвать «антиурбанизмом». Это система теоретических построений и практических действий, негативно оценивающая роль городов в жизни людей, рассматривающая городские территории как сферу аморализма, скученности, хаоса, преступности, иных антисоциальных проявлений, настаивающая на необходимости обязательного переселения городского населения в сельскую местность. Следует подчеркнуть, что антиурбанизм включает две составляющих: теоретическую и практическую. Каждая из них активно влияет на другую. Это обстоятельство отличает антиурбанизм от рурализации и «городов-призраков», являющихся преимущественно практическими феноменами. Своеобразными формами «Ответов» населения городов на «Вызовы» внешней природной и/или социальной среды (если использовать термины А. Тойнби), включающими минимальный уровень теоретической рефлексии над происходящим.

Конечно, в рамках статьи нельзя полностью реконструировать становление антиурбанистических воззрений от древности до наших дней, рассмотреть все формы их практической реализации в истории человечества. Эта работа ждет исследователей – представителей разных гуманитарных дисциплин: историков, философов, социологов, психологов, политологов и т.д. Однако, по моему мнению, имеет смысл обозначить наиболее общие характеристики антиурбанизма как системы взглядов – с одной стороны, социального действия – с другой.

Антиурбанизм как тип мировоззрения распадается на религиозное и светское направления.

Специфический вариант негативного отношения к городам развивается в рамках христианства. Уже в Ветхом Завете есть эпизод, говорящий об этом. Города Содом и Гоморра удостоились жестокого наказания от Бога за свою греховность, связанную с массовой сексуальной распущенностью. Бог послал для проверки сведений об этом ангелов, поселившихся в доме единственного праведника из Содома Лота. Тогда «весь народ со всех концов города» потребовал в отношении гостей: «приведи их к нам; мы познаем их». В наказание Бог пролил на указанные города «дождем серу и огонь с неба», уничтожив «всех жителей городов сих», местность вокруг (Бытие XIX, 4–5; 24–25). Следовательно, для авторов библейских текстов как минимум некоторые города выступали источниками порока.

Указанные тенденции в наиболее полном виде получили продолжение у Бл. Августина. Он идет дальше Ветхого Завета. В нем видели ущербными, «греховными» только два конкретных города, которые Бог уничтожает с помощью «серного дождя» (хотя и в этом «царстве зла» есть отдельные «праведники»). Августин же (базируясь на традиции, разделявшей людей по отношению к «Вечному городу» – Риму, – на римлян и варваров) представляет человеческую цивилизацию в виде огромного греховного города – «Града Земного», противопоставляемого «Граду Небесному (Божьему)», или раю, откуда людей изгнали после «первородного греха» Адама и Евы. Судьба «Града Земного» печальна. Он исчезнет после Страшного Суда, когда праведники спасутся, а остальные жители – нет. Если «Граду Небесному» суждено «вечно царствовать с Богом», то «Земному» – «подвергнуться вечному наказанию с дьяволом» [1, с. 705]. Причем у Августина список «недостатков» городской жизни существенно больше, чем в Ветхом Завете.

Во-первых, преимущественный эгоизм его жителей. Ибо «Грады» созданы двумя родами любви: «земной – любовью к себе, дошедшей до презрения к Богу; небесной – любовью к Богу, дошедшей до презрения к себе» [1, с. 703]. Во-вторых, создатель первого города – Каин (Бытие IV, 17), «из зависти убивший своего брата» [1, с. 711]. Его жертва Авель – странник, стремившийся к «Граду Божьему». (В дохристианском, римском варианте легенды есть сходный эпизод: построение города Рима началось с убийства Ромулом брата

Рема [10, с. 16]). В-третьих, «Град Земной» конечен, «Божий» – бесконечен во времени. В-четвертых, «Град Земной» пронизан борьбой людей [1, с. 712]. «Божий» – находится в постоянной гармонии. В-пятых, цель «Земного Града» – чтить Бога, чтобы с его помощью «властвовать в земном мире... Добрые люди пользуются миром, чтобы наслаждаться Богом» [1, с. 716].

В итоге Августин объединяет человечество в два «Града»: «Земной» (несовер-

ределению» [3, с. 4–5]. Следовательно, предельная рационализация, изгнание иррациональных элементов (особенно в финансовой сфере), виделась представителям «философии жизни» главным недостатком ее городской формы.

К началу XXI в., под влиянием глобализации, ее негативных проявлений (неконтролируемой миграции, противоречий по линии Север–Юг, роста экономического неравенства стран и т.д.), сформировал-

Таблица 1

Характеристики «Града Земного» и «Града Божьего» в концепции Бл. Августина

№	«Град Земной»	«Град Божий»
1.	Эгоизм	Альтруизм
2.	Братоубийство, зависть, аморализм	Любовь к ближнему, стремление к Богу
3.	Рождение от испорченной грехом природы	Благодать, освобождающая природу от греха
4.	Конечен во временном существовании	Вечен
5.	Борьба различных сторонников зла, между злыми и добрыми людьми	Покой, мир, наличие исключительно добрых людей
6.	Корысть, прагматизм: почитание Бога для властвования (господства) в земном мире	Бескорыстие: мир – арена «безвозмездного» почитания Бога

шенный) и «Божий» (идеальный). Он противопоставляет данные типы «поселений» по следующим признакам, которые, на мой взгляд, следует обобщить в таблице.

Теоретический антиурбанизм носил не только религиозный, но и светский характер. С одной стороны, он включал обвинения городской среды в аморализме, греховности, чрезмерном прагматизме, иных пороках, фиксируемых ранее теологами, противопоставляя ей «чистую», «непорочную» сельскую местность. Однако одновременно мыслители того периода четко понимали, что «вернуться» к «естественной природе» суждено отдельным индивидам, но не человечеству. (В XVIII в. такой подход нашел наиболее яркое выражение у Ж.Ж. Руссо).

С другой стороны, светский антиурбанизм после эпохи Просвещения выдвигает и новые, социально-психологические, причины «порочности» городов. В XIX в., как полагает Г. Зиммель, «страстную ненависть» к большим городам испытывали такие «натуры», как Дж. Рескин и Ф. Ницше, для которых «ценность жизни заключается именно в несхематичном, своеобразном, не поддающемся равному для всех оп-

ся целый набор теоретических аргументов антиурбанизма. Обобщим их в следующих положениях. Во-первых, рост количества городов несоизмерен возможностям Земли по их содержанию. Он хаотичен, «все больше ускользает от ... контроля» [8, с. 7], что несет в перспективе человечеству жесткие конфликты в разных сферах социального бытия. Во-вторых, в мегаполисах (особенно в их богатых кварталах) вместо «красоты многообразия» властвует стандартизация (единообразие), нацеленная на воспроизводство глобальной (фактически – западной) культуры. От Киото до С.-Петербурга горожане смотрят одинаковые фильмы, поют одни и те же песни, надевают похожую одежду, сделанную рядом известных фирм [8, с. 39]. В-третьих, города из-за их чрезмерных размеров разрушают экологическое, социальное, экономическое равновесие. В-четвертых, в городах, аккумулирующих финансовые потоки, обостряется проблема противоречия между незначительной частью привилегированных и «массой» обездоленных, отверженных, не имеющих шансов стать состоятельными, получить достойное образование [8, с. 8]. Подобный тренд опять-таки чреват конфлик-

тностью. Это видно на примере городских бунтов в Лос-Анджелесе (1992 г.), Париже (2005 г.), Лондоне (2011 г.). По мнению критиков урбанизации, особенно печально, что указанные тенденции будут неизбежно накладываться друг на друга, что приведет человечество к еще большему дисбалансу.

Перспективы урбанизации в условиях усиливающегося, благодаря глобализации, антиурбанизма выступают довольно пессимистическими. Рамоне формулирует их так: «Мегаполисы Юга (Мехико, Сан-Паулу, Калькутта, Каир, Лагос, Шанхай) кажутся *предвозвестниками разрушения западной модели городского общества* (курсив мой – В.Н.). ... Если взглянуть на пригороды Севера, кризис запирает в городах-гетто массы населения, лишённые перспектив на будущее и выражающие свое отчаяние частыми взрывами насилия» [8, с. 8].

Следует отметить: антиурбанизм существует не только в сфере теории или «бунта» как непосредственной реакции на урбанизацию, ее негативные черты. Он выступает и в форме специфической социальной практики, направленной на отрицание городов. Одни ее формы идут «снизу», из среды обездоленного сельского населения Юго-Восточной Азии, Южной Америки, Индии. Например, как пишет А. Буровский, индусское движение «Джан Сангх» требует (пока от своих сторонников) отказаться от технических благ западной цивилизации (железных дорог, двигателей внутреннего сгорания и т.д.). Покинуть города: «забросить многоэтажные дома и вернуться к тихой благолепной жизни предков в индусской деревне» [2, с. 218], т.е. к аграрному обществу. Возможные последствия массового использования такой «технологии» – гибель тысяч бывших горожан от голода, отсутствия привычной инфраструктуры, медицинской помощи, – адептов такой точки зрения не волнуют.

Более опасны, разрушительны формы антиурбанизма, генерируемые в обратном направлении – «сверху – вниз», от государственной власти (обладающей значительным «административным ресурсом», возможностью принуждения) на народ. Например, правившие Кампучией в 1975–1979 гг. сторонники радикальной марксистской группировки Пол Пота

(т.н. «красные кхмеры») действительно «упразднили» города. Примечательно, что еще находясь в оппозиции, руководители данной организации активно критиковали урбанизацию. Так, Ху Юн* писал: город – «огромный насос, который выкачивает жизненные силы из кхмерской деревни. Необходимые для крестьянства товары, которые поставляет город, являются как бы наживкой. В действительности деревня дает городу больше, чем получает от него... Город – это враг, вместо того, чтобы помочь деревне, город ее безжалостно эксплуатирует... В хозяйствах крестьян-бедняков ... современная техника совершенно не используется. Кхмерский крестьянин не обеспечен полностью даже простыми традиционными орудиями труда» [цит. по: 9, с. 27]. Казалось бы, из такого тезиса логичен вывод: раз ресурсы между городом и деревней перераспределяются неправильно, то следует изменить ситуацию, найти более справедливую форму их отношений. Однако «революционеры» предпочли выселить значительные массы горожан в сельскохозяйственные коммуны, где практиковалось обобществление любых предметов, вплоть до платков и зубных щеток. К тем, кто допускал «пережитки капитализма», применялись жестокие наказания: вплоть до смертной казни на месте. (Красные кхмеры не оригинальны. Они переняли соответствующий опыт у маоистского Китая, где лица, «провинившиеся» перед властью, включая будущего «архитектора» рыночных реформ в КНР Дэн Сяопина, выселялись в деревню для «перевоспитания». Переселение части населения городов Южного Вьетнама в сельскую местность совершили и власти другого социалистического государства – ДРВ после победы в гражданской войне в 1975 г. почти одновременно с «красными кхмерами» [9, с. 87]. Однако в «Демократической Кампучии» дело пошло гораздо дальше. Объектом антиурбанистической трансформации стали не отдельные личности или группы, а горожане в целом).

Важны и причины антиурбанизма. Как правило, их видят в дифференциации уровней жизни «золотого миллиарда» и остального человечества. Так, Буровский верно полагает, что за «опытом» Пол Пота, идеологией «Джан Сангх» ле-

*По иронии судьбы против антиурбанистической практики «красных кхмеров» в начале их правления публично протестовал именно Ху Юн, за что был убит в августе 1975 г. по приказу бывших соратников.

жит отрицание «западной цивилизации...», основанное на иррациональной ярости обездоленных и угнетенных. Тех, кто никогда не сможет сесть за руль хорошей машины с кондиционером, послать сына в университет, путешествовать по миру, останавливаясь даже в самых скромных отелях» [2, с. 219]. Его мнение справедливо. Однако только ли в экономическом неравенстве кроются истоки антиурбанизма? Подчас это – средство решения прагматической задачи, дающее негативные результаты.

Присмотримся с содержательной стороны к опыту «красных кхмеров» как первой последовательной попытке борьбы с урбанизацией в XX в. Переселение в деревню поначалу служило временной мерой. Дело в том, что в результате гражданской войны в городах Кампучии (особенно в столице Пномпене) скопились миллионы беженцев. Кормить их было нечем, а иностранная помощь была неприемлема по политико-идеологическим соображениям. Поэтому руководство красных кхмеров логично решило переселить «лишние рты» в деревню, чтобы они там смогли самостоятельно добыть продовольствие себе и стране. Конечно, осуществлялась такая политика жестокими, насильственными мерами. Так, в пути переселенцев в «коммуны» кормили рисом, но в дороге погибло примерно 10,5 тысячи из 2 миллионов горожан [9, с. 88]. Затем часть из них (рабочие промышленных предприятий, железнодорожники) новые власти вернули назад. Однако к оставшимся на селе в годы правления Пол Пота постоянно добавляли новых «спецпоселенцев», работавших в тяжелых и непривычных условиях с использованием методов максимального принуждения к физическому труду, существовавших на грани голодной смерти. Так, в конце 1975 г. официальная ежедневная норма выдачи риса в кампучийских «коммунах» составляла 250 г. (при нормативе Всемирной организации здравоохранения 450 г., т.е. в 1,5 раза больше). Это вело к высокой смертности бывших городских жителей. Интересно, что постепенно урожаи риса (на базе в т.ч. высокой квалификации прибывшей рабочей силы) повышались. Последнее позволило увеличить ежедневные нормы его потребления в ДРК [9, с. 95]. В целом же результат не оправдывал таких значительных человеческих жертв. Антиурбанизм у «красных кхмеров» пре-

вратился из временного в постоянное средство проведения политики, что привело к геноциду.

Итак, антиурбанизм – характерная черта современной цивилизации, которая сохранится в обозримом будущем. Он включает как теоретическую (в религиозном и светском вариантах), так и практическую составляющую, которые тесно связаны. Это одновременно система мировоззрения и вытекающего из него социального действия. В последнем случае он наиболее опасен, когда принимает формы государственной политики, опирающейся на волю значительной части управляемых народных масс. Тогда без больших человеческих жертв не обойтись. Вместе с тем антиурбанизм как теоретическая конструкция показывает различные «тупики», проблемы, противоречия, недостатки урбанизации. В этом плане он носит позитивный характер. Для того чтобы антиурбанизм не стал преобладающей установкой в сфере действия внутренняя (по уровню жизни населения) и внешняя (между собой) поляризация городов должна находиться под жестким контролем как на региональном, так и на глобальном уровнях. Решать эту проблему из какого-то одного «надгосударственного», транснационального центра нельзя. Важно помнить и другое: антиурбанизм продолжит существовать, потому что выступает существенным элементом антиглобалистского менталитета [7].

1. Августин Бл. О Граде Божиим. Минск: Харвест, 2000. 1296 с.

2. Буровский А.В., Якуцени С.П. Завтра будет война! М.: Яуза-пресс, 2010. 352 с.

3. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3 (34). С. 1–12.

4. Краткий доклад ООН. Мониторинг мирового населения с уделением основного внимания распределению населения, урбанизации, внутренней миграции и развитию. Нью-Йорк: Изд-во ООН, 2009. 259 с.

5. Нейсбит Дж., Нейсбит Д. Китайские мегатренды: 8 столпов нового общества. М.: Астрель, 2012. 315 с.

6. Нехамкин В.А., Сачкова В.А. Образы «города будущего» в культуре XX – начала XXI вв.: мифы и реальность // Вестник Московского государственного областного университета. 2012. № 3. Серия «Философские науки». С. 47–55.

7. Нехамкин В.А. Глобалистский и антиглобалистский менталитет // Историческая психология и социология истории. 2013. № 1. С. 147–165.

8. Рамоне И. Геополитика хаоса. М.: ТЕИС, 2001. 128 с.
9. Самородный О.А. Пол Пот. Камбоджа – империя на костях? М.: Алгоритм, 2013. 320 с.
10. Тит Ливий. История Рима от основания Города. Т. 1. М.: ЛАДОМИР, 2002. 702 с.
11. Хинштейн А.Е., Мединский В.Р. Кризис. М.: ОЛМА, 2009. 464 с.

References

1. St. Augustine (2000) O Grade Bozhiem [About the city of God]. Minsk: Harvest, 1296 [in Rus].
2. Burovskii A.V., Yakuceni S.P. (2010) Zavtra budet voyna! [Tomorrow will be a war!]. Moscow, Yauza-press, 352 [in Rus].
3. Zimmel G. (2002) Logos, no 3 (34). pp. 1–12 [in Rus].
4. Kratkii doklad OON. Monitoring mirovogo naselenia s udeleniem osnovnogo vnimania raspredeleniu naselenia, urbanizacii, vnutrennei migracii i razvitiu (2009) [Summary report of the United Nations. World population monitoring with emphasis on population distribution, urbanization, internal migration and development]. New-York, OON Published, 259 [in Rus].
5. Naisbitt Jh., Naisbitt D. (2012) Kitaiskie megatrendi: 8 stolpov novogo obchestva [China's Megatrends: the 8 pillars of a new society]. Moscow, Astrel', 315 [in Rus].
6. Nekhamkin V.A., Sachkova V.A. (2012) Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, no. 3, Series Philosophy, pp. 47–55 [in Rus].
7. Nekhamkin V.A. (2013) Istoricheskaya psihologija i sociologia istoriya, no. 1, pp. 147–165 [in Rus].
8. Ramone I. (2001) Geopolitika haosa [Geopolitics of chaos]. Moscow, TEIS, 128 p. [in Rus].
9. Samorodnij O.A. (2013) Pol Pot. Cambodza-Imperija na Kostjkh? [Pol Pot. Cambodia – the Empire on the bones?]. Moscow, Algoritm, 320 [in Rus].
10. Titus Livius (2002) Istorija Rima ot osnovanija Goroda [The history of Rome from the founding of the City]. Moscow, Ladomir, vol. 1, 702 [in Rus].
11. Hinstein A.E., Medinskij V.R. (2009) Krisis [The Crisis]. Moscow, OLMА, 464 [in Rus].

UDC 008.2+394.014

ANTIURBANIZM AS A SOCIAL PHENOMENON: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Nekhamkin Valeri Arkadyevich,
Bayman Moscow State Technical University,
Professor of the Department Chair of
Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor,
Moscow, Russia.
E-mail: nechamkin@rambler.ru

Annotation

The article considers antiurbanizm as a worldview and practical actions system. Specify alternatives, prospects for urbanization.

Key concepts:

antiurbanizm,
urbanization,
city,
ruralization,
ghost city.

УДК 366.12

ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО МЕГАПОЛИСА ПРИ ЗАНЯТИИ ШОПИНГОМ

Грунт Елена Викторовна,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России

Б.Н. Ельцина,

профессор кафедры
прикладной социологии,
доктор философских наук,
г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: helengrunt2002@yandex.ru

Аннотация

В статье дается теоретический анализ понятий потребительского поведения, шопинга, рассматривается содержание данных понятий, выявляются функции шопинга. Автор предлагает типологический анализ потребительского поведения человека при занятии шопингом.

Ключевые понятия:

потребительское поведение,
шопинг, функция,
типологический анализ,
типология.

Введение в исследовательскую проблему

Процессы урбанизации и индустриализации, развитие массового производства, рост уровня и качества благосостояния населения сделали возможным появление массовых рынков, что привело к изменению процесса покупки – произошла модификация простого приобретения товаров в шопинг.

Появление универмагов и супермаркетов в Западной Европе и США в середине XIX века привело к развитию шопинга и культуры потребления. Молы и торговые центры, появившиеся в XX веке, представляют собой новые торговые форматы, где представлены различные товары и созданы все условия для того, чтобы способствовать совмещению отдыха с покупками.

В России явление шопинга появилось относительно недавно. В советское время данный феномен практически отсутствовал. В СССР повсеместно наблюдались товарный дефицит, ограничение выбора товаров и услуг. Советским гражданам приходилось отстаивать в длинных очередях за предметами потребления.

Переход к рыночной экономике, который произошел в 90-е гг. XX века, способствовал появлению новых товаров и услуг, развитию инфраструктуры розничной торговли и, следовательно, развитию шопинга, которое происходило скачкообразно. Однако, по нашему мнению, не стоит говорить, что российская культура потребления полностью заимствовала западные образцы потребления и шопинга. Наша страна имеет свои специфические особенности, обусловленные социально-экономическим, политическим, социокультурным развитием. Следовательно, российский шопинг также имеет свою специфику и особенности развития, что требует изучения. Тем не менее, тема шопинга является относительно мало разработанной в отечественной социологии. Только в 90-е годы XX века стали возникать научные работы, в которых анализировалась проблема шопинга, чаще всего маркетинговые, имеющие прикладной характер. В этих работах в основном изучается проблема как шопинг-зависимости, то есть «навязчивое влечение делать необдуманные покупки, которое приравнивают к заболеванию» [10, с. 36–38].

Теоретические основания исследования

Прежде чем говорить о шопинге, как элементе потребительского поведения, рассмотрим понятие «потребительское поведение».

Рамки статьи не позволяют рассмотреть все имеющиеся в литературе определения «потребительского поведения», поэтому обратимся к современным трактовкам данного понятия. В зарубежной теории потребления базовым является определение потребительского поведения Р. Блэкуэлла, П. Миниарда, Дж. Энджела: «... это деятельность, направленная непосредственно на получение, потребление и распоряжение продуктами и услугами, включая процессы принятия решений, которые предшествуют этим действиям и следуют за ними» [12, с. 38].

Отечественный социолог И.В. Алешина определяет потребительское поведение как «... деятельность, непосредственно вовлеченная в обретение, потребление и избавление от продуктов, услуг, идей, включая процессы решений, предшествующие этой деятельности и следующие за ней» [1, с. 12].

Мы согласны с определением потребительского поведения, которое дается в социологическом словаре: «это серия взаимосвязанных социальных актов, осуществляемых индивидом в рыночной среде: осознание собственных потребностей и интересов, поиск информации о товаре или услуге, оценка вариантов, покупка, потребление, постпокупочная оценка альтернатив» [11].

Таким образом, мы видим, что все вышеперечисленные определения в какой-то степени дублируют друг друга. Во всех них потребительское поведение – это активная социальная деятельность индивида, которая протекает до совершения покупки, во время покупки и, собственно, после ее совершения.

Определившись с понятием «потребительское поведение», перейдем к анализу понятия «шопинг».

В современной научной литературе достаточно сложно определить с понятием «шопинг». Так, исследователь Р. Боулби различает два вида шопинга [13, с. 93]. Первый вид – «doing shopping», то есть процесс совершения покупок, когда при необходимости приобретения какой-либо вещи посещают магазины. Второй – «going shopping» как прогулка по магазину без

конкретной цели; в этом случае шопинг понимается как способ проведения досуга и источник удовольствия, вид общения и игры. Таким образом, во втором случае шопинг реализует свою гедонистическую, досуговую и игровую функции.

Стоит отметить, что на Западе проводились исследования, в которых шопинг чаще всего рассматривается как один из видов потребительского поведения, и предпринимается попытка создания типологии потребителей, но с учетом специфики западных обществ [4, с.52–67].

Зачастую под «шопингом» понимается не просто покупка товаров, а весь комплекс, включающий также и сопутные развлечения (рестораны, кафе, кино и пр.) [14, 15]. Таким образом, в данном определении выделяется не только утилитарная функция шопинга, но он рассматривается как один из видов проведения досуга, который состоит в посещении развлекательных мест, что означает совмещение отдыха с покупками.

В отечественной социологии изучением потребительского поведения и, собственно шопинга, активно занимается В.И. Ильин. По его мнению, шопинг [7] обозначает не только традиционный процесс выбора товара, но и посещение торговых центров как музеев современной культуры, храмов. Также шопинг понимается им как форма досуга и как инструмент конструирования идентичности. Действительно, зачастую для посетителей торговых центров интересен не сам процесс выбора товаров. Для них становится важен факт погружения в мир красивых вещей. Проводя время в торговых центрах, люди начинают причислять себя к определенной группе и соглашаются с ее идеологией. В данном случае, этой группой являются шопоголики, которые зависимы от занятий шопингом.

Шопинг многими исследователями рассматривается и как форма потребительского поведения личности. Как отмечают Е. Немкова и А. Рыс, «Шопинг – это вид потребительского поведения, при котором человек имеет возможность индивидуального выбора при принятии решения о покупке» [9]. Таким образом, данными авторами делается акцент на потребительской сущности шопинга. Он характеризуется ими как один из элементов потребительского общества. Однако в данном определении шопинга делается упор лишь на стадии принятия решения о покупке, при этом игнорируется возможность влияния на человека внешних факторов до совер-

шения покупки, сам процесс потребления и оценка альтернатив, которая происходит после потребления.

В Новом словаре иностранных слов шопинг определяется как «посещение магазина с целью совершения покупок; процесс покупки» [6, с.731]. В данном определении акцентируется внимание лишь на утилитарной функции шопинга, не учитывая то, что может предшествовать процессу совершения покупки.

Л. П. Крысин под шопингом понимает «посещение магазинов с целью покупки каких-нибудь товаров (обычно во время поездок за границу)» [8, с. 267]. Таким образом, он связывает шопинг с внешним туризмом, что сужает данное понятие.

Рассмотрев теоретические подходы к рассмотрению шопинга, дадим дефиницию данного понятия. Шопинг – вид потребительского поведения личности, ориентированный на времяпрепровождение, включающее весь комплекс услуг, начиная от принятия решения о покупке товара, до развлечений, сопутствующих этому процессу. Все это говорит о том, что шопинг – вид потребительского поведения, который направлен не только на покупку товаров, но и на проведение досуга, ориентирован на реализацию как утилитарной, так и гедонистической функций.

Рассмотрим функции шопинга. Одной из основных функций шопинга является утилитарная функция. Люди занимаются шопингом в целях покупки необходимых им товаров (продуктов питания, одежды, обуви и т. д.). Покупатель ищет необходимые ему товары, знакомясь с существующими товарами, сравнивая цены, а затем принимает решение о покупках.

Шопинг также реализует коммуникативную функцию. Коммуникативная функция шопинга связана с тем, что люди, имеющие мало возможностей для общения в обыденной жизни, посещают торговые центры либо магазины в поисках расширения социальных контактов или просто провести время в общении с близкими им людьми. Другими словами, торговые центры обеспечивают средства для преобразования и улучшения отношений. Магазины и торговые центры становятся местом встречи с людьми, могут послужить толчком к завязыванию новых контактов, если при других обстоятельствах вероятность пообщаться у этих людей намного ниже.

Шопинг осуществляет и гедонистическую функцию через положительные ощущения, получаемыми посетителями при

занятии шопингом. Отдельные посетители получают удовольствие от взаимодействия с продавцом, в результате которого совершают покупки на выгодных им условиях. Покупателю доставляет особое блаженство примерка красивых вещей, слушание приятной музыки, ощущение аромата парфюмерных изделий, запах вкусной еды и т. д.

Современные торговые центры предлагают отличную от повседневной жизни праздничную атмосферу. Ключевым моментом, доставляющим приятные ощущения и эмоции, является отрыв от реальности. Поскольку процесс выбора товаров – это сравнение различных характеристик товара и цен, и, в конечном счете, достижение результата – осуществления покупки, то это может представлять собой захватывающую игру. В этом заключается игровая функция шопинга. Мы согласны с мнением З. Баумана, что « способ, которым сегодняшнее общество “формирует” своих членов, диктует в первую очередь обязанность играть роль потребителей» [2, с. 57].

Шопинг обеспечивает восполнение духовных и физических затрат, связанных с выполнением трудовых обязанностей. Это составляет компенсаторную функцию шопинга. Прогулка по торговым центрам для некоторых людей является формой разминки и физической разрядки, особенно для тех, чья повседневная жизнь не отличается физической активностью.

Также человек получает наслаждение от покупки, стараясь сгладить отрицательное воздействие на него различных жизненных факторов. Чтобы как-то избавиться от накопившегося чувства негатива, человек стремится вновь и вновь испытать приятные чувства.

Статусная функция подразумевает пребывание в кругу равных себе, при котором происходит коммуникация людей со схожим кругом интересов для обмена информацией и впечатлений друг с другом, либо коммуникация людей, имеющих равный социальный статус [3, 5]. Посещение определенных магазинов (аудиозаписей, элитных, фирменных магазинов) способствует реализации стремления потребителей принадлежать к конкретной референтной группе. Занимаясь шопингом, посетитель магазина получает возможность привлечения к себе внимания и уважительного отношения со стороны продавца. Он оказывается в ситуации обслуживанияемого в силу статуса потенциального покупателя, независимо от факта покупки. Это, в свою

очередь, повышает самооценку посетителя магазина.

Шопинг также является творчеством. В этом заключается его самореализующая функция. Человек, покупая вещи, стремится выразить себя через них, он их наделяет вдохновляющим свойством, некими символами [3, с. 85]. Другими словами, шопинг является средством самореализации покупателя.

Шопинг также реализует релаксационную функцию. Он дает возможность покупателю прервать рутину повседневности. В торговых центрах расположены кафе, кинотеатры, ледовые катки, которые способствуют полноценному отдыху. Все это способствует приятному времяпровождению посетителей торговых центров.

Методология исследования

Методологическую базу исследования составили принципы функционального подхода к трактовке шопинга. Функциональный подход позволяет рассматривать шопинг через функции, реализуемые в нем.

Эмпирическая база исследования.

Исследование было проведено в г. Екатеринбурге в ноябре-декабре 2013. Методами сбора первичной информации выступали анкетный опрос и глубинное интервью. Было опрошено 550 человек в возрасте 18 лет и старше, занимающихся шопингом, на основе стихийной выборки. Также было проведено 15 глубинных интервью с жителями г. Екатеринбурга, активно занимающихся шопингом.

Основные результаты исследования

Для анализа потребительского поведения населения мегаполиса при занятии

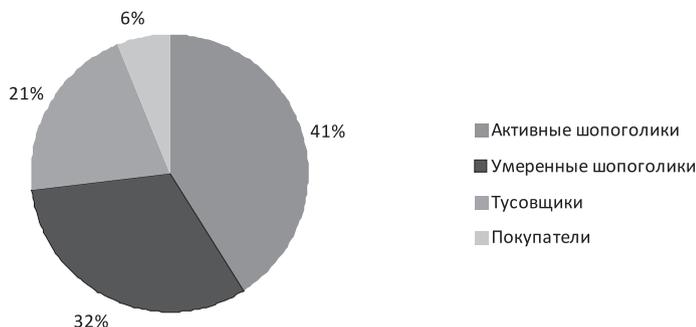
шопингом в исследовании был избран метод типологического анализа. Он позволил выделить существенные характеристики, особенности потребительского поведения различных групп населения мегаполиса при занятии шопингом с точки зрения их интереса к занятию шопингом и частоты занятия им; помочь рассмотреть многообразие проявлений потребительского поведения респондентов в современных условиях; воспроизвести и описать некоторые из его измерений. Безусловно, сконструированная типология не дает исчерпывающего представления о данном социальном феномене. Выделенные типы потребительского поведения представляют собой идеальные типы и в «реальной жизни» могут существовать параллельно в потребительских практиках одного и того же человека. Нередко в одном и том же интервью встречаются практики более чем одного из перечисленных типов. Тем не менее, внутренняя консистентность интервью и результатов анкетного опроса позволяет выделить их в отдельные типы,

Применив типологический анализ, в исследовании нами выделено три группы – носителей потребительского поведения при занятии шопингом (см. диаграмму 1).

К первому типу относятся «активные шопоголики», которые составляют 41,0% от выборочной совокупности. Представителями данного типа являются преимущественно женщины в возрасте от 30 до 40 лет. Как правило, большинство из них имеет высшее или неоконченное высшее образование, практически все они работают (до 90,0%), каждый пятый респондент является домохозяйкой.

В ходе исследования выявлено несколько качественных показателей, характеризую-

Типология потребительского поведения посетителей при занятии шопингом

щих данный тип. Как правило, большинство из них (65,0%) занимаются шопингом от одного до двух раз в неделю. При этом они больше склонны воспринимать шопинг как одну из форм досуга (87%), так как часто проводят свободное время в магазинах и торговых центрах, сочетая отдых с покупками «Для меня шопинг – это релакс. Он необходим как воздух. Когда я прихожу в «Мегу» или «Гринвич», то я погружаюсь в эту атмосферу. Играет музыка, ты видишь красивые вещи, их можно примерить. К тому же можно перекусить, пообщаться. А если бываешь в «Гринвиче» или «Радуге-парке», то можно сходить в кино, прекрасно провести свое свободное время. Мы с подругой можем часами проводить время здесь. А когда скидки... Можно купить много красивых вещей!» (Анна, 38 лет, посетитель «Меги»).

Таким образом, мы видим, что для этих посетителей шопинг, главным образом, выполняет гедонистическую, релаксационную и статусную функции. Среди них больше респондентов, испытывающих удовольствие от занятия шопингом, в силу следующих причин – покупки вещи, а также скидок и акций, релаксации. Эти респонденты чаще всего предпочитают совершать шопинг вместе с подругой или другом. Средняя сумма, которую тратят представители данной группы за одно занятие шопингом, составляет от 1000 до 2 000 рублей. «Сегодня я потратила примерно 1500 рублей, но если ходить сюда часто, как это я делаю, то получится кругленькая сумма. Но, я уже без этого не могу» (Елена, 30 лет). Они нередко консультируются у своих друзей и членов семьи для получения информации о товарах. В результате советы знакомых и друзей влияют на потребительский выбор покупателя. Представители этой группы становятся так называемыми «лидерами мнений», так как имеют преобладающую точку зрения над покупателями, которые менее компетентны. Это означает большое влияние на них со стороны референтной группы. Вместе с тем, именно эта группа является наиболее уязвимой в плане шопинговой зависимости. Шопинговая зависимость на Западе известна уже давно. В начале XX столетия немецкие психиатры определили пристрастие к покупкам как болезненное состояние [10, с. 36–38]. Были проведены исследования, в результате которых было выяснено, что у женщин, увлеченных шопингом, теряется способность рационально мыслить, при этом активизируется эмоциональная составляющая.

Ко второму типу – «умеренным шоппо-голикам» – относится 32,0% респондентов. Они занимаются шопингом от одного раза в месяц до одного раза в 3 месяца. Представителями данного типа являются также преимущественно женщины в возрасте от 30 до 50 лет. Представители данной группы менее склонны воспринимать шопинг как досуг (69%). Для них важна как гедонистическая, так и утилитарная функция шопинга. В отличие от представителей первой группы они более осознанно занимаются шопингом: «Я люблю заниматься шопингом. Шопинг повышает настроение. Обычно я это делаю с мужем или дочерью. Очень люблю делать покупки, особенно дочери. Нравится как процесс выбора товара, так, как правило, и сама купленная вещь. Хожу только в крупные магазины. Здесь можно одновременно и отдохнуть...» (Марина, 46 лет, посетитель «Меги»). Как видим, купленная вещь и сам процесс совершения покупок способствуют получению покупателями удовольствия от занятия шопингом. В среднем за одно занятие шопингом они тратят от 2000 до 5 000 рублей. Чаще всего они предпочитают заниматься шопингом вместе с подругой, другом, семьей. Интернет является главным источником информации при занятии шопингом, по сравнению с представителями первого типа.

Исследование выявило новый тип посетителей моллов, супермаркетов, который мы условно назвали «тусовщиками». К нему относится 21,0% респондентов, девушек в возрасте от 18 до 23 лет. Большинство из них являются студентками колледжей или младших курсов вузов (около 70,0%), со средним достатком или ниже среднего. Как правило, они практически ничего не покупают, но весьма часто посещают эти места и являются «глазами витрины». Эти посетители понимают шопинг как приятную деятельность и отвергают любую утилитарную или инструментальную функцию в шопинге. Они высоко ценят сам процесс посещения магазинов, независимо от того, купили они что-либо или нет. Для них процесс посещения магазинов имеет высокую «эмоциональную» ценность, представляется развлечением и способом проведения досуга. Как считает одна из информанток, «для девушки – это непременно часть досуга, так как шопинг вызывает положительные эмоции. Выделяется много эндорфинов. Мы с подругами часто ездим в «Мегу», «Гринвич», «Радугу-парк, просто тусуемся. Это же здорово: примеряем вещи, иногда покупаем, кушаем, ходим в кино» (Евге-

ния, 19 лет, посетитель «Меги»). Для другой – «шопинг – это поход в магазин. Для этого не нужно никакой цели, собрались с девчонками и пошли. Это же лучше, чем ходить по улицам. Иногда что-нибудь и купишь... Ходим 2–3 раза в неделю» (Ксения, 20 лет).

Четвертый тип – «покупатели» – является самым малочисленным. Он составляет 6,0% от выборочной совокупности. Представителями данного типа, в отличие от трех вышеперечисленных типов, являются большей частью мужчины (до 80,0%), что является подтверждением предположения о том, что мужчины в большей степени предрасположены к восприятию шопинга как обязанности. Они занимаются шопингом от одного раза в полгода до одного раз в год. В отличие от представителей трех первых групп для них, в меньшей мере, шопинг служит одной из форм досуга (в 37% случаев). Для них шопинг выполняет преимущественно утилитарную функцию.

Также шопинг не доставляет им удовольствия, так как получают большую психологическую и физическую нагрузку из-за занятия шопингом, и больше предпочитают индивидуальный шопинг. Средняя сумма, которую они тратят за одно занятие шопингом, составляет от 5 000 до 10 000 рублей. Источниками информации в равной степени являются Интернет, телевидение, друзья и знакомые.

Таким образом, исследование показало, что сама практика шопинга для многих респондентов сложна и противоречива, так как одновременно может сочетать в себе две противоположные функции – утилитарную и гедонистическую, а именно быть не только необходимостью, но и видом досуга.

Выводы исследования

Исследование зафиксировало, что в современной России значительно увеличивается время населения, отводимого на все то, что связано с потреблением. При этом речь не идет об удовлетворении насущных потребностей, без которых не может существовать человек. Существенное время отводится человеком на то, что окружает само действие потребителя: изучение ассортимента товаров, поиск информации о товаре в Интернете, собственно покупка. Параллельно с этим наблюдается увеличение времени населения на действия, сопутствующие покупке товара – походы в кино, кафе и пр. Таким образом, шопинг

становится не только формой потребительского поведения населения мегаполиса, но и своеобразным стилем жизни.

Шопинг имеет гендерный характер. В большей степени (до 80,0%) им занимаются женщины.

Исследование зафиксировало факт возрастания числа тех, кто значительное время проводит в молах, супермаркетах, торговых центрах, делая незначительные покупки или не делая их вообще (в нашем случае, группа «тусовщиков»). Одинаковость возможности посещения этих мест в какой-то степени компенсирует их неравенство в других социальных сферах – здесь они себя чувствуют «человеком, равным другим». Становится очевидной новая тенденция социальных последствий шопинга для населения мегаполиса – некоторое снижение остроты социальной напряженности и психологическое нивелирование резкой имущественной и социальной дифференциации современного российского общества.

Еще одна новая тенденция выявлена в ходе исследования при занятии населения мегаполиса шопингом – возможность формирования у его части «шопинговой зависимости», что приводит к трансформации личности (в нашем случае, группа «активных шоппоголиков»).

1. Алешина И.В. Поведение потребителей: учебное пособие для вузов. М.: Фаир-Пресс, 2000. С. 227.

2. Бауман Э. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. С. 116.

3. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1999. С. 82–119.

4. Бурстин Д. Сообщества потребления // Thesis. 1993. N 3. С. 52–67.

5. Веблен Т. Теория праздного класса М.: Изд-во Прогресс, 1984.

6. Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний. 2-е изд. М.: Азбуковник, 2006. С. 739.

7. Ильин В.И. Потребление как дискурс: учебное пособие. СПб.: Интерсоцис, 2008. С. 362.

8. Крысин Л.П. 1000 новых иностранных слов. М.: АСТ-Пресс книга 2009. С. 308.

9. Немкова Е., Рыс А. и др. Шопинг: как люди делают это? [Электронный ресурс]. URL: http://www.hse.ru/data/005/979/1224/shopping_21.11.doc (дата обращения: 08.02.2014).

10. Орлова А.Е. Шопинг, который вас разоряет. М.: Вече, 2007. С. 138.

11. Поведение потребителей [Электронный ресурс] // Социологический словарь. URL: <http://enc-dic.com/sociology/Povedenie-Potrebitelej-6826.html> (дата обращения: 28.02.2014).

12. Энджел Дж.Ф., Блэкуэлл Р.Д., Миниард П.У. Поведение потребителей. СПб: Питер Ком, 2000. С. 380.

13. Bowlby R. Supermarket Futures \ The Shopping Experience; ed. by P. Falk, C. Cambel. L.: Sage, 1997. P. 92–110.

14. Life-style shopping. The subject of consumption. L.: Routledge, 1992. P. 423.

15. Miller D. The dialectic of shopping. Chicago., Il.: Institute of Chicago Press, 2001. P. 285.

References

1. Aleshina I.V. (2000) Povedenie potrebiteley: uchebnoe posobie dlya vuzov [Consumer's behavior: Textbook for universities]. M.: Fair Press. P. 227 [in Rus].

2. Bauman Z. (2004) Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva [Globalization. Consequences for man and society. M.: Ves Mir, p. 116 [in Rus].

3. Bodriyyar Zh. (1999) Sistema veschey [System of things]. M.: Rudimiro, pp. 82–98 [in Rus].

4. Burstin D. (1993) Soobschestva potrebleniya [Community of consumers] // Thesis, 3, 52–67 [in Rus].

5. Veblen T. (1984) Teoriya prazdnogo klassa [Theory of the Leisure Class]. M., pp. 298 [in Rus].

6. Zaharenko E.N., Komarova L.N., Nechaeva I.V. (2006) Novy slovar inostrannikh slov: 25000 slov i slovosochetaniy [A new dictionary of foreign words: 25 000 words and phrases]. M., 2006, p. 739 [in Rus].

7. Ilin V.I. (2008) Potreblenie kak discours: uchebnoe posobie [Consumption as a discourse]. SPb, 362.

8. Krisin L.P. (2009) 1000 novikh inostrannikh slov [1000 new foreign words]. M., p. 308 [in Rus].

9. Nemkova E., Ris A. and others. Shopping. Kak ludi delaut eto? [Shopping. How do people do it?]. Available at: http://www.hse.ru/data/005/979/1224/shopping_21.11.doc (accessed: 08.02.2014) [in Rus].

10. Orlova A.E. (2007) Shopping, kotory vas razoryaen [Shopping which impoverishes you]. M., 2007, 138 [in Rus].

11. Povedenie potrebiteley [Consumer's behavior]// Sotsiologichesky slovar. Available at: <http://enc-dic.com/sociology/Povedenie-Potrebitelej-6826.html> (accessed: 28.02.2014) [in Rus].

12. Endgel D., Blakwell R., Miniard P. Povedenie potrebiteley [Consumer's behavior], 2000, p.380 [in Rus].

13. Bowlby R. (1997) Supermarket Futures // The Shopping Experience; ed. by P. Falk, C Cambel. L.; Sage, 92–110 [in Eng].

14. Life-style shopping. The subject of consumption (1992), L.: Routledge, 423 [in Eng].

15. Miller D. (2001) The dialectic of shopping. Chicago, Il.: Institute of Chicago Press, 285 [in Eng].

UDC 366.12

CONSUMER'S BEHAVIOR OF POPULATION OF RUSSIAN MEGALOPOLISES DURING SHOPPING

Grunt Elena Victorovna,

Ural Federal University

named after the First Russian

President B.N. Yeltsin,

Professor of the Department

Chair of Applied Sociology,

Doctor of Philosophy,

Yekaterinburg,

Russia.

E-mail: helengrunt2002@yandex.ru

Annotation

The article presents theoretical analyses of the notions 'consumer's behavior', 'shopping'. Functions of shopping are considered. The author uses method of typological analyses to study consumer's behavior of the population of Russian megapolises.

Key concepts:

consumer's behavior,
shopping, function,
typological analyses, typology.

УДК 316.48

МИФЫ СТАТУСА КОНФЛИКТА В СОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ

Жилина Вера Анатольевна,
Магнитогорский государственный
технический университет
имени Н.И. Носова,
зав. кафедрой философии,
доктор философских наук, доцент
г. Магнитогорск, Россия.
E-mail: vera-zhilina@yandex.ru

Жилин Алексей Юрьевич,
Магнитогорский государственный
технический университет
имени Н.И. Носова,
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук,
г. Магнитогорск,
Россия.
E-mail: alexzhilin@mail.ru

Аннотация

Человеческая история немислима без конфликтов. Современное состояние российского общества сущностно конфликтно. В силу сложной структуры конфликта возможна мифологизация его статуса. Успешность преодоления конфликтных ситуаций напрямую связана с пониманием реальной сути конфликта.

Ключевые понятия:
общество,
конфликт,
противоречие,
культура,
миф.

Человеческая история настолько конфликтна, что зачастую возникает соблазн представить весь исторический процесс как череду сменяющих друг друга конфликтов. Иногда доходит до крайностей, когда конфликт напрямую отождествляется с негативным разрушающим фактором, и тогда человеческая история характеризуется как некая затяжная война. Отголоски такого подхода хорошо считаются на информационно идеологическом поле общества. В пропаганде конфликт становится «козырной картой», которая способна обеспечить победу в игре социальных манипуляций. В этом плане наиболее наглядна нынешняя ситуация на Украине. Независимо от идеологической оценки Западом, США или Россией конфликты внутри украинского государства, между государством и гражданским обществом, между этническими группами в этой стране предстают символом угрозы для стабильности соответственно западного, американского или российского общества. Для России, в отношении которой сознательно формируется ситуация неприятия, уничтожения и предпринимается попытка изоляции от общего поля международных отношений, освещение сторонних конфликтов и анализ предпосылок и реальных форм собственного конфликтного существования особо актуально. Сегодня российское общество фактически втянуто в стадию неустойчивого, во многом переходного состояния. И потому оно сущностно конфликтно. Фактически все социальные сферы изобилуют конфликтами самого разного уровня: от конфликтов политических, экономических, этнических до коллизий внутреннего мира человека в поисках им смысла собственного бытия, до перипетий межличностных отношений. Типы основной нормативности: обычай, право, мораль чаще являют себя через конфликтные характеристики. Разразившийся экономический кризис, во-первых, актуализирует поиск действительных оснований конфликтов, которые могут быть обострены до предела, а, во-вторых, – создает, вольно или невольно, иллюзию возможного скорого разрешения всех конфликтных проблем при обнаружении некоторого универсального алгоритма. Последнее чревато мифологизацией самого феномена конфликта. Так как конфликт в своем онтологическом статусе напрямую связан с развитием противоречий, то мифологизация его сути означает не просто расширение поля социальной мифологии. Специфика конфликта и противоречия как форм состояния социальных отношений такова, что противоречие может быть рассмотрено как основа конфликтных состояний, и сам конфликт следует рассматривать скорее как позитивный фактор, так как именно стадия конфликта в развитии противоречия является действитель-

ным механизмом появления нового. Поэтому мифический образ конфликта претендует на роль реального фактора развития, формируя устойчивую иллюзию у непосредственных носителей общественных отношений. Иллюзия дает не только искаженную картину реальности, она служит питательной почвой для технологий манипулирования общественным сознанием. Последствия таких манипуляций поистине может быть разрушительны для социума. И опыт соседней Украины это убедительно демонстрирует. Источник хаоса в стране – конфликт, выросший на Майдане. Конфликт, который был искусственно спровоцирован, взращен с одной-единственной целью: продемонстрировать обывателю, что только прямое столкновение (вне значимости сути интереса) является выходом благополучия страны на реально новый уровень. Благая цель, однако, не срабатывает, так как иллюзия, включенная в реальные социальные отношения, начинает меняться, чтобы избежать полного разрушения под воздействием фактических сил. И результат закономерно плачевен: страна в разлуке.

Мифологизация любого явления, безусловно, сложный и многогранный процесс, во многом определяемый не только потребностями общественного развития, но и конъюнктурными моментами: политическим интересом, идеологическим фактором и т.д. Поэтому мифов вокруг статуса конфликта и его оценки может складываться множество. В частности, конфликт уютно обволакивается мифом через привитие ему образа некоторого искусственного феномена. Конфликт случается в общественном развитии, так как есть одна из побочных сторон субъективного воления. Другими словами, конфликт можно спровоцировать, раздуть и точно так же по собственному велению потушить. Подпитку иллюзии дает сама реальность. Конфликт разворачивается в сфере человеческого общежития, затрагивает сознательную сторону социального бытия, базируется на изъявлении воли или на взаимодействии этих волей, соответственно, предстает в качестве искусственного средства регуляции отношений людей. Казалось бы, идеологическая система получает хороший шанс «подпитывать» и «снимать» элементы конфликта в общественных отношениях. На деле – любая официальная идеологическая доктрина при таком допущении становится уязвимой для проникновения «чуждой» идеологии. Ослабление же собственной традиционной идеологии всегда будет вести к деструктивным процессам внутри социального пространства, которое она и призвана оберегать. Простое обращение к содержанию бытия как объективной характеристики существования мира демонстрирует неприемлемость такого

упрощенного подхода к конфликтным состояниям. Бытие одновременно указывает на уникальность всего существующего единичного в мире и его взаимосвязь со всем ему не подобным. Первое реализуется в определенности, четком отличии. Второе – в признании объективно непохожего. То есть, любое образование неизбежно предполагает некоторую отграниченность от мира, соответственно, в явном или неявном виде снимает взаимодействие внутреннего содержания и некоторой внешней среды. При этом включенность в мир не статична, а представляет собой динамическое эволюционирование. Любая четкая граница уникальности проявляет себя в изменяющихся способах взаимодействия с иным. Иное же четко разделено на то, что может быть отнесено к условиям существования, и на то, что является ресурсами непосредственного развертывания. Тогда конфликт можно определить в качестве средства гармоничного баланса внутреннего и внешнего. Причем в этом качестве оно универсально.

Но здесь кроется возможность разрастания нового мифа о статусе конфликта: произвольное отождествление его либо с условиями, либо с ресурсами социального развития. Условия среды от ресурсов отличны сущностным значением для развития замкнутости системы. Условия – лишь основание, ресурсы – то, что активно используется и, следовательно, требует восполнения после потребления. К какой из граней принадлежит конфликт? Если это условия – неизбежна адаптация к ним, как к чему-то стабильно устойчивому в социальном бытии. Если же конфликтность относится к ресурсам социальной организации, то откуда они черпаются и, самое главное, подлежат ли они восполнению? В истории социальной мысли можно найти подтверждение и тому, и другому. Например, в традиционных рассуждениях о исключительности «естественной» природе конфликтности предполагается, что государственное устройство есть «организм», работа которого построена на соприкосновении с конфликтом. То есть государство как средство разрешения конфликта – это проявление естества человека наряду, например, с витальными потребностями. Но у Руссо конфликты – это условия: благополучие государства зависит от того, насколько оно соответствует своим «естественным стандартам» (критерием такой благополучности и одновременно способом его реализации служит свобода). А у Гегеля эта же ситуация решается иначе. Государство тогда не «болеет» конфликтом, когда человеческий дух адекватно черпает резервы духа объективированного, то есть конфликты – это ресурсы. Однако специфика современного социального развития несовместима с односторонним выбором по принципу фор-

мальной логики: либо одно истинно, либо другое. Конфликт, безусловно, естественное проявление состояния социальных отношений, и в своей сути он системен. Тогда любая структура демонстрирует собственную зависимость от элементов и обусловленность самих элементов. Элементы – ресурсы, но адаптивные к условиям – к структуре. Соответственно, конфликт – это способ развертывания сущности общества, но адаптивный к закономерностям условий социальных причин.

Мифический перевертыш часто формирует представление о конфликте как инструменте трансформации общества. При этом инструмент находится в руках аппарата принуждения и подавления – государства. На самом деле главная функция государства – это управление, а сознательный компонент социального конфликта позволяет приблизить раскрытие конфликта к искусству. Искусство значимо для человека тем, что напрямую отражает специфичность человеческого бытия. Как язык в свое время «позволил» человеку выделиться из мира за счет того, что в отличие от сигнальной системы животных дал возможность отрыва от наличной ситуации, так и искусство свободно в отступлении от факта действительности. Иными словами, конфликт как форма развертывания социальных отношений является собой творческое начало человека. Многообразие видов конфликта соотносимо с множественностью типов «мимезиса» в искусстве: подражание действительности такой, какая она есть; такой, как о ней думают; такой, какая она должна быть. Иначе говоря, это своеобразный синтез естественных и искусственных факторов среды. Конфликт своим течением способен уравновесить действие объективных закономерностей среды и творчески сознательного импульса человека.

1. Жилина В.А. Идеология: новый взгляд. Новосибирск: ЦРНС, 2009. 165 с.

2. Ильин А.Н. Сфальсифицированная история одного конфликта // Социум и власть. 2013, N 2. С. 117–121.

3. Новосельцев В., Тарасов Б. Системная теория конфликта. М.: Майор. 2011. 336 с.

4. Светлов В. Конфликт и эволюция. От генетических конфликтов к конфликту поколений. М.: Либроком, 2012. 162 с.

References

1. Zhilina V.A. Ideologiya: novyj vzglyad [Ideology: new view]. Novosibirsk: CRNS, 2009, 165 [in Rus].

2. Il'in A.N. (2013) Sfal'sificirovannaya istoriya odnogo konflikta [One conflict history falsification] // Socium i vlast, N 2, 117–121 [in Rus].

3. Novosel'cev V., Tarasov B. (2011) Sistemnaya teoriya konflikta [Systematization of conflict theory]. M.: Major, 336 [in Rus].

4. Svetlov V. (2012) Konflikt i ehvoluciya. Ot geneticheskikh konfliktov k konfliktu pokolenij [Conflict and evolution. From genetic conflict to generations conflict]. M.: Librokom, 162 [in Rus].

UDC 316.48

MYTHS STATUS CONFLICT IN SOCIAL DEVELOPMENT

Zhilina Vera Anatolyevna,

N.I. Nosov Magnitogorsk State Technical University,
Head of the Department Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy,
Associate Professor,
Magnitogorsk, Russia.
E-mail: vera-zhilina@yandex.ru

Zhilin Aleksey Yuryevich,

N.I. Nosov Magnitogorsk State Technical University,
Associate Professor,
Department Chair of Philosophy,
Cand. Sc. (Philosophy),
Magnitogorsk, Russia.
E-mail: alexzhilin@mail.ru

Annotation

Human history is inconceivable without conflicts. The current state of Russian society is conflict essentially. Mythologizing of conflict status is possible due to its complex structure. The success overcoming of conflict situations directly related to the understanding of the real essence of conflict.

Key concepts:

society,
conflict,
contradiction,
culture,
myth.

УДК 316: 334.22 (1)

ВАЛЕОЛОГИЧЕСКОЕ САМОЧУВСТВИЕ И ВОСПИТАНИЕ ТИНЕЙДЖЕРОВ В РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬЕ НА УРАЛЕ

Павлов Борис Сергеевич,

Институт экономики УрО РАН,
ведущий научный сотрудник,
доктор философских наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: pavlov_boris@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные проблемы самосохранительного поведения и здорового образа жизни молодёжи на Урале. Анализируется роль родительской семьи в валеологическом и нравственном воспитании детей и подростков. Эмпирической базой для анализа заявленной проблемы и выводов для автора служат результаты ряда социологических опросов, проведенных им в 2007–2013 гг. в Институте экономики УрО РАН в различных городах и поселениях субъектов РФ, входящих в Уральский федеральный округ.

Ключевые понятия:

семья,
здоровье,
подросток,
физическая культура,
Урал,
валеологическое воспитание.

Процесс формирования рыночных отношений в РФ затронул практически все сферы жизнедеятельности россиян (в том числе – уральцев). Особая сфера жизнеобеспечения – *здоровье населения*, совмещающая в себе интересы индивида, социальной группы (*прежде всего – семейной*) и общества в целом. Переход к рыночным отношениям во многом изменил ценностные ориентации населения относительно охраны и реабилитации здорового образа жизни. В условиях т.н. социалистического общества здоровье граждан, здоровье нации рассматривалось (*по крайней мере, в идеологии*) как общественное достояние, которое можно (*и должно*) приносить в жертву общественным интересам, интересам государства. В условиях же перехода к рынку формируется отношение к здоровью преимущественно как к частной собственности индивида (*семьи*), с которой сам её владелец может обходиться «*как ему заблагорассудится*».

Здоровье в интегрированном виде отражает качественную сторону характера включенности личности в природную и социальную сферы и является важной естественной предпосылкой общей активности. Здоровье социально и по своей сущности, и по форме детерминации различных сфер жизнедеятельности. Сложные антропогенные изменения экологической ситуации, продолжающееся вооружение человека новейшими средствами воздействия на природу и самого себя, отсутствие должной социальной базы здравоохранительного движения, целенаправленного создания условий, адекватных гуманистическому образу жизни, требуют глубокой мировоззренческой переориентации общества в отношении здоровья и, прежде всего, подрастающего поколения как важнейшей социальной ценности [1, 2].

Онтогенетическое развитие молодого человека следует рассматривать как органическую и неотъемлемую составляющую физического, психического и репродуктивного здоровья. Очевидность взаимосвязи здоровья с трудовым, оборонным и репродуктивным потенциалом (*как индивида, так и общества в целом*) не требует комментариев. Вместе с тем, состояние здоровья оказывает непосредственное воздействие и на интеллект, и на нравственное состояние, и на общественно-политическое поведение человека [3].

Постановка цели и задач воспитания *жизнеспособного и самосохраняющего поколения* – проблема, которая требует к себе пристального внимания не только

родителей, но и специалистов в области социальной психологии, социологии молодежи, экологической и экономической демографии. Необходимо создать такие социально-педагогические технологии демографической политики, которые были бы способны формировать жизнеспособное и жизнестойкое поколение россиян [4].

Эмпирической базой для анализа заявленной проблемы послужили результаты двух социологических опросов, проведенных в 2008 и 2013 гг. социологами Института экономики УрО АН в различных городах и поселениях субъектов Уральского федерального округа, в частности:

– 2008 г. – в 7 городах и 14 сельских поселениях Пермской, Свердловской и Челябинской областей по авторским анкетам опрошено *пять категорий* респондентов: а) учащиеся средних и старших классов городских школ – 900 чел.; б) учащиеся средних и старших классов сельских школ – 540 чел.; в) родители учащихся городских

школ – 770 чел.; г) в качестве экспертов – специалисты властных структур, тренеры, преподаватели физической культуры – 220 чел. – «Физ-ра-1».

– 2013 г. – по квотно-представительным выборкам были опрошены: а) 300 подростков ряда школ города-ЗАТО «Лесной» (Свердловская область) и б) 510 подростков – г. Екатеринбурга. Основная цель исследования – анализ процессов социализации школьной молодежи в родительских семьях, их здоровьесберегающего поведения, формирование жизненных ценностей, ориентаций и планов – «Физ-ра-2».

Остановимся на некоторых аспектах заявленной проблемы. Нашим юным респондентам в уральских городах и в сёлах («Физ-ра-1» и «Физ-ра-2») задавался вопрос: «Ниже перечислены некоторые жизненные ценности, к которым может стремиться взрослый человек. Выберите пять «самых-самых» важных для Вас» – нами были получены следующие ответы (табл. 1).

Таблица 1

Наиболее предпочтительные жизненные ценности, к которым, по мнению молодых горожан и селян, может стремиться молодой человек (% от общего числа опрошенных по каждой группе; в 2008 г. – опрос 900 городских и 570 сельских подростков; в 2013 г. – опрос 510 подростков г. Екатеринбурга и 300 подростков – ЗАТО «Лесной»)

Жизненные ценности, к которым следует стремиться	Группы учащихся			
	«Физ-ра-1»		«Физ-ра-2».	
	город	село	Екат-г	Лесной
Хорошая семья и дети	87	88	н.д.*	н.д.
Хорошие родители	н.д.	н.д.	57	62
Хорошее здоровье	68	70	72	78
Хорошие товарищи, верные друзья	66	54	81	77
Любимая работа, успешная деловая карьера	68	67	н.д.	н.д.
Возможность обучения в вузе	н.д.	н.д.	68	69
Возможность самому зарабатывать деньги	н.д.	н.д.	61	51
Материальное благополучие, экономическая независимость, самостоятельность	58	46	52	47
Хорошие жилищные условия	42	46	40	49
Сознание того, что приносишь пользу людям	23	25	31	30
Содержательный, интересный досуг	27	20	47	44
Порядочность, совестливость, доброе имя	23	23	30	33
Чувство безопасности от насилия, воровства	н.д.	н.д.	29	29
Вера в Бога	н.д.	н.д.	21	13

* Вставка «н.д.» обозначает, что этот пункт вопроса не был включён в анкету соответствующего опроса.

Прежде всего, не может не удивлять практическая идентичность в распределении ответов у юных горожан и селян в опросе 2008 г. Разница по различным позициям в пределах статистической погрешности. Подобную схожесть в ценностных ориентациях мы связываем, по преимуществу, с воздействием на молодёжь *единого информационно-идеологического поля* в городе и селе, создаваемого Интернетом, телевидением, радио и другими СМИ. Пятилетний лаг, прошедший между двумя опросами (2008–2013 гг.), практически не изменил структуру ценностных ориентаций учащихся в сфере материального благосостояния, но несколько повысил притензии и ожидания молодых горожан в сфере духовной жизни («друзья», «досуг», «польза людям», «доброе имя»)[5].

Другие наши опросы показывают, родители особо выделяют фактор «здоровья своих детей» среди остальных слагаемых своего благополучия. Однако более глубокий социологический анализ обнаружил: для граждан собственное здоровье и здоровье своих детей ценно не само по себе, а как средство достижения жизненных целей, т.е. в качестве инструментальной ценности. Представляется, соответственно, что физическое и психическое здоровье учащихся важно не само по себе, а как средство для достижения успехов в учебе, приобретения более высокого рейтинга в школе.

На вопрос анкеты «Как ты думаешь, от кого (чего) зависит твоё здоровье?» ответы 510 екатеринбургских школьников («Физ-ра-2») распределились следующим образом (% от общего числа опрошенных – 510 чел.):

- от того, насколько я берегу своё здоровье – 79;
- от климата, экологии там, где я живу – 35;
- от того, какие гены мне «достались» от родителей – 26;
- от врачей, лечения – 19;
- моё здоровье хранит Бог – 18.

Для интерпретации полученных данных правомерно применить известную народную поговорку «На Бога надейся, а сам – не плошай!». Действительно, по мнению подавляющего большинства уральских подростков, состояние их здоровья лишь в сравнительно незначительной степени зависит от фактора экологического неблагополучия (35%), биологической наследственности (26%), ещё меньше от «усилий» врачей (19%) и молитв Богу (18%). *Вместе с тем, само осознание первоисточков само-*

сбережения здоровья, «автоматически» не переходит в реальное самосберегательное поведение молодых людей.

Проблема самосохранительного поведения заключена в несоответствии, порой резко выраженном противоречии между сознанием и поведением. Если бы не существовало этого противоречия, то не было бы особой проблемы и практических трудностей. Самосохранительное сознание и поведение индивида детерминировано следующим:

во-первых, это знания о человеке, его природе, сущности, физиологических и психологических процессах, полное (более-менее) представление о здоровье;

во-вторых, это самопознание, самоанализ собственного состояния здоровья в соответствии с образом жизни, возрастом, особенностями конституции, особенностями темперамента и т.п., которые завершились осмысленным выводом, желанием самосохранительного поведения;

в-третьих, включение силы воли, обостренного желания реализовать свое сознание в повседневное самосохранительное поведение.

«Чего ты боишься больше всего в своей жизни?» – на этот вопрос мы попросили ответить 510 уральских тинейджеров – («Физ-ра-2»). Вот какие были получены нами ответы (% от общего числа опрошенных – 510 чел.):

I. Потеря родителей, близких:

- боязнь потерять родителей – 86;
- боязнь болезни, травмы родителей – 67;
- боязнь потерять друзей – 43.

II. Насилие, бедствие, потеря свободы:

- боязнь подвергнуться физическому насилию, быть изувеченным, избитым – 46;
- боязнь попасть в тюрьму, колонию – 39;
- боязнь быть незаслуженно обвиненным в преступлении – 38;
- боязнь оказаться заложником в результате теракта – 33;
- боязнь быть ограбленным, обворованным в доме, квартире, саду – 30;
- боязнь пострадать от пожара – 9.

III. Собственное здоровье:

- боязнь привыкнуть к наркотикам – 31;
- боязнь привыкнуть к курению – 27;
- боязнь болезни, травмы своей – 23;
- боязнь привыкнуть к алкоголю – 23;
- боязнь отравиться продуктами питания – 19;

- боязнь быть покусанным собакой – 18;
- боязнь отравиться воздухом – 7;
- боязнь отравиться водой – 6.

IV. «Превратности судьбы»:

- боязнь не поступить в вуз, колледж после школы – 25;
- боязнь быть наказанным богом за грехи – 24;
- боязнь потерять жилье, стать бомжом – 18;
- боязнь привыкнуть к азартным играм – 15.

Как показывают наши исследования, большинство уральцев (около 90%) «скептически» относятся к самосохраняющему поведению и игнорируют активную здоровьесберегающую жизненную позицию. Более того, они ориентированы на пассивно-рентное отношение к своему здоровью и связывают свои надежды на улучшение качества своего здоровья не с личными усилиями, а с внешними обстоятельствами, не зависящими от них самих. Подтверждение этого – полученные нами данные, связанные с отношением молодых людей (собственно и их родителей) к своему повседневному образу жизни.

Образ жизни – одна из важнейших биосоциальных категорий, интегрирующих представления об определенном виде (типе) жизнедеятельности человека. здо-

жизни подразумевает такое поведение человека, которое отражает определенную жизненную позицию и направлено на сохранение и укрепление здоровья, оно основано на выполнении норм, правил и требований личной и общей гигиены. Категория «здоровый образ жизни» включает в себя оценку условий жизнедеятельности человека, уровень его культуры и гигиенических навыков, позволяющих сохранять и укреплять здоровье, предупреждать развитие его нарушений и поддерживать оптимальное качество жизнедеятельности.

Образ жизни определяется не только наличием или отсутствием вредных привычек, но и, главным образом, уровнем общественного производства, благосостояния (доход на душу населения, оценка жилья, транспорта и др.), а также уровнем культуры, образования, медицинской активности населения и т.д. А как себе представляют феномен «здоровый образ жизни» (аббревиатура – ЗОЖ) жители Урала, в том числе, тинейджеры? На вопрос нашим респондентам («Физ-ра-1») «Как Вы считаете, каковы составляющие поведения человека, ведущего здоровый образ жизни?» нами были получены следующие ответы – табл. 2.

Симптоматично, что подавляющее большинство респондентов из разных со-

Таблица 2

Составляющие ЗОЖ (здорового образа жизни) в представлении различных групп уральского населения (% от общего числа опрошенных по каждой группе)

ЗОЖ предполагает	Группы			
	Учащиеся		Родители	Эксперты
	города	села		
Отказ от вредных привычек (алкоголь, курение, переедание)	84	80	85	81
Регулярные занятия спортом, физкультурой	63	63	54	61
Правильное питание	60	52	67	74
Наблюдение за состоянием своего здоровья	43	48	45	48
Разумное сочетание физической и умственной нагрузок	36	30	44	57
Соблюдение режима дня	32	33	34	26
Поддержание гигиены тела	30	25	24	26

ровый образ жизни – это активная деятельность людей, направленная на сохранение и улучшение здоровья. Здоровый образ

жизни (97–99 %) знают и выделяют те или иные факторы поведения, соответствующие здоровому образу жи-

ни. В число наиболее существенных детерминант ЗОЖ, набравших по 60–80% голосов, респондентами были включены: «отказ от вредных привычек (алкоголь, курение, переедание)» (80–85%), «регулярные занятия спортом, физкультурой» (43–63%), «Правильное питание» (52–74%) [6, 7].

Стремление к здоровью и его основному способу достижения – *здоровому образу жизни* (ЗОЖ) можно рассматривать с позиции человеческих потребностей. Современная концепция ЗОЖ определяет его как осознанное в своей необходимости постоянное выполнение гигиенических (валеологических) правил укрепления и сохранения индивидуального и общественного здоровья. Здоровье как цель и здоровьесберегающая деятельность зачастую не сопрягаются в повседневной жизнедеятельности индивида. Важно учитывать когнитивное дробление здоровья на его многочисленные составляющие: физическое, соматическое, психическое, духовное, нравственное, социальное. Мотивом двигательной деятельности для формирования физической культуры в целом является, например, повышение внешней привлекательности, уверенности

в себе, поддержка данной деятельности со стороны общества.

Целостность человеческой личности проявляется, прежде всего, во взаимосвязи и взаимодействии психических и физических сил организма. Гармония психофизических сил организма повышает резервы здоровья, создает условия для творческого самовыражения в различных областях нашей жизни. Еще Гиппократ писал: «Как суконщики чистят сукна, выбивая их от пыли, так гимнастика очищает организм». Занятия гигиенической гимнастикой не исключают её превращения в тренировочную. Тогда к ней добавляются специальные упражнения на гибкость, силу, прыгучесть, равновесие, ловкость, выносливость. Это бег, прыжки в длину и высоту и пр. Нашим юным респондентам в двух уральских городах («Физ-ра-2») задавался вопрос: «Что в настоящее время ты делаешь регулярно для своего здоровья и физического развития? Количество ответов не ограничивается». Полученные нами ответы помещены в табл. 3.

Приведенные в таблице цифры дают богатую пищу компетентному и заинтересованному читателю для размышлений и соответствующих выводов. В первую очередь они позволяют оценить (хотя бы

Таблица 3

Виды и формы участия молодых уральцев спортивно-оздоровительной деятельности (% от общего числа опрошенных по каждой из четырёх групп подростков; в графе «5–6 кл.» – в числителе учащиеся г. Екатеринбурга, в знаменателе – г. Лесной; в графе «10–11 кл.» – аналогично)

Виды спортивно-оздоровительной деятельности	Группы	
	5–6 кл.	10–11 кл.
Сам, индивидуально занимаюсь:		
– в спортивной секции	21 / 54	19 / 34
– делаю физзарядку	13 / 24	20 / 31
– катаюсь на лыжах	17 / 56	18 / 37
– катаюсь на коньках	27 / 60	26 / 43
– катаюсь на мотоцикле, велосипеде	22 / 46	20 / 25
– бегом	14 / 33	12 / 27
– плаванием	9 / 24	9 / 11
– гириями, гантелями	6 / 12	12 / 21
– катаюсь на сноуборде	6 / 12	8 / 5
– хожу в тренажёрный зал	6 / 11	16 / 27
– играю в шахматы	9 / 9	6 / 12
Участвую в школьных соревнованиях	10 / 35	13 / 26
Хожу в турпоходы	7 / 29	8 / 20
В настоящее время спортом не занимаюсь, к сожалению, нет времени и условий	5 / 2	11 / 5

приблизительно) количественные и качественные индикаторы развития спортивных занятий в различных социально-демографических группах детей и подростков, соотношение традиционных, спонтанных (в семье, во дворе, в компании сверстников) и общественно организованных (школа, городские учреждения культуры и спорта) форм занятий населения физической культурой и спортом. Взять хотя бы «спады и подъёмы» показателей физической активности детей в различных видах занятий по мере их взросления (сравнение учащихся 5–6 и 10–11 классов). Не может, на первый взгляд, не вызывать удивления «отставание» города-миллионника, каким является Екатеринбург, перед малым областным городом (ЗАТО «Лесной») в организации сбережения здоровья и развития физической культуры молодёжи [8].

Предваряя возможные сомнения в представительности данных таблицы по двум уральским городам, со ссылкой на влияние выборки, особенностей конкретных городов, существенно деформировавшим показатели физической активности молодых людей, приведём некоторые сравнительные данные по двум нашим опросам – табл. 4:

силами» стремятся завысить показатели приобщённости населения к различным видам спортивной и оздоровительной деятельности, «зафиксировать тенденцию роста показателей за последний период». Как правило, этот «период роста» совпадает с периодом функциональной деятельности авторов или инициаторов информационного сообщения. Нередко эти «дутые» цифры, «успокаивая общественность», прикрывают серьёзные упущения в работе соответствующих служб, ведомств, учреждений, конкретных акторов рынков оздоровительно-спортивных услуг.

Взять хотя бы организацию и проведение школьных соревнований. В настоящее время они превращаются (особенно в крупных городах) в некие «показушно-отчётные действия». По нашим данным, в таких мероприятиях участвует лишь каждый шестой-седьмой старшеклассник..Если же заглянуть в ежегодные отчёты школ, то эта цифра, как правило, «распухает» в несколько раз по мере «отчётного перемещения» по цепочке: школа-район-город-регион-министерство [11].

На вопрос нашим респондентам «Кто, на Ваш взгляд, в наибольшей мере влияет, как правило, на формирование у детей,

Таблица 4

Виды и формы занятий физической культурой молодых уральцев на различных селитебных территориях (% от общего числа опрошенных по каждой группе)

	Группы			
	«Физ-ра-1»		«Физ-ра-2»	
	город	село	Ек-г	Лесной
Участвуют в школьных соревнованиях	13	18	13	26
Участвуют в спортивной секции	24	31	19	34
Катаются на лыжах	11	7	18	37
Катаются на коньках	15	10	26	43
Катаются на мотоцикле, велосипеде	15	16	20	25
В настоящее время спортом не занимаются, нет времени и условий	8	9	11	5

Интерпретируя эти сравнительные данные, нужно учитывать, во-первых, временной лаг между этими двумя опросами (более 5-ти лет) и, во-вторых, фактор «средневзвешенности» показателей опросов по городам и районам трёх уральских областей (7 городов и 14 сельских поселений) [9, 10].

А теперь попытаемся сделать главный вывод. Формируя общественное сознание россиян, организаторы физкультурного и спортивного движения (как на региональном, так и федеральном уровнях) «всеми

подростков серьезного отношения к своему здоровью, к занятиям физкультурой и спортом? В частности, кто повлиял на Вас лично (Ваших сына, дочь)?» («Физ-ра-1») нами были получены следующие ответы (% от общего числа опрошенных по каждой группе; в числителе – подростки города, в знаменателе – села:

- а) семейное окружение:
 - мать – 61/64;
 - отец – 56/53;
 - бабушка, дедушка – 22/14;

- брат, сестра – 13/18;
 - другие родственники – 5/6.
- б) внесемейное окружение:
- сверстники, друзья – 30/21;
 - школа, учителя – 23/25;
 - кино, телевидение, радио – 15/11;
 - книги, газеты, журналы – 10/7;
 - дворовая общественность, соседи – 3/2.

Доминирование родительской семьи в формировании ценностных ориентаций в целом и, частности, в сфере приобщения молодых людей к физической культуре очевидно. «*Какими видами деятельности из перечисленных ниже ты регулярно занимался с родителями в детстве?*» – на этот вопрос ответы подростков распределились так (% от общего числа опрошенных – 510 чел.):

- а) занятия вне города:
- ездили на озёра, на море отдыхать – 72;
 - ездили на озёра, на море охотиться, рыбачить – 33;
 - собирали в лесу грибы, ягоды – 63;
 - регулярно ходили в лес, «на природу» – 44;
 - собирали в лесу лекарственные травы – 6;
- б) занятия в городе:
- регулярно играли в футбол, хоккей – 24;
 - играли в бадминтон, волейбол, баскетбол – 42;

- регулярно делали физзарядку – 15;
- бегали кроссы – 15;
- катались на велосипеде, скейтборде – 60;
- катались на мотоцикле, машине – 27.

«Интеллектуализм» современного подростка, большой объем усвоенных им знаний нередко достигаются ценою полного освобождения его от трудовых обязанностей в семье и в процессе школьной учебы. А между тем проблема трудового воспитания органически связана с формированием социальной зрелости подростка, далеко не синхронной с ускорением физического развития и насыщением информацией. И здесь на первое место выступает трудовое воспитание, способствующее формированию уважительного отношения к материальным ценностям, к труду, воспитанию чувства долга и ответственности перед собой и окружающими [12].

Проблема «внедрения» в сознание детей нравственно-этических различий дилеммы («*плохо-хорошо*») была и остаётся извечной и непреложной задачей родителей (воспитателей, взрослых), основным духовным «инструментом» социализации личности. «*О чем, из предложенного перечня тем, у тебя бывали беседы с мамой, папой?*» – на этот вопрос (по нашей просьбе – «*Физ-ра-2*») отвечали 13–16-тилетние тинейджеры из двух уральских городов. Вот какие ответы мы получили – табл. 5.

Таблица 5

Проблематика нравственно-этических бесед родителей с детьми-подростками на Урале (% от общего числа опрошенных по каждой группе; в графе «юноши» – в числителе учащиеся г. Екатеринбурга, в знаменателе – г. Лесной; в графе «девушки» – аналогично)

Содержание бесед, разговоров	Группы	
	юноши	девушки
О необходимости ежедневно чистить зубы и делать физзарядку	19 / 33	15 / 35
О вреде переедания и режиме правильного питания	14 / 21	18 / 39
О вреде пристрастия к курению (табака)	19 / 46	24 / 43
О вреде пристрастия к алкоголю	16 / 42	20 / 35
О вреде пристрастия к наркотикам	15 / 36	18 / 30
О необходимости постоянного наблюдения у врача	5 / 11	7 / 19
О вреде пристрастия к азартным играм	13 / 32	9 / 20
О культуре взаимоотношений между юношами и девушками	11 / 31	20 / 40

Условно весь спектр бесед можно подразделить на две группы. *Первая из них касается физического здоровья подростков, вторая – соответственно – нравственно-этического.* Исходя из основной проблемы этой статьи, нас больше интересует первый аспект – затрагивающий интересы физического здоровья подростков. Приведённые данные, при всех допустимых погрешностях при их получении, не могут не наводить на серьёзные размышления [13].

Взять хотя бы такие педагогические устремления родителей, как попытка убедить своего сына или дочь в том, что их здоровью вредит переедание и несоблюдение режима правильного питания. Среди екатеринбургских юношей беседы на эту тему зафиксировали 14 % опрошенных школьников, в Лесном – соответственно – 21% (среди девушек эти показатели составили 18 и 39 %). Помимо того, что эти цифры можно считать показателями актуализации проблемы переедания подростков в уральских семьях, они одновременно могут свидетельствовать, в какой-то мере, и о неэффективности подобных педагогических устремлений родителей [14]. Вспомним басенную ситуацию, в которой повар увещевает кота, поедающего курчонка... и который, в свою очередь, «...*слушает, да ест...*». Аналогичная «неутихающая ежедневная борьба» значительной части родителей с подростками происходит по поводу «чистки зубов», «утренней физзарядки», «мытья рук перед едой»... Тут уж не до мытья посуды и уборки кровати...

* * *

Подведём некоторые итоги. Главным проводником культурных ценностей в период детства-юности помимо семьи являются учебные заведения, в которых основной формой функционирования физической культуры является неспецифическое физкультурное образование. Необходимо учитывать, что заставить директивами или прямым принуждением воспитывать в себе личную физическую культуру невозможно. Остаётся косвенно воздействовать на человека через его субъективные цели. Но субъективные цели формируются в русле общественных целей. Следовательно, до тех пор, пока реальной (возможно даже вынужденной) целью развития общества не будет здоровый человек, надежды на массовость в индивидуальном здоровьесформировании во многом иллюзорны.

1. Семенова Е.Л. Формирование культуры здоровья подрастающего поколения: проблемы становления и развития: автореф. дис. ... к. социол. н. Екатеринбург, 2004.

2. Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе: теоретические и методические аспекты социально-экономического анализа (на примере Урала) / Институт экономики УрО РАН, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. 575 с.

3. Эрикссон Э. Детство и общество. СПб.: ЛЕНАТО АСТ Фонд «Университетская книга», 1996.

4. Павлов Б.С. Семья и самосохранительное поведение молодежи // Экономика региона, 2008. N 12. С. 109–122.

5. Павлов Б.С., Бондарева Л.Н. О проблемах воспроизводства сельского населения на Урале // Аграрный вестник Урала, 2013. N 12. С. 90–94.

6. Павлов Б.С. Здоровье и здоровый образ жизни: как их воспринимает население на Урале // Экономика региона. 2010. N 2. С. 71–80.

7. Кабаян О.С. Формирование здорового образа жизни как компонента физической культуры школьников на основе интеграции учебных дисциплин о человеке: автореф. дис.... к. пед. н. Майкоп, 2001. 19 с.

8. Верховцев К.Н. Структура физкультурно-спортивных потребностей различных социально-демографических групп городского населения: автореф. дис.... к. пед. н. Тюмень, 2001. 17 с.

9. Какорина Е.П. Отношение населения к занятиям физической культурой и спортом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.federalbook.ru/files/FSZ/soderghanie/Tom%2011> (дата обращения: 23.10.2013).

10. Костина Н.Б., Павлов Б.С. Услуги в большом городе как стимул к деятельности и фактор интеграции / Вестник ВЭГУ, 2014. N 1(69). С. 52–63.

11. Паначев В.Д. Социологический анализ спорта в системе физической культуры общества. Пермь: Изд-во ПГТУ, 2007. 242 с.

12. Павлов Б.С. Потребление и потребительство молодежи в «интерьере» бедности родительских семей (на примере Урала) // ЭКО. 2013. N 7. С. 128–138.

13. Павлов Б.С., Разикова Н.И. «Отцы и дети» в городской семье: общение или отчуждение // Дискуссия, 2012. N 10. С. 110–119.

14. Спок Б. Разговор с матерью. М.: Политиздат, 1990.

References

1. Semenova Ye.L. (2004) Formirovaniye kul'tury zdorov'ya podrastayushchego pokoleniya: problemy stanovleniya i razvitiya: avtoref. dis. ... k. sotsiol. n. [Formation of healthcare culture of growing generation: problems of formation and development], Yekaterinburg.

2. Pavlov B.S. (2014) Vosproizvodstvo chelovecheskogo potentsiala v regione: teoreticheskiye i metodicheskiye aspekty sotsial'no-ekonomicheskogo analiza (na primere Urala) [Reproduction of human resources in a region: theoretic and methodological

aspects of social and economic analysis (at the example of the Urals)] / Institut ekonomiki UrO RAN, Ural'skiy federal'nyy universitet imeni Pervogo Prezidenta Rossii B.N. Yel'tsina. Yekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 575 [in Rus].

3. Erikson E. (1996) Detstvo i obshchestvo [Childhood and Society]. SPb.: LENATO ACT Fond «Universitetskaya kniga» [in Rus].

4. Pavlov B.S. (2008) Sem'ya i samosokhranitel'noye povedeniye molodezhi [Family and self-safety behavior of youth] // Ekonomika regiona. N 12. 109–122 [in Rus].

5. Pavlov B.S., Bondareva L.N. (2013) O problemakh vosproizvodstva sel'skogo naseleniya na Urale [About the problems of reproduction of agrarian population in the Urals] // Agrarnyy vestnik Urala, N 12, 90–94 [in Rus].

6. Pavlov B.S. (2010) Zdorov'ye i zdorovyy obraz zhizni: kak ikh vosprinimayet naseleniye na Urale [Health and Healthy lifestyle: the way the Urals' population perceives them] // Ekonomika regiona. N 2, 71–80 [in Rus].

7. Kabayan O.S. (2001) Formirovaniye zdorovogo obraza zhizni kak komponenta fizicheskoy kul'tury shkol'nikov na osnove integratsii uchebnykh distsiplin o cheloveke: avtoref. dis.... k. ped. n. [Formation of healthy lifestyle as the component of physical culture of school students on the basis of integration of educational disciplines about human: dissertation thesis], Maykop, 19 [in Rus].

8. Verkhovtsev K.N. (2001) Struktura fizkul'turno-sportivnykh potrebnostey razlichnykh sotsial'no-demograficheskikh grupp gorodskogo naseleniya: avtoref. dis.... k. ped. n. [Structure of needs in physical training and sports of different social and demographic groups of civil society: dissertation thesis], Tyumen, 17 [in Rus].

9. Kakorina E.P. (2013) Otnosheniye naseleniya k zanyatiyam fizicheskoy kul'turoy i sportom [Population attitude to physical training and sport]. Available at: <http://www.federalbook.ru/files/FSZ/soderhanie/Tom%2011> (accessed: 23.10.2013) [in Rus].

10. Kostina N.B., Pavlov B.S. (2014) Uslugi v bol'shom gorode kak stimul k deyatelnosti i faktor integratsii [Services in Large City as the Stimulus to Activities and the Factor of Integration] / Vestnik VEGU, N 1(69), 52–63 [in Rus].

11. Panachev V.D. (2007) Sotsiologicheskyy analiz sporta v sisteme fizicheskoy kul'tury obshchestva [Sociological analysis of sport and physical training in society]. Perm': Izd-vo PGTU, 242 [in Rus].

12. Pavlov B.S. (2013) Potrebleniye i potrebitel'stvo molodezhi v «inter'yere» bednosti roditel'skikh semey (na primere Urala) [Consumption and consumerism of youth in “the interior” of poverty of parental families (at the example of the Urals)] // EKO, N 7, 128–138 [in Rus].

13. Pavlov B.S., Razikova N.I. «Ottsy i deti» v gorodskoy sem'ye: obshcheniye ili otchuzhdeniye [“Fathers and children” in urban family: communication or alienation] // Diskussiya. 2012. N 10. S. 110–119 [in Rus].

14. Spok B. Razgovor s mater'yu [Talk to mother]. M.: Politizdat, 1990 [in Rus].

UDC 316: 334.22 (1)

VALEOLOGICAL STATE AND EDUCATION OF TEENAGERS AT THE PARENTAL FAMILY IN THE URALS

Pavlov Boris Sergeevich,

Institute of Economics of Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Leading Researcher, Doctor of Philosophy, Professor, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: pavlov_boris@mail.ru

Annotation

The article devoted to the topical problems of self-preservation behavior and healthy lifestyle of young people in the Urals. The role of parental family in valeological and moral education of children and adolescents is analyzing. Empirical base for the analysis and conclusions stated problem for the author are the results of a series of polls conducted them in the years 2007–2013. At the Institute of Economics of UB RAS in various cities and towns of the RF subjects included in the Urals Federal District.

Key concepts:

family,
health,
teenager,
physical culture,
the Urals,
valeological education.

УДК 165.242.1

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СТУДЕНТОВ СОЛИКАМСКОГО ПЕДИНСТИТУТА ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ (СГПИ)

Парамонова Светлана Павловна,

Соликамский государственный педагогический институт, филиал Пермского государственного национального исследовательского университета, профессор кафедры общественных наук, доктор философских наук, г. Соликамск, Россия.
E-mail: spp45@mail.ru

Кошкина Ирина Дмитриевна,

Соликамский государственный педагогический институт, филиал Пермского государственного национального исследовательского университета, директор, кандидат филологических наук, г. Соликамск, Россия.
E-mail: solgpi@mail.ru

Аннотация

В статье приводится многосторонняя оценка политической культуры студентов Соликамского государственного педагогического института (СГПИ), филиала Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ). Студентами обозначены горизонты политической культуры городской общности и студенчества. Выясняется, влияет ли социальная структура города на политическую культуру старшего и младшего поколений. Очевидно осознание влияния рынка на социальную сферу. В политической культуре студентов очевидны маргинальные позиции.

Ключевые понятия:

политическое самосознание (рефлексия), отношение к РПЦ и вере, оценка уровня политической культуры городской общности и студенчества, оценка реформы образования студентами СГПИ.

Введение. Объект исследования: политическое самосознание студентов Соликамского государственного педагогического института, филиала ПГНИУ. **Предмет** исследования – дифференциация социально-политических оценок. **Цель и задачи** исследования: выявить социально-политические ориентации респондентов, дать оценку политической культуры в целом поселенческой общности и студенчества. **Метод исследования** – качественный метод анализа [1]. Для того чтобы проектировать социальную реальность, достигать единения общества, необходимо иметь адекватное представление о состоянии сознания современного социального субъекта.

Содержание. Вопрос о современности, – это вопрос «об эпохе, схваченной в мыслях», в т.ч. социальной философии, которая является методологией анализа и осмысления социальной реальности. Ускользающая современность попадает в сети анализа и чаще обсуждается в категориях «Премодерн – Модерн – Постмодерн». М. Фуко определил современность как выделение нового в отрицании прошлого в социальных реалиях, ценностях, методах и предмете познания. Согласно Ю.Г. Ершову: до тех пор, пока общество не доросло до стадии зрелости, оно не может дать целостный образ современности. Современность – это нечто свершившееся как целостность. Отсчет современности не может быть зафиксирован одновременно с появлением новой системы ценностей и структур, занимающих маргинальное положение. Однако разные видения предполагают разные ценностные миры. Самоопределение новой культурной реальности по отношению к старой писаной истории всегда фиксировалось в противоречиях и конфликтах поколений [2, с. 132]. Мы наблюдаем, как французские социологи проводят «социологическую интервенцию», «обстреливая проблему» с разных позиций, предлагая длинные временные лаги в 30–40 лет для изучения отношения общества к политическим конфликтам, определяют место ислама во французском обществе, дают аналитическую картину и стремятся снять ситуацию конфликта. Отдельно они выделяют и позицию социологов, их вклад в изучение проблемы [3]. Соответственно значимой является позиция А.В. Павлова, утверждающего, что 'общая формула' современности включает в себя 'Я', проблемы, связь, в смысле экзистенциального диалога и формальных коммуникаций, оценочную координатную сеть, легитимную институцию и легитимную же социокультурную субъективность' [4, с. 133]. Это шаг в сторону постмодерна и синергетики, включающей открытость человека миру, с позиций С.С. Хоружего [5].

Лишь на основе запросов государства гибкая система образования может перенастроиться на новые цели. На местах требуют: 'Определите цели и задачи, мы будем выпускать специалистов новых профессий' [6]. В настоящем времени перенастройка средних профессиональных учебных заведений идет в сторону профессий обслуживающего труда, направляющего функционирование общества на потребление, но не на производство.

В социально ориентированном государстве справедливость выступает как идея, так и принятые нормы в контексте решения социальных проблем. В начале российской «современности» перестройки и последовавших реформ благосостояние общества России принесено в жертву реформам. СМИ обвиняли российское общество в политизированности, вели пропаганду глумного капитализма, провозглашались, что народ должен уйти с площадей в интимную жизнь, как в Афинах эпохи Эпикура (заката античности). Пригасив политические интересы российского общества, группы, которые 'форматируют историю', напротив, сейчас раздувают территориальные, национально-политические конфликты в регионах Российской Федерации: в грузино-осетинском конфликте, двух чеченских войнах, киевских майданных политических акциях. На этом фоне событий разворачиваются социологические 'замеры' политического самосознания студентов.

Осенний опрос 2013 г. пермских и соликамских студентов показал, что *политическая культура населения понизилась* в сравнении с доперестроечным прошлым. Лишь некоторые группы старше 30 лет включены в деятельность партий. Оценивая политическую культуру *горожан-соликамцев*, студенты отмечают ее *маргинальность*, подчеркивая ее неоднородность. Хотя жители Соликамска политические события обсуждают, но в деятельности партий участия не принимают: 'В масштабах города политической активности нет'. Однако голосовальная машина и административный ресурс в демократическую систему капитало-парламентаризма [7] включены: при том, что политическая культура низка в городе, люди стали ходить на выборы, голосовать' [8, с. 79]. Если представить социальную структуру г. Соликамска, то, с одной стороны – наличие значительного инженерного корпуса в совокупности с дисциплинированным слоем рабочих, занятых в добывающей и перерабатывающей отраслях промышленности. Работает разветвленная сеть социальных служб и административного управления. В наличии религиозно-культурный конгломерат конфессий. С другой стороны – комплекс исправительных учреждений, окружающих город, и

отсюда – значительная часть осевших поселенцев после отбытия срока заключения. Социальная структура города, обусловленная избыточным наличием мест заключения, создает напряженную социально-психологическую ауру и опосредованно сказывается на маргинальной политической культуре.

Студенты отмечают, что большая часть молодежных групп политикой и делами государства не интересуется. Политическая культура из жизни педагогического института исключена. Многие студенты активно распространяют листовки в предвыборных кампаниях, но это лишь способ подзаработать. Наиболее типичны самокритичные высказывания студентов: 'Политическая культура группы мне не нравится. Из-за лени мы нигде не участвуем'. 'Среди студентов часты обсуждения политической жизни страны, однако непосредственного участия в политических акциях нет, здесь мы слишком пассивны. Нигде, ни в каких партиях, митингах наша группа участия не принимает'. Вместе с тем 'все достигшие восемнадцати лет участвуют в голосовании в выборах кандидатов в президенты'. Студенты понимают, что политическая культура включает не только политическую информированность, но и политические практики: участие в партиях и движениях, акциях, выражающих отношение к политическим действиям, к примеру, – правительств сопредельных государств.

Суждения студентов подтвердились и в ответах на вопросы, *о чем говорят гости и родители при встрече?* Из приведенных высказываний видно, что политика опосредованно, через условия жизни, в действительности входит в каждый дом. 'Родители обсуждают проблемы с заработной платой, жилищными и коммунальными услугами, размером пенсий. Они проектируют нашу дальнейшую жизнь'. 'Если собираются родственники, то говорят о семейных проблемах, если приходят друзья, то речь идет о политике и о работе'. *Политическая культура студентов СГПИ – не релевантна мировому студенческому сознанию и поведению.* С одной стороны, введен курс политологии, с другой правительственными указами выведены политические структуры с предприятий и учреждений.

Российское общество несколько всколыхнулось, реагируя на реформу школьного образования в печатных и радиотелевизионных выступлениях родителей и учителей, депутатов Госдумы. Целесообразно посмотреть на проблему осознания данной реформы студентами – будущими педагогами, их оценку программ, многоступенчатости и платности образования. Небольшая, десятая часть, студентов замечает: 'Оплачиваемое образование

позволяет вырастить новую элиту российского общества'. 'Образовательные услуги предоставляются для наиболее полного удовлетворения потребностей школьников'.

Социальные издержки перевода системы образования на оплачиваемую форму в российском обществе представлены следующими взглядами будущих учителей: 'В престижных вузах очень мало бюджетных мест. Это многих огорчает. Зачастую и эти места занимают льготники, а способные дети, умные головы, став студентами, должны платить за обучение'. 'Очевидны недостатки и непродуманность законодательных установлений. Если в школах и вузах дают низкий уровень образования, но и за него в равной мере приходится платить'.

Студенты-приверженцы селекции образования (а тем самым и узаконенной неравномерной социальной структуры общества, закрепляющей социальное неравенство) подчеркивают гибкость системы многоступенчатого образования как достоинство. 'Современное образование заставляет желать лучшего, но радует то, что идет некий процесс развития, нет застоя (предлагаются различные варианты обучения, программы и методики). 'Не вижу недостатков в многоступенчатом образовании. Многоступенчатость дает возможность выбора времени и качества образования. А платность зависит от баллов по ЕГЭ'. 'Многоступенчатость – это хорошо, каждый ребенок для себя сам решает, на каком уровне ему остановиться, и дальше идти работать'. 'Многоступенчатость оставляет студентов более внимательно относиться к своему образованию и ценить его'.

Адаптивная позиция студентов подкрепляется следующими суждениями: 'Платное образование должно быть больше только для тех, кто не хочет учиться. Богатым родителям легче заплатить больше, чтобы у ребенка был хороший аттестат'. 'Эта платность должна быть в обществе в разумных размерах'. Образование – дорогостоящий процесс. Везде нужны деньги: на учебники, технику, полноценное питание детей в школьной столовой. В Европе ищут источник финансирования всеобщего среднего образования. Дуальную – начальную и среднюю – ступень образования Германии А. Меркель определяет, как вызывающую зависть других государств. Она оплачивается из нескольких источников: государством, партиями, религиозными организациями и предприятиями.

Из высказанных позиций следует, что студенты педагогического вуза понимают – образование тончайшими нитями связано с ценностями, декларируемыми

Министерством образования РФ. В германской модели образования, которой следовала российская и советская системы образования, целью было развитие науки, техники и культуры во имя процветания государства и его безопасности. Внедряемая в настоящее время система многоступенчатого образования, ориентированная на англосаксонскую модель, направлена на селекцию, которой служит сомнительная система определения способностей, тестирования IQ. «За основу новой структуры образования взята многоступенчатая система США. Для России эта система гибкости означает выращивание специалистов для ведущих стран мирового сообщества. Национальные государства свои собственные ноу-хау в сфере технологий держат в секрете и на Востоке, в Китае, и на Западе, в США, лишь российской науке предложено через системы Web and Sins, Scopus etc. всё выставить на торги, особенно в области новейших технологий. Таким образом, социальное, экономическое и политическое приходят во взаимное противоречие в условиях современного маргинального общества.

Студенты рассматривают социальную справедливость как часть нравственной и правовой культуры. Справедливость принимает две формы: уравнительную и распределительную в соответствии с типом строя: социально ориентированного государства или господства рыночных отношений. Уравнительный тип предоставляет людям равные возможности для развития способностей, а распределительная справедливость воздает людям за успех, тем самым оптимизируя их к большему приложению усилий. Развитые страны вынуждены идти в сторону «уравнивающей» нравственной справедливости, как в Германии. В то время как «третьим странам» глобализмом предлагается путь распределительной справедливости. При этом ТНК ведут себя как «варяги» на социально-экономическом поле менее развитых стран [8, 14].

При обращении к реальности студенты Соликамского государственного пединститута (СГПИ) делают следующий вывод, исходя из повседневности: 'Как обычно, под прикрытием слов о справедливости каждый ищет выгоду для себя'. 'Справедливости нет, все делается так, как выгодно государству; государство делает все по-своему, а мнение людей не учитывается, людям это не нравится'. 'Нет принципов, нет и справедливости! Таким образом, теоретическое понимание

справедливости приходит в противоречие с жизненными практиками студентов. Неясны современные базовые ценности государства. Неудовлетворенность населения платным образованием подтверждается широкими массовыми опросами, как следует из данных М.К. Горшкова [10]. Таким образом, образовательный процесс связан с дифференцированным понятием социальной справедливости (уравнивающей и стимулирующей), а реальный жизненный опыт дает представление о сужающемся поле социальной справедливости.

Когда субъект утрачивает оптимистичное представление о справедливости, он ищет духовную опору в религии. Если традиционные социальные институты выстояли в массовом российском сознании, то в период реформ у девушек Соликамского пединститута резко возросла религиозная составляющая самосознания. Это выявилось в их отношении к институту церкви и верующим.

Социальный институт Русской Православной Церкви (РПЦ) имеет правовое основание своего устройства. Её сфера – божественные заповеди, каноны, богослужбные тексты. Молодые жительницы Соликамска и ближних городков отмечают: 'РПЦ на экране выглядит довольно преуспевающим социальным институтом. В реальной жизни все запущено, нет средств, чтобы сделать ремонт церкви, хотя государство всегда выделяет деньги на их реставрацию'. *Критическое отношение, выявленное студентами СГПИ, состоит в следующем:* 'РПЦ редко бывает на экране, в реальной жизни она охватывает большую часть людей. Христиан много, но в политике и жизни РПЦ играет минимальную роль'. Студенты критикуют спайку государства и РПЦ. 'В духовном мире тема РПЦ присутствует везде: в СМИ, фильмах, литературе'. 'Власть это – управление массами, а РПЦ позволяет власти это прекрасно делать. Система эта гениально построена. Я очень негативно отношусь к РПЦ'. Представленные позиции студентов раздвоились в отношении к институту РПЦ, но традиционно в Соликамске всегда была высокая религиозность [8, с. 80].

В отношении к вере и верующим у соликамской студенческой молодежи выявилась либо *нейтральная, либо одобрительная позиция. Отмечается, что в архетипах веры сохранились многие языческие обычаи и традиции, ритуалы, связанные с рождением ребенка, проведением свадьбы. 'К вере отношусь спокойно, нейтрально. Главное, чтобы из-за веры никого не убивали'*. Иные молодые полностью зацикливаются на молит-

вах'. 'Я крещеная, иногда хожу на службу в церковь. Я считаю, что каждый человек сам должен прийти к вере, если он её достоин. Это значит, что он стремится к совершенству'. 'Я не погружена полностью в веру, но верю в существование высших сил'. Последнее – пример религиозноподобного сознания.

Положительное отношение, высказанное к вере и верующим: 'Я верю в Бога. Личное дело каждого верить во что-либо, но не до фанатизма'. 'Моя бабушка – староверка, я с детства наблюдаю за её образом мышления и поведения'. Выявлен и простейший утилитаризм в высказываниях: 'Следует уважать верующих, верят, значит, мне спокойнее'.

Из данных исследований молодежного самосознания в Западно-Уральском регионе Пермской области (на примере качественного исследования) можно сделать следующие выводы: сплоченности общества может способствовать политика государства лишь понятная и принятая всеми: необходимо прояснить студентам ее экономически-легитимные, социальные, культурные и нравственные основания. Справедливость должна сочетать оба принципа: распределительный и результативный, однако в социальной сфере предпочтителен не рыночный, а распределительный принцип. Русский мир привлекателен для стран Запада. С активным включением информационных технологий в процесс образования изменилась и политическая культура молодежи: у одних – в сторону самостоятельности мышления, у других – в сторону адаптивных практик. Студенты СГПИ ориентированы на профессиональную деятельность и на гибкое конструирование социальной реальности.

1. Ершов Ю.Г. Современность как проблема // Социум и власть. N 5(43). 2013. С. 131–132.

2. Доклады Э. Масэ, О. Кузен, С. Руи // Программа IX Международной научной конференции «Сорокинские чтения». Приоритетные направления развития социологии в XXI в. К 25-летию социологического образования в России, 4–5 декабря 2014.

3. Павлов А.В. Современность и критика // Социум и власть. 2013. N 6. С. 128–135.

4. Хоружий С.С. Что такое SYNERGEIA? Синергия как универсальная парадигма: ведущие предметные сферы, дискурсивные связи, эвристические ресурсы // Вопросы философии. 2011. N 12.

5. Парамонова С.П. Современный мир. Молодежь, образование, труд. Пермь: ПГУ, 2011. 250 с.

6. Бадью А. Тайная катастрофа [Электронный ресурс] // Sociologos, 2009. URL: [34](http://so-</p>
</div>
<div data-bbox=)

ciologos.net/textes/badiou.htm (дата обращения: 16.05.2013).

8. Парамонова С.П. Политическая культура студентов в Пермском крае // Власть. 2012. N 4. С. 76–81.

9. Мартинелли А. От мировой системы к мировому сообществу? // Социологические исследования. 2009. N 1. С. 2–15.

10. Парамонова С.П. Большинство: маргиналы и конформисты // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2014. N 1(22). С. 36.

References

1. Yershov Yu.G. (2013) *Sovremennost' kak problema* [Modernity as the problem] // *Sotsium i vlast'*, N 5(43), 131–132 [in Rus].

2. Doklady E. Mase, O. Kuzen, S. Rui (2014) [Reports of E. Mase, O. Kuzen, S. Rui, P. Poland] // *Programma IX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Sorokinskiye chteniya» Prioritetnyye napravleniya razvitiya sotsiologii v XXI v. K 25-letiyu sotsiologicheskogo obrazovaniya v Rossii* [Program of IX International scientific conference "Sorokin Reading" Priority directions of sociology development in XXI century to 25 years anniversary of sociological education in Russia], 4–5 dekabrya 2014 [in Rus].

3. Pavlov A.V. (2013) *Sovremennost' i kritika* [Modernity and criticism] // *Sotsium i vlast'*. 2013. N 6. 128–135 [in Rus].

4. Khoruzhiy S.S. (2011) *Chto takoye Synergeia? Sinergiya kak universal'naya paradigma: vedushchiye predmetnyye sfery, diskursivnyye svyazi, evristicheskiye resursy* [What is synergy? Synergy as universal paradigm: leading subjective spheres, discursive relations, heuristic resources] // *Voprosy filosofii*. N 12 [in Rus].

6. Paramonova S.P. (2011) *Sovremennyy mir. Molodezh', obrazovaniye, trud* [Modern world. Youth, education, labor]. Perm': PGU, 2011, 250 [in Rus].

7. Bad'yu A. (2009) *Taynaya katastrofa* [Secret catastrophe] // *Sociologos*, available at: <http://sociologos.net/textes/badiou.htm> (accessed: 16.05.2013) [in Rus].

8. Paramonova S.P. (2012) *Politicheskaya kul'tura studentov v Permskom krae* [Political culture of students in Perm region] // *Vlast'*, N 4, 76–81 [in Rus].

9. Martinelli A. (2009) *Ot mirovoy sistemy k mirovomu soobshchestvu?* [From world system to world community?] // *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, N 1, 2–15 [in Rus].

10. Paramonova S.P. (2014) *Bol'shinstvo: marginaly i konformisty* [Majority: marginals and conformists] // *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta*, 1(22), 36 [in Rus].

UDK 165.242.1

THE POLITICAL CULTURE OF STUDENTS OF SOLIKAMSKY PEDAGOGICAL INSTITUTE IN PERM REGION (SSPI)

Paramonova Svetlana Pavlovna,
Solikamsky State Pedagogical Institute,
the Branch
of the Perm State
National Research University,
Professor
of the Department Chair
of Social Sciences,
Doctor of Philosophy,
Solikamsk, Russia.
E-mail: spp45@mail.ru

Koshkina Irina Dmitriyevna,
Solikamsky State Pedagogical Institute,
the Branch
of the Perm State
National Research University,
the Director,
Cand. Sc. (Philology),
Solikamsk, Russia.
E-mail: solgpi@mail.ru

Annotation

The article provides a multilateral assessment of the political culture of students in Solikamsk State Pedagogical Institute (SSPI), a branch of the Perm State National Research University (PSNRU). Students defined the aspects of political culture of the city and the students' community. The authors analyze the impact of the city social structure on the political culture of the older and younger generations. Evident became the impact of market on the social sphere and marginal position in the political culture of students.

Key concepts:

political consciousness (reflection), attitude towards the Russian Orthodox Church and faith, assessment of the level of political culture and the urban community of students, evaluation of educational reform by SGPI students.

УДК 330:567

СУБЪЕКТИВНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Перов Евгений Викторович,

Научный центр изучения
социально-экономических конфликтов,
старший научный сотрудник,
кандидат экономических наук,
г. Вологда, Россия.
E-mail: perov.ru@gmail.com

Аннотация

В оценке экономического благополучия населения более широкое распространение получил объективный подход, когда используются экономические показатели официальной статистики. Однако не меньший интерес представляет субъективная оценка уровня материального благополучия. При управлении обществом важно знать, что индивиды думают о собственном благополучии, а не только официальные данные об уровне их доходов. Под субъективным экономическим благополучием понимается оценка населением собственного материального положения. В целях получения обобщенной характеристики материального положения своей семьи предлагается использовать коэффициент субъективного материального благополучия семьи. Динамика коэффициента субъективного экономического благополучия семьи не противоречит официальным данным о доходах населения.

Ключевые понятия:
материальное положение семьи,
коэффициент субъективного
экономического благополучия.

Измерение экономического (материального) благополучия является важной теоретической и практической задачей. Экономическое благополучие является одной из основных причин изменения социального самочувствия населения. Принимаемые решения при управлении обществом должны опираться на реальную оценку благосостояния населения. В этом случае важно знать не только объективную информацию о материальном положении населения, но и его субъективную оценку с учетом эмоционально-психологической составляющей. Именно субъективные оценки отражают настроения в обществе и представляют интерес для управления обществом и формирования позитивных настроений. Особого внимания заслуживают те социальные группы населения, у которых уровень субъективного экономического благосостояния в среднем ниже, поскольку субъективная оценка влияет на взаимоотношения в экономической сфере и на отношения с властными структурами.

Оценка экономического благополучия возможна при использовании двух подходов – объективного и субъективного. Одновременное использование двух подходов предполагает анализ данных из двух взаимодополняющих источников. К ним относятся данные государственной статистики и результаты социологических опросов населения.

Наиболее широкое распространение получил объективный подход, когда используются экономические показатели официальной статистики. ООН при оценке сравнительного экономического благополучия стран использует показатель валового национального дохода на душу населения. Используются также показатели ВВП на душу населения и конечное потребление домашних хозяйств. К показателям оценки экономического благополучия населения относят также следующие показатели: среднедушевые денежные доходы, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающих в экономике, величина прожиточного минимума, численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, соотношение среднедушевых денежных доходов с величиной прожиточного минимума, соотношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы с величиной прожиточного минимума [3]. Одним из основных показателей экономического благополучия считается размер дохода на душу населения [9, глава 20]. Этот

показатель позволяет выполнять межстрановое сравнение, сравнение отдельных групп населения в стране и сравнение в динамике. При использовании показателей в межстрановых сравнениях и в динамике их числовые значения пересчитываются по паритету покупательной способности и учитываются в единой валюте.

Использование только объективных показателей без субъективных оценок самого населения не позволяет полно оценить уровень экономического благополучия населения. Не меньший, а, пожалуй даже больший, интерес представляет субъективная оценка уровня материального благополучия, поскольку для оценки состояния общества важнее, что индивиды думают о собственном материальном положении, нежели официальные данные об уровне их доходов. В некоторой степени субъективные оценки являются более точной оценкой экономического благополучия, поскольку каждая отдельная личность оценивает собственное материальное положение [11]. Субъективные оценки могут быть использованы в качестве адекватного аналога, одного из показателей измерения благосостояния населения. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), признавая недостатки валового внутреннего продукта в качестве единственного показателя благосостояния, работает над созданием индекса благополучия, который сочетает официальные данные, результаты социологических опросов населения и экспертные оценки.

Понятие субъективного экономического благополучия не имеет установленного определения. Впервые это понятие использовал Струмפל [12]. Часто субъективное экономическое благополучие рассматривается как составляющая общего благополучия человека. Чувства относительно материальной обеспеченности играют значительную роль в жизни личности [8]. Субъективная оценка экономического благополучия зависит от реальных доходов и экономических притязаний личности, от уровня позитивности ожиданий, личностных свойств характера и пр. В контексте данного исследования под субъективным экономическим благополучием понимается оценка населением собственного материального положения.

Субъективную оценку экономического благополучия в стране или отдельно взятом регионе позволяют выявить социологические опросы населения, а мониторинги, проводимые по единой методике, – установить динамику этой оценки. В результа-

те социологических опросов определяется степень удовлетворенности доходами, материальным положением семьи.

Значительный интерес представляет изучение взаимосвязи между объективными и субъективными измерениями экономического благополучия. Задача состоит в том, чтобы выяснить, насколько динамика субъективного экономического благополучия соответствует динамике статистических показателей, характеризующих доходы населения.

Существуют различные техники и методики определения оценки субъективного экономического благополучия с использованием различных шкал. Принимая во внимание, что понятие экономического благополучия несколько шире уровня дохода [10], представляется целесообразным при оценке экономического благополучия использовать не показатель размера дохода семьи, а субъективные оценки удовлетворенности доходами, материальным положением.

В данном случае оценка экономического благополучия населения устанавливается на основании вторичных данных мониторинга социально-экономических перемен и мониторинга «Курьер», а также исследований «Экспресс ВЦИОМ» [4, 5, 6]. Опросы во всех случаях проводились по репрезентативной выборке взрослого населения по всей территории России. Численные значения показателей по годам получены как средние взвешенные значения по всем опросам за год.

При социологическом опросе респонденты выбирают один из вариантов ответа на вопрос анкеты «Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?». Ответы не включают количественной оценки, они носят вербальное описание, отражают отношение респондента к уровню материального благополучия семьи: очень хорошее, хорошее, среднее, плохое, очень плохое. Это позволяет установить субъективную оценку экономического благополучия семей респондентов. При ментальности большей части населения, включающей требование равенства доходов, которая была сформирована в советское время, такая оценка дается в сравнении с материальным положением других семей. На рисунке 1 показана динамика субъективной оценки материального благополучия, где приведены две кривые. Одна из них отражает долю респондентов, выбравших варианты ответов, характеризующих материальное положение семьи как очень плохое или плохое, другая кривая – как хорошее или очень хорошее.

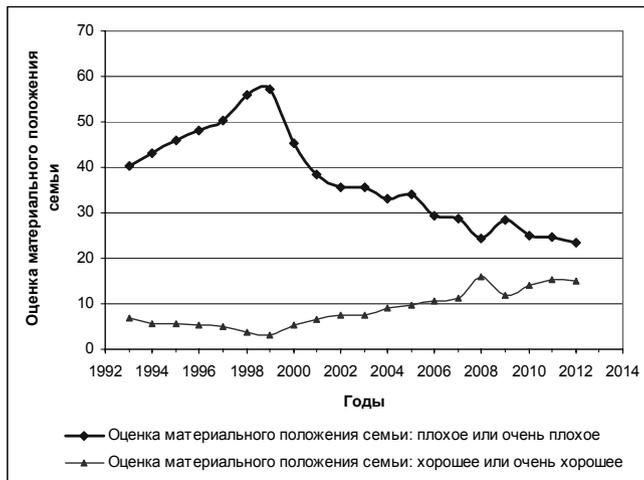

Рис. 1. Оценка населением материального положения своей семьи

В период с 1997 г. по 1999 г. половина населения и более оценивали материальное положение своей семьи как плохое или очень плохое. Самым тяжелым в материальном отношении были 1998 г. и 1999 г. В год финансово-экономического кризиса 1998 г. 56% респондентов оценивали материальное положение своей семьи хуже среднего уровня (40% – плохое и 16% – очень плохое). Это в среднем по году. Однако в течение года эта оценка не была одинаковой. В начале года, когда уже казалось, что экономическая ситуация в стране улучшилась, и значительная часть населения начала отказываться от посадок картофеля и других овощей для собственного пропитания, материальное положение семьи хуже среднего оценивали 49% респондентов (март). В августе, когда разразился финансовый кризис, таких респондентов было уже 62%. В 1999 г., наоборот, в марте – 63%, а в августе, когда экономическая ситуация несколько улучшилась, 53% респондентов оценивали материальное положение своей семьи как плохое или очень плохое. В последующие годы при более спокойной, по сравнению с кризисным годом, социально-экономической ситуации все меньшая доля населения оценивала свое материальное положение хуже среднего. Все же и в конце анализируемого периода пятая часть населения оценивала материальное положение своей семьи как плохое или очень плохое. Например, в 2012 г. материальное положение плохим оценивали 21%, а очень плохим – 2,5% респондентов.

Оценка материального положения своей семьи как хорошее или очень хорошее имеет обратную картину (рис. 1). С 1993 г. по 1999 г.

доля респондентов, отмечающих уровень материального положения своей семьи выше среднего, снижалась: с 7% в 1993 г. до 4% в 1999 г. Начиная с 2000 г. наблюдается тенденция увеличения доли населения с более высоким уровнем субъективного благосостояния. Однако доля такого населения превысила 10% только в 2006 г., а в конце анализируемого периода составила 15%, т.е. такая доля респондентов отмечает уровень материального благополучия своей семьи выше среднего.

По результатам опроса наблюдается дифференциация населения по уровню субъективного материального положения семьи. В таблице 1 приведены для сравнения субъективные оценки материального положения семьи для отдельных лет.

Остальные из ответивших затруднились с выбором варианта ответа.

В целях получения обобщенной характеристики материального положения своей семьи вводится понятие уровня субъективного экономического положения семьи, который оценивается при использовании коэффициента субъективного экономического благополучия семьи:

$$Q^t = \sum_{\nu} e_{\nu} \bar{m}_{\nu}^t,$$

где Q^t – коэффициент субъективного экономического благополучия своей семьи в t -м году $Q = [0, 1]$;

$\nu = 1 \dots 6$ – количество вариантов ответов при оценке экономического благополучия своей семьи;

$e_{\nu} \bar{m}_{\nu}^t$ – оценка экономического благополучия своей семьи и средняя доля респондентов, дающих соответствующую оценку в t -м году;

Таблица 1

Дифференциация населения по уровню субъективного материального положения семьи

Варианты ответов	Доля респондентов от числа ответивших, %			
	1993	1999	2008	2012
Очень хорошее	0,6	0,3	1,6	1,5
Хорошее	6,4	3,0	14,3	13,5
Среднее	46,3	37,9	58,8	60,4
Плохое	32,0	39,9	20,9	20,8
Очень плохое	8,4	17,2	3,3	2,5

очень хорошее – $e_1 = 1$ и \bar{m}_1^t ;

хорошее – $e_2 = 0,75$ и \bar{m}_2^t ;

среднее – $e_3 = 0,50$ и \bar{m}_3^t ;

плохое – $e_4 = 0,25$ и \bar{m}_4^t ;

очень плохое – $e_5 = 0$ и \bar{m}_5^t ;

затрудняюсь ответить – $e_6 = 0,5$ и \bar{m}_6^t .

Чем выше значение коэффициента, тем выше уровень субъективного экономического благополучия семьи. Коэффициент субъективного экономического благополучия семьи, равный 1, означает, что все респонденты считают материальное положение своей семьи очень хорошим. На рисунке 2 показана динамика этого коэффициента, полученного по оценкам населения.

Коэффициент субъективного экономического благополучия семьи отражает,

что самым неблагополучным материальное положение своей семьи воспринималось населением в 1999 г., в этот год значение этого коэффициента было самым низким (0,32), т.е. население в среднем оценивало свое материальное положение скорее как плохое. Все годы анализируемого периода коэффициент субъективного экономического благополучия был ниже среднего значения (0,5). Постепенно повышаясь, к концу анализируемого периода этот показатель приближается к средней оценке.

Данную картину во второй половине анализируемого периода дополняют результаты выбора респондентами в социологическом опросе варианта ответа «Мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на продукты питания» [4]. Доля населения, которое по собственным оценкам едва сводит концы с концами, с 2001 г. постепенно уменьшалась с 22% до 8% в 2012 г. (рис. 3). Исключение состав-

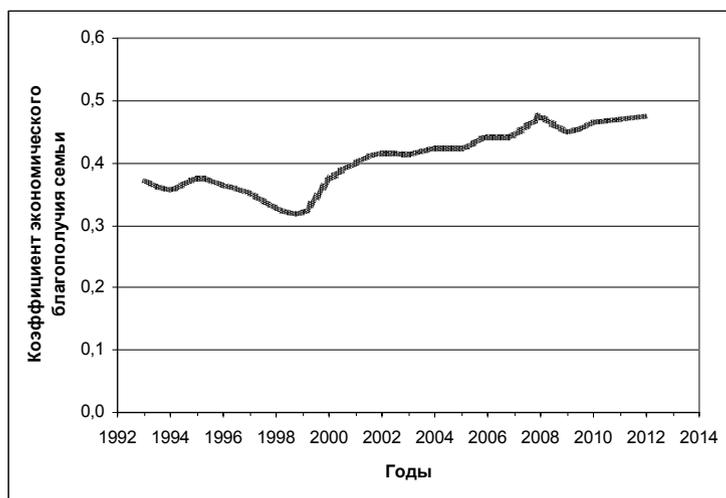

Рис. 2. Коэффициент субъективного экономического благополучия семьи

ляет период второго финансового кризиса, когда доля такого населения возросла на 1 п.п.

Динамика коэффициента субъективно-экономического благополучия семьи в целом соответствует официальным данным о доходах населения [7]. Динамика ВВП на

го кризиса 2008 г. Самый высокий темп прироста этого показателя отмечался в 2000 г. (10,5% в год) и в 2007 г. (8,8% в год). Финансовый кризис вызвал снижение производства продукции и ВВП на душу населения. Только за 2009 г. ВВП на душу населения сократился на 7,8%.

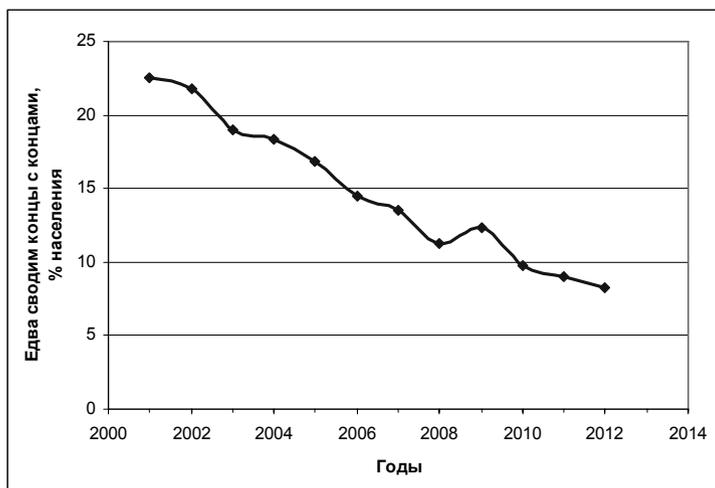

Рис. 3. Выборочная доля населения, которое едва сводит концы с концами

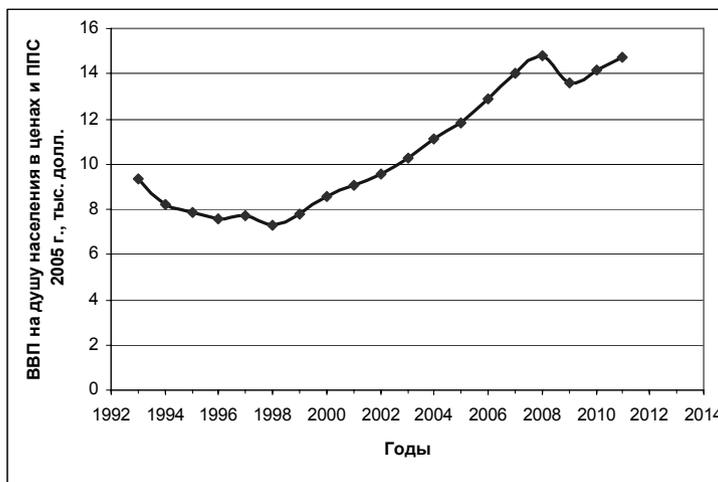

Рис. 4. ВВП на душу населения в ценах и ППС 2005 г.

душу населения по паритету покупательной способности 2005 г. в долларах США [1] показана на рисунке 4.

Из графика можно видеть, что в начале периода этот показатель снижался до 1998 г. включительно (в среднем на 4,9% в год). Затем наблюдается его непрерывный рост со среднегодовым темпом прироста 7,3% до наступления финансово-

Однако уже в следующем году объем производства и уровень ВВП на душу населения по паритету покупательной способности увеличился. Прирост ВВП на душу населения составил 4,2%, и его уровень в 2010 г. превысил уровень 2007 г. Уровень ВВП на душу населения в 2011 г. превышал уровень 1998 г. в два раза.

Кривая динамики конечного потребле-

ния домашних хозяйств на душу населения в неизменных ценах 2005 г. (долл. США) по форме идентична кривой динамики валового внутреннего продукта [2]. Конечное потребление домашних хозяйств на душу населения в неизменных ценах возросло за анализируемый период в 2,6 раза. Снижение этого показателя наблюдалось в 1995–1999 гг. (на 7,6% за 5 лет) и в 2009 г. (5,1% за год). С 1999 г. по 2008 прослеживался устойчивый рост конечного потребления домашних хозяйств на душу населения со среднегодовым темпом прироста, равным 11,1% в год.

Динамика среднемесячной заработной платы в твердой валюте также соответствует динамике ВВП на душу населения [1]. В 1993–1997 гг. среднемесячная заработная плата в твердой валюте в целом возрастала, в 1997 г. она в 2,8 раза превышала уровень 1993 г. Затем в результате финансово-экономического кризиса 1998 г. она в течение двух лет снижалась, в 1999 г. уровень среднемесячной заработной платы составлял всего 38% от уровня 1997 г. С 2000 г. наблюдается устойчивый рост этого показателя. За последующие годы до финансового кризиса 2008 г. уровень среднемесячной заработной платы в твердой валюте увеличился в 11,2 раза, а к 2011 г. – в 13,1 раза.

Корреляционный анализ взаимосвязи субъективной оценки материального благополучия с объективными показателями, характеризующими доходы населения, показывает, что субъективный коэффициент экономического благополучия тесно коррелирует с ними. Индексы корреляции коэффициента субъективного экономического благополучия семьи равны:

ВВП на душу населения в ценах и ППС 2005 г., долл. США – 0,95;

конечное потребление домашних хозяйств на душу населения в постоянных ценах 2005 г., долл. США – 0,92;

заработная плата в текущих долл. США – 0,85.

Следовательно, значения коэффициента субъективного экономического благополучия семьи в целом хорошо отражают динамику объективных показателей, характеризующих доходы населения.

Как уже отмечалось, при субъективной оценке материального положения семьи проявляется дифференциация населения по доходам. Расслоение населения на богатых и бедных по степени богатства, имущества выдвигается населением в качестве острой проблемы общества. Все годы анализируемого периода более четверти населения считают расслоение населения на богатых и бедных острой проблемой общества (рис. 5). В 1997 г. и во втором полугодии 1998 г. это отмечали более 40% респондентов. В 2002–2005 гг. расслоение населения на богатых и бедных считали одной из острых проблем общества менее 30% респондентов, но затем этот показатель возрастал до конца анализируемого периода.

Одним из объективных показателей, характеризующих дифференциацию населения по уровням доходов, является коэффициент фондов. Он определяется как соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами (рис. 6). В

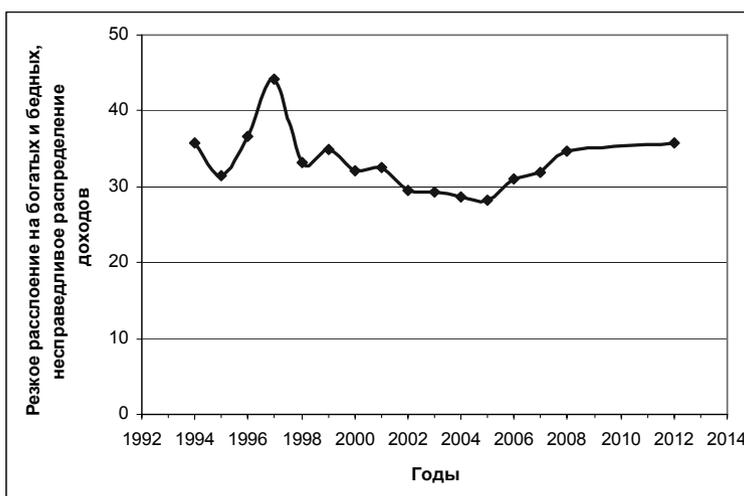

Рис. 5. Оценка расслоения населения на богатых и бедных, несправедливого распределения доходов

конце советского периода дифференциация доходов населения была незначительной: в 1989 г. коэффициент фондов равнялся 2,99 [7]. К 1995 г. он достиг значения 13,5, т.е. вырос в 4,5 раза, а затем превысил этот уровень. Наибольшие значения коэффициента фондов фиксировались в 2007–2008 гг. В оценках населения эти годы также особо выделяются (резкую дифференциацию в доходах отмечают 32–35% респондентов). В начале анализируемого периода реакция населения на

ми, выступать в качестве инструмента оценки экономического благополучия населения. Субъективные оценки не противоречат официальным данным государственной статистики и позволяют получить оценку экономического благополучия семьи, дополняющую официальные данные и характеризующие состояние общества. Однако субъективные оценки дифференциации доходов противоречат объективной информации и не могут быть использованы в качестве дополнительного инструмента такой оценки.

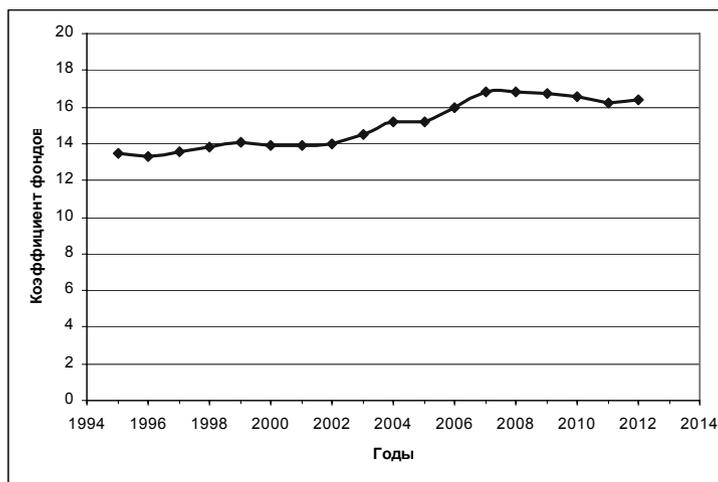

Рис. 6. Коэффициент фондов

дифференциацию доходов населения была более острой. Несмотря на возрастание коэффициента фондов в последующие годы, меньшая доля населения отмечает факт дифференциации доходов населения. Возможно, при увеличении доходов населения эта проблема становится менее острой в массовом сознании, а также сказывается привыкание населения к дифференциации доходов отдельных слоев населения, увеличивается многообразие доходов, постепенно меняется ментальность населения.

Корреляционный анализ показывает, что взаимосвязь между субъективной оценкой расслоения населения на богатых и бедных и коэффициентом фондов отсутствует. Следовательно, объективные данные о дифференциации доходов (коэффициент фондов) не могут быть подкреплены субъективной оценкой, и она не может выступать в качестве дополнительного инструмента оценки дифференциации доходов населения.

Таким образом, результаты социологических опросов показывают, что субъективная оценка материального положения населения может, наравне с объективными показателя-

1. База данных / Отдел статистики ЕЭК ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://w3.unesco.org/rxweb/?lang=14> (дата обращения: 23.02.2014).

2. Всемирный банк [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org> (дата обращения: 23.02.2014).

3. Зданович О.В. К вопросу оценки качества жизни населения // Материалы Международной конференции, посвященной 60-летию КарНЦ РАН. Северная Европа в XXI веке: природа, культура, экономика. Секция «Общественные и гуманитарные науки». Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2006. С. 49–51.

4. Социологическое исследование «Мониторинг социально-экономических перемен» 1993–2012 // Единый архив экономических и социальных данных [Электронный ресурс]. URL: <http://sophist.hse.ru/db/oprosy.shtml?ts=98&en=0> (дата обращения: 23.02.2014).

5. Социологическое исследование «Курьер» 1993–2012 [Электронный ресурс] // Единый архив экономических и социальных данных. URL: <http://sophist.hse.ru/db/oprosy.shtml?ts=6&en=0> (дата обращения: 23.02.2014).

6. Социологическое исследование «Экспресс ВЦИОМ» [Электронный ресурс] // Единый архив экономических и социальных данных 2008–2009. URL: <http://sophist.hse.ru/db/oprosy.shtml?ts=23&en=0> (дата обращения: 23.02.2014).

7. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 23.02.2014).

8. Хащенко В.А. Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация [Электронный ресурс] // Экспериментальная психология. N 1. 2011. URL: http://psyjournals.ru/exp/2011/n1/36684_full.shtml (дата обращения: 23.02.2014).

9. Хисамутдинов И. А. Основы экономики и теории рынка. – 2-е изд. перераб и доп. М.: Магистр, 2010. 686 с.

10. Campbell A., Converse P., Rodgers W. The Quality of American Life: Perceptions, Evaluations, and Satisfaction. N. Y., 1976.

11. Diener E., Biswas-Diener R. Will money increase subjective well-being? A literature review and guide to needed research // Social Indicators Research, 2002, V. 57. P. 119–169.

12. Strümpel B. Economic well-being as an object of social measurement // Subjective Elements of Well-Being. Paris: Organization for Economic Cooperation and Development, 1974. P. 75–122.

References

1. Baza dannykh [Database] / Otdel statistiki YEEK OON. Available at: <http://w3.unece.org/pxweb/?lang=14> (accessed: 23.02.2014) [in Rus].

2. Vsemirnyy bank [The World Bank]. Available at: <http://data.worldbank.org> (accessed: 23.02.2014) [in Rus].

3. Zdanovich O.V. (2006) K voprosu otsenki kachestva zhizni naseleniya [To the issue of assessment life quality of population] // Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchenoy 60-letiyu KarNTS RAN. Severnaya Yevropa v XXI veke: priroda, kul'tura, ekonomika. Sektsiya «Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki», Petrozavodsk, Izd-vo KarNTS RAN, 49–51 [in Rus].

4. Sotsiologicheskoye issledovaniye «Monitoring sotsial'no-ekonomicheskikh peremen» 1993–2012 [Sociological survey "Monitoring social and economic changes" 1993–2012] // Yedinyy arkhiv ekonomicheskikh i sotsial'nykh dannykh. Available at: <http://sophist.hse.ru/db/oprosy.shtml?ts=98&en=0> (accessed: 23.02.2014) [in Rus].

5. Sotsiologicheskoye issledovaniye «Kur'yer» 1993–2012 [Sociological survey "Currier" 1993–2012] // Yedinyy arkhiv ekonomicheskikh i sotsial'nykh dannykh. Available at: <http://sophist.hse.ru/db/oprosy.shtml?ts=6&en=0> (accessed: 23.02.2014) [in Rus].

6. Sotsiologicheskoye issledovaniye «Ekspress VTSIOM» [Sociological survey "Express VTSIOM"] // Yedinyy arkhiv ekonomicheskikh i sotsial'nykh dannykh 2008–2009. Available at: <http://sophist.hse.ru/db/oprosy.shtml?ts=23&en=0> (accessed: 23.02.2014) [in Rus].

7. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [Federal Service of State Statistic]. Available at: <http://www.gks.ru> (accessed: 23.02.2014) [in Rus].

8. Khashchenko V.A. (2011) Subyektivnoye ekonomicheskoye blagopoluchiye i yego izmereniye: postroyeniye oprosnika i yego validizatsiya [Subjective economical well-being and its assessment: creation of questionnaire and its validity] // Eksperimental'naya psikhologiya. N 1. Available at: http://psyjournals.ru/exp/2011/n1/36684_full.shtml (accessed: 23.02.2014) [in Rus].

9. Khisamutdinov I.A. (2010) Osnovy ekonomiki i teorii rynka [Bases of economy and the theory and market]. 2-ye izd. pererab i dop. M.: Magistr, 686 [in Rus].

10. Campbell A., Converse P., Rodgers W. The Quality of American Life: Perceptions, Evaluations, and Satisfaction. N. Y., 1976 [in Eng].

11. Diener E., Biswas-Diener R. Will money increase subjective well-being? A literature review and guide to needed research // Social Indicators Research, 2002, V. 57. P. 119–169 [in Eng].

12. Strümpel B. Economic well-being as an object of social measurement // Subjective Elements of Well-Being. Paris: Organization for Economic Cooperation and Development, 1974. P. 75–122 [in Eng].

UDC 330:567

SUBJECTIVE ECONOMIC WELL-BEING OF RUSSIAN POPULATION

Perov Yevgeniy Viktorovich,

Scientific Research Center of Socio-economic Conflicts, Senior Researcher, Cand. Sc. (Economics), Vologda, Russia.
E-mail: perov.ru@gmail.com

Annotation

The objective approach, which applies economic indicators of official statistics, has become more commonly used for estimating the economic well-being of the population. However, the subjective assessment of the level of material well-being is of no less interest. When governing society, it is important to consider not only the official data on income level, but what the individuals think of their own well-being. Subjective economic well-being is defined as the population's assessment of its own financial standing. The index of the subjective economic well-being of the family is proposed to be used for obtaining the generalized characteristics of one's own family's financial situation. The dynamics of the index of the subjective economic well-being of the family does not contradict the official data on population income.

Key concepts:

family's financial situation, index of subjective economic well-being.

УДК 338.43.02

КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ И ВОСПРОИЗВОДСТВО ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА

Илюхин Алексей Александрович,

Уральский государственный
экономический университет,
профессор кафедры политической
экономики,
кандидат экономических наук,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: Diplom@uralweb.ru.

Илюхина Светлана Викторовна,

Уральский государственный
экономический университет,
доцент кафедры экономической
статистики,
кандидат экономических наук,
г. Екатеринбург, Россия.

Аннотация

Исследованы основные потребительские предпочтения при формировании структуры питания трудоспособного населения. На основании проведенного социологического исследования сделан вывод о наличии необходимых предпосылок в поведении потребителя для эффективного импортозамещения основных продуктов питания. Установлена прямая взаимосвязь потребительских предпочтений, структуры питания и воспроизводства трудового потенциала.

Ключевые понятия:

продовольственная безопасность,
предпочтения потребителя,
структура питания,
воспроизводство,
трудоустройство,
квалифицированные кадры.

Вопросы продовольственной безопасности и структуры питания в условиях современного мира не только приобретают особую актуальность, эти две проблемы являются единой составляющей частью политики национальной безопасности. Количество еды и ее качество – эти вопросы постоянно волнуют общество, особенно потому, что они касаются удовлетворения одной из базовых биологических потребностей – питания.

Ясно, что дилемма является надуманной: конечно, в идеале только качественные продукты питания в неограниченном видовом наборе должны присутствовать на столе, для того чтобы наилучшим образом удовлетворять человеческие потребности не только в суточной норме белков, жиров, углеводов, минералов и витаминов, но и потребности во вкусной и, главное, здоровой пище. Если же учитывать данные мировой статистики, то необходимо принимать во внимание тот факт, что каждый 5-й житель планеты голодает, а каждый 6-й – не имеет доступа к питьевой воде надлежащего качества [1].

Следующий немаловажный аспект – бюджетные ограничения потребителя. По данным федеральной службы государственной статистики РФ численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума составляет 15,5 млн человек, или 10,8% [2]. Этот фактор непосредственно влияет на количество и качество продуктового набора, который может себе позволить та или иная семья (домашнее хозяйство). Небогатые семьи (по данным Всемирной организации здравоохранения бедной семья считается, если она тратит более 50% совокупного дохода на продукты питания) хотели бы приобретать качественные продукты питания, но не могут себе этого позволить [3]. Однако если принимать во внимание только экономический фактор, то более обеспеченная часть населения, по определению, должна питаться лучше и качественнее, чем менее обеспеченная.

В ходе социологического исследования (таблицы 1 и 2), в котором участвовали молодые люди от 18 до 35 лет, проживающие в г. Екатеринбурге, было опрошено 1500 респондентов, существенных отличий в ответах мужчин и женщин, а также представителей различных социальных групп о здоровом рационе питания не выявлено. Одной из задач исследования было стремление узнать, получают ли респонденты все необходимые питательные вещества ежедневно, и насколько они осведомлены о здоровом рационе.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопросы о здоровом рационе питания

№	Вопросы	Да %	Нет %	Не знаю %
1	Считаете ли Вы, что завтрак – самый важный этап приема пищи?	77,5	17,5	5
2	Можете ли Вы полноценно питаться больше 4 раз в день?	32,5	57,5	10
3	Считаете ли Вы, что Ваше меню на неделю разнообразно и включает в себя в равной степени красное мясо, рыбу, сырые фрукты и овощи?	52,5	42,5	5
4	Приходя в ресторан, интересуетесь ли Вы у официанта, как обработана пища, которую Вы заказываете?	17,5	80	2,5
5	Приобретаете ли Вы готовую продукцию в магазинах, ресторанах быстрого питания?	67,5	32,5	-
6	Готовится ли пища в Вашей семье преимущественно на пару либо иногда в духовке?	57,5	35	7,5
7	Осведомлены ли Вы, какие доступные продукты являются природным антиоксидантом?	22,5	55	22,5
8	Известно, что избыток углеводов в организме преобразуется в гликоген. Как Вы считаете, вредно ли это?	22,5	12,5	65

Таблица 2

Результаты исследования наличия питательных веществ в рационе питания

№	Вопросы	Да %	Нет %	Не знаю %
1	По Вашему мнению, ниацин и тиамин имеют похожие свойства преобразования пищи в организме человека?	15	5	80
2	Можете ли вы с уверенностью сказать, сколько групп витаминов Вы ежедневно потребляете вместе с пищей?	17,5	67,5	15
3	Покупаете ли Вы витаминные комплексы для профилактики хронических заболеваний?	55	42,5	2,5
4	Избегаете ли Вы приобретения продукта, в составе которого находятся красители, эмульгаторы и глазирующие агенты?(запрещенные в РФ Е-121,Е-240,Е-173)	50	30	20
5	Как Вы считаете, полезно ли употреблять в пищу пищевые волокна, такие как отруби и красная шелуха арахиса?	47,5	22,5	30
6	Можете ли Вы назвать хотя бы одну группу несовместимых продуктов питания?	50	37,5	12,5
7	Выпиваете ли Вы около 2-х литров воды в день?	70	17,5	12,5

Данные таблицы 1 свидетельствуют, что большинство респондентов 77, 5% знают, что завтрак является важным этапом приема пищи для человека, полноценно питаться не могут 57,5 %, однако практически 42,5% опрошенных считают, что они питаются раз-

нообразно, поскольку в их меню содержатся белки (мясо), фосфор и жирные омега-3 кислоты (рыба), витамины (сырые фрукты и овощи). Незначительная часть респондентов – 17,5%, посещая рестораны, интересуется способом приготовления пищи, остальных

это не интересует. Готовую продукцию в ресторанах быстрого питания приобретают практически 70% опрошенных, следовательно, привлекательность фастфуда перекрывает его негативные последствия. 55% опрошенных знают, какие доступные природные антиоксиданты существуют: клюква, черника, слива, фасоль, грецкие орехи, фисташки, миндаль, петрушка, чернослив, изюм, малина, вишня, капуста, свекла, баклажаны и т.д.

Относительно преобразования углеводов в гликоген, который способствует увеличению лишнего веса и наносит урон нервной системе человека, большинство респондентов не знают.

Распределение ответов респондентов, приведенных в таблице 2, убедительно демонстрирует, что 67% опрошенных не интересуются содержанием витаминов в пище, тем более что 80% не имеют понятия о необходимых микроэлементах, в которых особенно нуждается организм. Половина респондентов, вне зависимости от социальной принадлежности – 55%, регулярно покупает витаминизированные добавки, 42,5% – этого не делают, столько же респондентов осведомлены о том, что нельзя приобретать продукты с красителями, эмульгаторами и глазирующими агентами. Половина опрошенных отслеживают совместимость продуктов питания, 70% – знают о пользе воды и выпивают около 2-х литров в день.

Согласно данным опроса большинство респондентов являются достаточно осведомленными в области здорового питания, однако все опрошенные говорят о том, что сверхвысокая занятость мешает питаться правильно всегда, и в рационе присутствуют быстрое питание и вредные углеводы. Люди вынуждены много работать для того, чтобы в первую очередь иметь возможность удовлетворять потребность в пище, которая в свою очередь имеет тенденцию к подорожанию, в том числе из-за санкций, применяемых к России [4].

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что продукты питания желательнее приобретать от отечественного производителя, качественные и полезные, однако для удовлетворения реального голода необходимо, чтобы в принципе имелась возможность их приобретать хотя бы в достаточном количестве, пренебрегая при этом их качеством и местом производства.

Производители продуктов питания, как все предприниматели, ориентированы, в первую очередь, на извлечение прибыли от своей деятельности. Естественно, что они находятся в постоянном поиске путей удешевления исход-

ного сырья, применяемого для производства продуктов питания. В данном случае ограничителем для недобросовестных производителей продуктов питания выступает система стандартизации, которая на данный момент представлена государственными стандартами и техническими условиями. Сочетание ГОСТ и ТУ неуклонно растет в сторону последних, таким образом, послабляя условия для производителей продуктов питания. Объясняется этот феномен тем, что система ГОСТов была разработана во времена СССР морально и физически устарела в связи с развитием биотехнологий, применяемых при современном производстве продуктов питания. Конечно, это объективная реальность, которую необходимо воспринимать как данность. Однако, рассматривая продукты питания в качестве основы для жизнедеятельности человека, всем необходимо задумываться над здоровьем нации.

Эволюционная теория развития человека утверждает, что подвид приматов человек появился в результате мутаций, изменений, которые происходили, в том числе и за счет изменения пищевого поведения и предпочтений. Следовательно, мутации генотипа могут нести как положительные, так и отрицательные последствия. Значит, те негативные последствия, которые возникают из-за употребления некачественных продуктов питания, могут быть впоследствии нивелированы естественным отбором более приспособленных к выживанию индивидуумов. Это жестокая реальность, подтвердить или опровергнуть которую можно только по истечении определенного количества времени, достаточного для воспроизводства 2–3-х поколений людей. Каждый человек, исходя в первую очередь из собственных финансовых возможностей, наличия или отсутствия в регионе проживания продуктов питания, вкусовых и эстетических предпочтений определяет для себя и своих детей пищевое поведение. Может человек питаться абсолютно здоровой пищей, хочет он это делать, имеются у него возможности это делать – это, конечно, личное дело каждого. Однако при этом он должен иметь всю доступную информацию о наступлении негативных последствий как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе, разнообразный выбор продуктов питания (в идеале) и дифференцированную линейку цен, ориентированную на покупатель с разным уровнем дохода.

Рассмотренная проблематика особенно важна и с точки зрения воспроизводства трудового потенциала, способного отвечать требованиям современного информационного общества. В систему показателей раз-

вития человеческого (трудового) потенциала (методика ООН, United Nations Development Programme: Human Development Reports) в качестве индикатора уровня жизни введён агрегированный показатель – фонд потребления, под которым понимается масса жизненных средств, обеспечивающих текущее потребление (особо выделяется качество питания) и непроизводственное накопление [6].

Для повышения продовольственной безопасности страны, тем более в условиях усиления действия санкций, необходимо развивать региональное производство продуктов питания, что в немалой степени будет способствовать оздоровлению нации и воспроизводству высококонкурентного трудового потенциала в современной российской экономике.

1. Организация Объединённых Наций (ООН) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/> (дата обращения: 02.12.2014).

2. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (дата обращения: 02.12.2014).

3. Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.who.int/en/> (дата обращения: 02.12.2014).

4. Российское информационное агентство «Новости» [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20141104/1031675737.html> (дата обращения: 02.12.2014).

5. Geoffrey M. Hodgson, The hidden persuaders: institutions and individuals in economic theory // Cambridge Journal of Economics, 2004, 175 p.

6. Global Launch of 2014 Human Development Report [Электронный ресурс]. URL: <http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr2011/download/ru/> (дата обращения: 02.12.2014).

7. Уильямсон О. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // THESIS. Т. 1. Вып.3. СПб., 2014. 200 с..

References

1. Organizatsiya Obyedinonnykh Natsiy (OON) [The United Nations UN]. Available at: <http://www.un.org/ru/> (accessed: 02.12.2014).

2. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [The Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (accessed: 02.12.2014).

3. Vsemirnaya Organizatsiya Zdravookhraneniya (VOZ) [World Health Organization (WHO)]. Available at: <http://www.who.int/en/> (accessed: 02.12.2014).

4. Rossiyskoye informatsionnoye agentstvo "Novosti" [The Russian Information Agency "Novosti"]. Available at: <http://ria.ru/world/20141104/1031675737.html> (accessed: 02.12.2014).

5. Geoffrey M. Hodgson (2004). The hidden persuaders: institutions and individuals in economic theory // Cambridge Journal of Economics, 175.

6. Global Launch of 2014 Human Development Report. Available at: <http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr2011/download/ru/> (accessed: 02.12.2014).

7. Uilyamson O. (2014) Povedencheskiye predposylki sovremennogo ekonomicheskogo analiza [Behavior prerequisites of modern economic analyses] // THESIS. Т. 1. N 3. Saint Petersburg, 200.

UDK 338.43.02

NUTRITION CULTURE AND REPRODUCTION OF LABOR POTENTIAL

Iyukhin Aleksey Aleksandrovich,
Ural State University of Economics,
Professor of the Department Chair
of Political Economy,
Cand. Sc. (Political Science),
Ekaterinburg, Russia.
E-mail: Diplom@uralweb.ru.

Ilyukhina Svetlana Viktorovna,
Ural State University of Economics,
Associate Professor,
Department Chair of Economic Statistics,
Cand. Sc. (Economics),
Ekaterinburg, Russia.

Annotation

The basic consumer preferences in the formation of the nutrition structure of the working population are examined in the article. Based on the conducted sociological research it is concluded that there were prerequisites in consumer behavior for efficient import substitution of basic foodstuffs. The direct relationship of consumer preferences, the structure of supply and reproduction of labor potential is disclosed.

Key concepts:

food safety,
consumer preferences,
nutrition structure,
reproduction,
labor potential,
qualified personnel.

УДК 332.1

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА В ИЗМЕНЧИВОЙ ВНЕШНЕЙ СРЕДЕ

Гордеев Сергей Сергеевич,

Челябинский государственный университет, ведущий научный сотрудник, руководитель Научно-образовательного центра Института экономики Уральского отделения РАН и ЧелГУ, кандидат экономических наук, г. Челябинск, Россия.
E-mail: sgordeev222@mail.ru

Зырянов Сергей Григорьевич,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, директор, доктор политических наук, г. Челябинск, Россия.
E-mail: director@chel.ranepa.ru

Иванов Олег Петрович,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, зам. директора по развитию, кандидат технических наук, ст. науч. сотр., г. Челябинск, Россия.
E-mail: oliva77@yandex.ru

Кочеров Андрей Валерьевич,

Челябинский государственный университет, начальник научно-исследовательского сектора, г. Челябинск, Россия.
E-mail: kocherov.andrey@gmail.com

Аннотация

Рассматриваются вопросы социально-экономического развития региона в условиях высокой изменчивости внешней среды. На основе ретроспективного анализа динамики социально-экономических показателей проводится оценка темпов их роста и сбалансированности, а также выявляются точки перегиба трендов. Это позволяет оценить возможность появления диспропорций и потери устойчивости в развитии региона, обосновать необходимость и сформировать требования к мероприятиям по коррекции программ развития.

Ключевые понятия:

регион, социально-экономическое развитие, программа, исполнение, анализ, показатели, тренд, темпы роста, разбалансированность, устойчивость, прогнозирование, валовой региональный продукт, инвестиции, финансовый результат, заработная плата, коррекция программ развития.

Поиск управленческих решений по развитию региона осуществляется в пространстве показателей, отражающих множество социально-экономических процессов, протекающих в данное время на его территории. Именно по этим показателям проводятся ретроспективные исследования, выявляются причинно-следственные связи и взаимодействие внутренних и внешних факторов, осуществляется прогноз будущего состояния внешней среды и условия, обеспечивающие жизнеспособность и возможность развития региона. На основе этих показателей определяются целевые ориентиры принимаемых стратегий, программ и конкретных проектов развития региона. В принципе, такого рода технология управления развитием региона достаточно хорошо отработана и часто используется в условиях малой изменчивости внешней среды.

Однако в последние десятилетия в мировой и российской экономике наблюдается существенный рост изменчивости внешней среды, а кризисы становятся постоянным спутником экономики. Причиной этому служат самые различные факторы, причем не только экономические, но также геополитические и социальные, развитие которых сопровождается серьезными экономическими последствиями. Начавшийся в 2008 году «глобальный экономический кризис до сих пор определяет развитие ведущих стран мира» [1], он стал системным, и на длительный период будет определять турбулентный характер экономики.

Рост изменчивости внешней среды порождает весьма не простую проблему актуализации ранее принятых программ и проектов развития социума как на национальном, так и на региональном уровне. Появляется необходимость систематической коррекции всех или части целевых ориентиров и показателей ранее принятых долгосрочных стратегий развития государства или отдельного региона.

Поиск эффективных решений по коррекции программ регионального развития становится в первую очередь с проблемами нелинейности во времени трендов отдельных показателей или всей их совокупности, а также появлением контрапунктных точек существенного изменения трендов, точек перегиба. В условиях растущей нестабильности к проблемам нелинейности и появлению точек перегиба трендов добавляются вопросы устойчивости траекторий развития рассматриваемого региона в будущих периодах. Часто неустойчивость развития региона является следствием высокого уровня разбалансированности параметров экономического и

социального развития в предшествующем периоде, что говорит об отсутствии своевременных и адекватных управленческих решений региональных властей. Разбалансированность параметров экономического и социального развития, в конечном счете, продвигает появление в региональной экономике долговременных факторов, тормозящих ее развитие, причем зачастую даже при относительно высоких темпах роста.

Осуществляя поиск оптимальных решений, необходимо иметь в виду, что кризисы, относящиеся к категории системных, часто генерируют принципиально новые сложные социально-экономические ситуации, усиливающие эффект нелинейности и порождающие новые точки перегиба, в т.ч. имеющие характер точек бифуркации, а сами изменения приобретают стохастический характер. Причиной этому служит целый ряд закономерностей [1], объединяющих кризисы новой волны в категорию системных. Они, как правило, одновременно являются структурными и циклическими, а их важнейшей составной частью и острой формой проявления становится финансовый кризис. Выход из кризисной ситуации требует формирования новой модели экономического роста, предполагающей тотальную структурную модернизацию как экономики, так и социальных отношений и механизмов их регулирования. При этом стратегическое преимущество в развитии получают страны и регионы, своевременно осуществившие смену ранее господствующей, но устаревшей экономической парадигмы.

В решении конкретных задач управления развитием региона определяющие его потенциал внешние и внутренние факторы могут быть представлены двумя группами, одна из которых характеризует текущее состояние объекта управления, а другая – перспективы его развития. Текущее состояние региональной экономики в обобщенном виде характеризуется величиной валового регионального продукта (ВРП), но конкретизируется такими ключевыми показателями, как, например, средняя заработная плата, сальдированный финансовый результат деятельности организаций. Что касается перспектив развития экономики, то они характеризуются уровнем и темпами изменений показателей инвестиционного процесса – это объем инвестиций в основной капитал, объем работ в строительстве, стоимость и состояние основных фондов.

С точки зрения управления развитием региона важной задачей является не только обеспечение роста или снижения основных экономических показателей развития, но и отслеживания факта превышения или

отставания по каким-либо показателям от среднероссийских темпов роста. Для проведения сравнительного анализа динамики региональной и среднероссийской системы показателей развития необходим специальный инструментарий. Многообразие особенностей развития регионов не всегда позволяет использовать апробированные и хорошо известные универсальные алгоритмы выполнения подобного анализа [2]. Специфика решаемой задачи, заключающаяся в необходимости учитывать нелинейный характер процессов и большую амплитуду происходящих изменений, предопределяет преимущественное использование «гибких» подходов, основанных на теории мягких систем [3], акцентирующих внимание на визуализации – графическом представлении информации и последующем анализе статистических данных. Графическая составляющая, обычно являющаяся вспомогательным инструментарием в математической статистике [4], становится основой эвристического подхода в постановке и решении конкретных задач [5].

Основными элементами предлагаемой схемы анализа данных и оценки рассматриваемой ситуации являются:

- исследование совокупности трендов основных показателей региональной социально-экономической динамики;
- оценка отклонений региональных трендов от общероссийских во времени (трендов всего периода, трендов текущей динамики);
- сравнительный анализ и поиск подобия динамики и сценариев развития рассматриваемого и других регионов;
- эвристическое прогнозирование характера, особенностей и появления точек перегиба трендов основных показателей развития региона.

Далее в статье представлены основные положения, материалы и результаты такого анализа для Челябинской области. Рассматривается отрезок времени с 2004 по 2013 год, который на начальном этапе анализа можно разделить на три характерных периода: первый – высокий рост до кризиса 2008 года, второй – собственно кризис 2008–2009 годов и третий – посткризисный период 2010–2013 годов.

Общая характеристика основных показателей региональной социально-экономической динамики может быть представлена некоторым интегральным вектором социально-экономического развития региона, отражающим пространство полной совокупности трендов рассматриваемых показателей. Этот интегральный вектор характеризует состоя-

ние и общую тенденцию развития региона, определяет диапазон возможной структурной разбалансировки, т. е. появления диспропорций показателей.

При этом мы исходим из того, что рост или снижение показателей характеризует результативность управления социально-экономическим развитием региона в рассматриваемый период. Пропорциональность (сбалансированность) трендов различных показателей в свою очередь может демонстрировать высокий уровень устойчивости развития региона и свидетельствовать о возможности появления межотраслевой синергии, что с точки зрения перспектив развития в будущих периодах является весьма важным и полезным. «Синергия призвана раскрыть конструктивные правила нелинейного, коэволюционного синтеза структур, принадлежащих различным темпам»

[6] и способствует «их собственным тенденциям развития», при этом «радикально меняет подход к ответственности субъектов управления и власти за разработку, проведение и последствия предпринимаемых преобразований». Сопоставление показателей отдельного региона и России в целом позволяет увидеть особенности развития этого региона, а также его проблемные зоны и зоны высоких достижений.

По данным Росстата [7] на рисунках 1 и 2 представлены совокупности трендов, отражающих изменение основных социально-экономических показателей России и Челябинской области. Как следует из рисунков, тренды большинства показателей Челябинской области сами по себе свидетельствуют о положительной динамике роста. Однако на фоне России позитивная динамика этих же показателей выглядит как постоянно от-

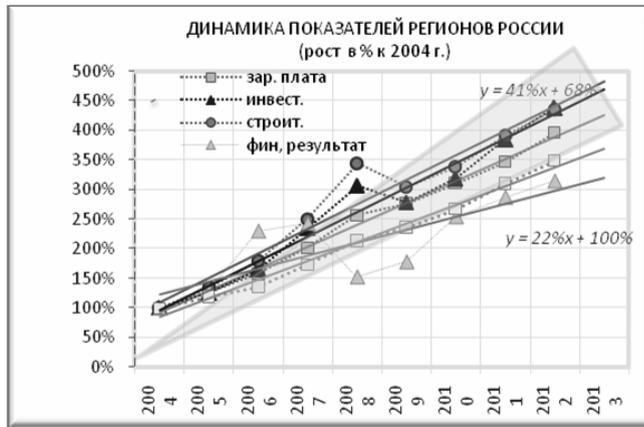

Рис. 1 Динамика показателей развития регионов России [7]

Рис. 2 Динамика показателей развития Челябинской области [7]

стающая. Различия в границах пространства среднероссийских трендов и трендов Челябинской области (рис. 1, 2) еще более очевидны. Это говорит о меньшей сбалансированности показателей Челябинской области и, как следствие, приводит к выводу о меньшей устойчивости траектории ее социально-экономического развития в перспективе. Более того, разнонаправленность части трендов Челябинской области свидетельствует о наличии латентных негативных процессов и проблем в управлении развитием региона, требующих оперативной коррекции.

Отклонение трендов основных показателей развития региона от общероссийских можно рассматривать в двух аспектах. Во-первых, для периода в целом с оценкой всех накопленных различий и, во-вторых, для отдельных интервалов, имеющих различный характер изменений показателей. На рис. 3 показана динамика трех основных показателей Челябинской области: отклонения региональных трендов от общероссийских по всему периоду – они отмечены пунктиром, а также их различия по интервалам (посткризисная динамика с 2010 года), которые отмечены сплошной линией.

Графики рисунка 3 четко показывают отставание основных показателей Челябинской области от средних значений по России. Наименьшее отставание наблюдается по зара-

нем составляет около 10 %. На наш взгляд, это весьма существенное отставание, обуславливающее в будущих периодах большую вероятность снижения темпов роста многих показателей, в первую очередь ВРП. Отставание в темпах развития инвестиционных процессов региона во многом объясняет крайне негативную динамику сальдированных финансовых результатов организаций, отражающих текущую эффективность бизнеса. Ежегодное отставание по этому показателю составляет около 25 %.

Общую картину изменения за последнее десятилетие основных социально-экономических показателей региона, в сравнении со среднероссийскими, можно охарактеризовать следующим образом. Во-первых, динамика развития Челябинской области по всем рассмотренным ключевым показателям в рассматриваемый период на фоне общероссийской выглядела более слабой, что говорит о наличии в регионе целого ряда внутренних противоречий в структуре экономики, а также об иных скрытых проблемах управления развитием региона. Во-вторых, отдельные «всплески» значений ряда показателей не меняют общего вывода: имея в целом положительную динамику развития региона по многим социально-экономическим индикаторам, в рассматриваемый период Челябинская область существенно отстает от

Рис. 3 Отклонение темпов роста Челябинской области от средних темпов по регионам России [7]

ботной плате – в среднем за период, начиная с 2004 года, оно составляет около 2 %.

Для показателей, характеризующих инвестиционную составляющую развития, картина изменений выглядит также неудовлетворительно – ежегодное отставание в сред-

темпов общероссийского развития, причем это отставание постоянно увеличивается.

Важными прикладными результатами анализа следует считать также выявление точек перегиба трендов, которые в ряде случаев, но далеко не всегда, могут быть

точками бифуркации. Наличие подобных точек говорит о существенных изменениях, произошедших в социально-экономическом развитии региона за последнее десятилетие, о возможном появлении диспропорций и снижении темпов роста показателей его развития. При этом необходимо иметь в виду, что смена характера социально-экономических процессов в регистрируемых статистикой ежегодных показателях отражается по-разному и может наблюдаться некоторая задержка, а также размытость результатов, как из-за временного лага, так и вследствие погрешностей статистических данных.

Основные тенденции, достижения и проблемы экономического и социального развития региона хорошо просматриваются при сопоставлении динамики показателей рассматриваемого и других регионов. Сравним динамику развития Челябинской и Свердловской областей, как соседних регионов, схожих по структуре экономики, а также г. Москвы, как основного инвестиционного и финансового центра страны, и некоторого по статистическим показателям усредненного региона России. В качестве показателей предлагаем рассматривать объем инвестиций в основной капитал, объем работ в строительстве, а также сальдированный финансовый результат организаций (рис. 4–6). Опережающий рост отдельных макроэкономических показателей является характерным признаком предстоящих структурных перемен в экономике регионов лидеров. Лучшая динамика ряда показателей в сравнении со среднероссийской указывает на появление особых, более благоприятных, экономических условий и новых перспектив развития. Однако и здесь у регионов-лидеров возможны определенные проблемы, связанные с

появлением рисков несбалансированности и неустойчивости развития.

В период с 2004 по 2013 год Челябинская область, как и Свердловская, демонстрирует в целом положительную, но неравномерную динамику роста. Это обстоятельство не позволяет считать имевшийся экономический рост всех четырех взятых для анализа регионов устойчивым процессом. Вероятно, будущий экономический рост этих регионов, как и России в целом, в краткосрочной перспективе будет зависеть не столько от их внутренних, потенциальных возможностей, сколько от внешних макроэкономических обстоятельств, связанных с рыночной конъюнктурой, а также с воздействием геополитических факторов на экономические межрегиональные и межгосударственные отношения.

Показатель объема работ в строительстве в меньшей мере зависит от изменений финансовых рынков и характеризует объем реально выполненных работ. Как видно из графиков, представленных на рисунках 4, 5 и 6, Челябинская и Свердловская области демонстрируют хорошую, но неравномерную динамику. Общая картина по объемам работ в строительстве во многом совпадает с картиной по показателю инвестиций в основной капитал и также не может быть охарактеризована как устойчивая.

Что касается показателя сальдированного финансового результата деятельности организаций, то для всех рассматриваемых регионов ситуация выглядит намного хуже, особенно для Челябинской области. Неустойчивость и нарастающий размах изменений сопровождается снижением значений этого важнейшего показателя функционирования региональной экономики, а после 2009 года

Рис. 4 Динамика инвестиций в основной капитал [7]

Рис. 5 Объем работ в строительстве [7]

Рис. 6 Динамика сальдированного финансового результата [7]

Рис. 7 Объем работ в строительстве [7]

наблюдается устойчивая тенденция его ухода в зону отрицательных значений. Отрицательная корреляция между показателями роста объема инвестиций и сальдированного финансового результата организаций ставит вопрос о необходимости оценки качества инвестиций в Челябинской области и поиска причин их малой эффективности, о возможно низком качестве управления инвестиционными процессами в регионе. Полагаем, что углубленный анализ позволит выявить конкретные причины негативных процессов в инвестиционной сфере и подготовить мероприятия по их устранению.

Визуальная картина изменения показателей, представленная на рисунках 4–6, позволяет в каждом рассматриваемом тренде увидеть отмеченные стрелками точки перегиба.

В период с 2004 по 2013 г. можно наблюдать пять разделенных точками перегиба характерных этапов развития региональной динамики: 2004–2006 гг. – медленный рост, 2006 – 2008 гг. ускоренный рост, 2008–2009 гг. – быстрый спад, 2009 – 2012 гг. и далее – медленный рост. Факты появления точек перегиба требуют выявления причинно-следственных связей между произошедшими в регионе или за его пределами событиями и их отражением в изменении трендов показателей, влекущих за собой определенные социально-экономические последствия. Поиску адекватных управленческих решений по выходу региона на траекторию устойчивого развития и минимизации негативного воздействия внешней среды посвящены многочисленные исследования ученых - экономистов [1, 8, 9, 10].

Многолетнее торможение роста сальдированного финансового результата организаций Челябинской области (рис. 6), имеющей в целом высокий социально-экономический потенциал, нельзя объяснить только негативным влиянием глобальных макроэкономических тенденций. Такие результаты развития экономики области говорят и о возможной многолетней неэффективности региональной экономической политики, возможно низком качестве проработки и принятия управленческих решений как на уровне макроэкономики, так и на уровне экономики отдельных предприятий. Можно говорить и о наличии в регионе серьезных системных, структурных и институциональных внутренних проблем, которые, судя по отмеченной отрицательной динамике, пока имеют тенденцию к расширению и росту.

Так, например, для двух соседних регионов – Челябинской и Свердловской областей прошедшее десятилетие развития и межре-

гиональной конкуренции в инвестиционной сфере завершилось с очевидным преимуществом Свердловской области, более того, динамика инвестиций, определяющая перспективы развития Челябинской области, по темпам роста отстает даже от среднероссийской (рис. 4).

Последствия накопленного отставания для Челябинской области при сохранении направленности и темпов существующих трендов в перспективе создают еще более серьезные дополнительные риски. В этой ситуации реальная перспектива превращения Челябинской области в донора ресурсов развития, поток которых естественным образом будет переориентирован на соседний регион, создавший лучшие условия для эффективного их использования. Растущее различие в масштабах и темпах развития региональных экономик Свердловской и Челябинской областей обеспечивает первой дополнительные существенные преимущества в привлечении на свою территорию больших, в том числе федеральных проектов.

Все изложенное выше резюмируют следующие выводы. Во-первых, динамика показателей экономического развития Челябинской области в целом отличается от динамики развития регионов-лидеров более низкими темпами роста большинства из них и отсутствием явных признаков прорыва по отдельным экономическим и социальным значимым направлениям развития. Во-вторых, отдельные «всплески» роста (например, в объемах строительства), положительно характеризуют существующий потенциал региона, а также результаты работы в предшествующие периоды, но, как правило, эти успехи не имеют продолжения и не обеспечивают дальнейшего устойчивого развития. В-третьих, при отсутствии в настоящее время каких-либо очевидных признаков появления высокого роста даже отдельных экономических показателей Челябинской области обеспечение дальнейшего ее развития требует дополнительных системных и масштабных усилий. Важными условиями для этого являются повышение качества экономической политики, изменение подхода к определению целей и самой процедуры региональной стратегического планирования, в т. ч. формирования новых приоритетов развития и создания благоприятных условий для развития потенциально имеющихся точек роста. Выход Челябинской области на траекторию устойчивого социально-экономического развития с более высокими темпами роста требует, прежде всего, развития и использования на практике важнейшего в современной экономике ресурса – качества управления.

1. Мау В.А., Улюкаев А.В. Глобальные системные кризисы: уроки истории [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/01/19/sistemnye-krizisy> (дата обращения: 16.03.2015).
2. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М.: ГУВШЭ, 2003. 495 с.
3. Checkland P., Scholes J. Soft systems methodology in action, John Wileys Sons Inc., NY, USA, 1990, 329 p.
4. Афанасьев В.Н., Юзбашев М. М. Анализ временных рядов и прогнозирование. М.: Финансы и статистика, 2001. 228 с.
5. Гордеев С.С. Поиск социоэкологоэкономических решений в информационной среде // Вестник Челябинского государственного университета. Экономика. Вып. 40. N8(299), 2013. С. 47–52.
6. Ершов Ю.Г. Синергетика как научная картина мира // Социум и власть. 2015. N1(51). С. 127–135.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели, 2014: P32 Стат. сб. / Росстат. М., 2014. 900 с.
8. Морозов В.В. Стратегические основы совершенствования управления инвестиционной деятельностью в регионе. Екатеринбург: Институт экономики УрОРАН, 2010. 363 с.
9. Татаркин А.И. Дialeктика государственного и рыночного регулирования социально-экономического развития регионов и муниципалитетов // Экономика региона. 2014. N 1. С. 9–33.
10. Бочко В.С. Перспективы развития Среднего Урала в условиях растущих экономических угроз // Экономика региона, 2014. N 2. С. 43–53.

References

1. Mau V.A., Ulyukayev A.V. Global'nyye sistemnyye krizisy: uroki istorii [Global systematic crises: lessons of history]. Available at: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/01/19/sistemnye-krizisy> (accessed: 16.03.2015).
2. Granberg A.G. (2003) Osnovy regional'noy ekonomiki [Bases of regional economics]. M.: GUVSHE, 495.
3. Checkland P., Scholes J. (1990) Soft systems methodology in action, John Wileys Sons Inc., NY, USA, 329.
4. Afanas'yev V.N., Yuzbashev M.M. (2001) Analiz vremennykh ryadov i prognozirovaniye [Analysis of Time Rows and Prognosis]. M.: Finansy i statistika, 228.
5. Gordeyev S.S. (2013) Poisk sotsio-ekologo ekonomicheskikh resheniy v informatsionnoy srede [Search for socio-ecologic and economical solutions in informational environment] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. Vyp. 40. N8(299), 47–52.
6. Yerшов Y.G. (2015) Sinergetika kak nauchnaya kartina mira [Synergetic as the scientific worldview] // Sotsium i vlast', N1(51), 127–135.
7. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskiye pokazateli, 2014: R32 Stat. sb. [Russian regions. Social and economical indicators, 2014: R32] / Rosstat. M., 2014. 900 s.
8. Morozov V.V. (2010) Strategicheskiye osnovy sovershenstvovaniya upravleniya investitsionnoy deyatelnost'yu v regione [Strategic bases of development of invest activities management in a region]. Yekaterinburg: Institut ekonomiki UrORAN, 363.
9. Tatarkin A.I. (2014) Dialektika gosudarstvennogo i rynochnogo regulirovaniya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov i munitsipalitetov [Dialectic of state and market regulation of social and economical development of regions and municipalities] // Ekonomika regiona. N 1, 9–33.
10. Bochko V.S. (2014) Perspektivy razvitiya Srednego Urala v usloviyakh rastushchikh ekonomicheskikh ugroz [Prospective of Middle Urals development in conditions of growing economical threats] // Ekonomika regiona, N 2, 43–53.

UDK 332.1

STABLE REGIONAL DEVELOPMENT IN CHANGING ENVIRONMENT

Gordeyev Sergey Sergeevich,

Chelyabinsk State University,
Leading Researcher,
Head of Research and Education Center
of the Institute of Economics
of Ural Branch of the Russian Academy of
Sciences and CSU,
Cand. Sciences (Economics),
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: sgordeev222@mail.ru

Zyryanov Sergey Grigoryevich,

Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Chelyabinsk Branch,
Director,
Doctor of Political Science, Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: director@chel.ranepa.ru

Ivanov Oleg Petrovich,

Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Chelyabinsk Branch,
Candidate of Technical Sciences,
Leading Researcher,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: oliva77@yandex.ru

Kocherov Andrey Valeryevich,

Chelyabinsk State University,
Head of Scientific and Research Sector,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: kocherov.andrey@gmail.com

Annotation

The article deals with the issues of social and economic development of a region in changing environmental conditions. On the basis of retrospective analysis of dynamic of social and economic indicators the assessment of their growth rate and balance, and points of trends deformations are allocated. It lets the authors assess possibility of disproportions appearance and lose of stability in regional development, justify the necessity of form the requirements to actions for correction development programs.

Key concepts:

region,
socio-economic development,
program design, analysis, indicators,
trend growth rates imbalances, sustainability,
forecasting, gross regional product,
investment, financial result, wages,
the correction of development programs.

УДК 32.001

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Салимов Парваз Вахтангович,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте
Российской Федерации,
преподаватель кафедры
«Международное сотрудничество»,
Москва, Россия.
E-mail: parvaz@mail.ru.

Аннотация

В предлагаемой работе сопоставляются и анализируются эти подходы к осмыслению феномена постсоветского пространства, а также рассматриваются геополитические и исторические особенности постсоветского пространства. При этом особое место уделено сопоставлению двух ключевых геополитических теорий: атлантизма и евразийства.

Ключевые понятия:
постсоветское пространство,
геополитика,
империя,
устрашение.

Распад СССР в конце 1991 привел к появлению на его месте новых независимых государств: Армении, Азербайджана, Беларуси, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Украины. Страны Балтии – Латвия, Литва и Эстония – вышли из состава СССР чуть раньше: их независимость была окончательно признана в начале сентября 1991 года. По мнению большинства российских исследователей, страны Балтии избрали путь восстановления прежней государственности и поэтому не являются «новыми независимыми государствами» с юридической точки зрения [4; 12]. В рамках такой логики страны Балтии, как правило, несправедливо выпадают из контекста анализа постсоветского пространства.

В официальной современной трактовке отношения со странами постсоветского пространства, иначе говоря, странами СНГ, пользуются преимущественным приоритетом. Так, В.Путин в своем телеинтервью в октябре 2006 года, отвечая на вопросы граждан, назвал «сотрудничество со странами СНГ абсолютным приоритетом внешней политики Российской Федерации» [13]. И это закономерно с точки зрения политических, экономических и гуманитарных интересов России. Действительно, непосредственная общность границ, многовековые узы, единая система экономических, политических и культурных ценностей, общность интересов безопасности определяют для России значение постсоветского пространства. При этом в политологическом осмыслении взаимоотношений России с новыми независимыми государствами преобладает определенная двойственность: с одной стороны, признаются особая роль и место России на постсоветском пространстве, с другой стороны – постоянно делается акцент на отсутствии у России «особых прав» в отношениях с государствами постсоветского пространства. Известный российский исследователь К.Брутенц по этому поводу пишет следующее: «Общие угрозы, намного превосходящая мощь России и ее моральная ответственность за независимость и судьбу молодых государств, вылупившихся из общего исторического кокона, следы пребывания в одном государстве и едином хозяйственном организме обуславливают особое положение Москвы, так сказать в кругу бывших советских «родственников». Все это не дает ей никаких особых прав, но лишь обеспечивает определенные преимущества...» [3, с. 463].

На наш взгляд, необходимо снять подобную двойственность подходов и четко ответить на вопрос о месте и роли России на постсоветском пространстве. Следовательно, необходимо выявить ключевые особенности постсоветского пространства, позволяющие классифицировать его как отдельный геополитический регион.

Территория России как важнейший элемент ее геополитического пространства складывалась на протяжении многих веков. Какими путями и в каких формах это происходило? Казалось бы, убедительные ответы на этот вопрос давались неоднократно. Тем не менее, он вновь и вновь поднимается в зарубежных и отечественных научных и политических кругах.

Нельзя изучать политику государства без соотношения ее с историей. В этой связи представляется целесообразным коротко остановиться на некоторых моментах, связанных с территориальным пространством России. Складывание российской территории вокруг ставшего к XV веку центром Руси Московского княжества происходило, в основном, четырьмя способами. Это добровольное вхождение народов в состав России; «ползучая аннексия» новых территорий как следствие войн с третьими странами; как результат завоевательных походов.

На Западе осознание превращения Руси в Российскую империю как великую континентальную державу с иной, отличной от либеральной западной, системой ценностей и государственности своеобразно проявилось в классической геополитике, которая и по сей день, по сути, сфокусирована на закономерности взаимного сдерживания и соперничества «больших пространств», в частности, дихтомии «суши» (континентальные державы) и «моря» (морские державы). Собственно термин «геополитика» был введен шведом Р. Челленом. Классические разработки принадлежат К. Риттеру, Ф.Ратцелю, К.Хаусхоферу [27; 29]. Именно атропогеографические и политико-географические воззрения Ф.Ратцеля стали тем фундаментом, на котором было выстроено все здание геополитики XX века. Все эти ученые были пангерманистами и идеологами расширения немецкого *Großraum* на Восток. Именно этим объясняется использование подобных доктрин в германской экспансии на Восток в двух мировых войнах.

В терминологии британской классической геополитики Х. Маккиндера [28], на основании которой во многом и по сей день осуществляется политика сдержива-

ния России со стороны совокупного Запада под эгидой англосаксонских интересов, Евразия названа Мировым островом, контроль над которым обеспечивает господство над миром. Территория к востоку и западу от Урала, особенно ее южная часть с центром почти в Крыму, определена как Сердцевина Земли – Хартленд. Задача англосаксонской геостратегии отныне – контроль над Хартлендом (Сердцевиной), что обеспечивает управление над Мировым островом и как следствие над всем миром. Но Сердцевина, организатором которой могут быть на континенте либо русские, либо немцы, обретает глобальную роль только при вхождении в нее Восточной Европы от Балтии до Черного и Средиземного морей. Эта отвлеченная абстракция лежит в основе извечной, прагматической и рациональной англосаксонской политики: предупредить усиление любой континентальной державы и не допустить гипотетической русско-германской *entente*, которая не оставляет места для какой – либо руководящей роли англосаксонских интересов. Еще в 1919 году Х. Маккиндер писал, что Россия уже к началу века уступила Германии роль системообразующего центра в Восточной Европе, но примечательно, что Россию он отождествляет с Евразией [28, p. 186].

В современной российской политологической науке ряд авторов трактуют геополитику пройденным и умоглядным этапом на пути к глобализации, реализуемой на идеологических постулатах и экономических реалиях – «нового мирового порядка», «конца биполярного мира», «транснационального мира или суверенитета», «американской идее», «европейской и азиатской модели», наконец, либерализма и демократии [5]. В этой связи можно согласиться с точной характеристикой В. Максимиенко: «Предложения «интерпретировать префикс «гео» в термине «геополитика» не как картографическое измерение международно-политической реальности, а как восприятие мирового сообщества в качестве единой и «завершенной» системы в масштабах всей планеты» имеют отношение к господствующим идеологическим представлениям о «глобализации», но никак не к практической геополитике» [16, с. 49]. Отрадно отметить, что кроме интерпретации геополитики как общепланетарной идеи, в постсоветской России вышел ряд непредвзятых научных работ по осмыслению геополитики в современном мире как продолжению классической *Realpolitik* [6; 15; 19; 20; 23].

Сегодня политологи вновь видят на карте не гармонию между государствами, а возникшие несовершенства: исторически преемственные рубежи России оказались под серьезным внешним давлением, целые регионы по периметру исторических сухопутных и морских границ России открыто объявлены зоной стратегических интересов США, в Черноморско-Каспийском стратегическом районе все более активно проявляет себя Турция, Украина оказалась под мощным давлением Галиции, государства Прибалтики осуществили свое «возвращение в Европу», а православная Грузия осуществляет свой дрейф в рамках «атлантической» стратегии. Анализ закономерности возникновения и сущности начавшегося в 1990 годы и продолжающегося и в XXI веке процесса передела Евразии все чаще отсылает исследователей к классическим геополитическим константам. Символом этого явления могут служить две примечательные работы, которые вышли в свет почти одновременно. Первой является популярная и часто цитируемая в России книга американского политолога Збигнева Бжезинского «Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы» [2]. Второй является работа русского политолога Александра Дугина «Основы геополитики. Геополитическое будущее России» [8]. Примечательно, что в обеих книгах на основе одной и той же теоретико-методологической базы сформулированы противоположные политические цели и сопутствующая им стратегии. Работа Зб. Бжезинского – это квинтэссенция идей атлантизма, тогда как работа А. Дугина постулирует основные идеи евразийства в их геополитической логике.

Будучи ярким поборником идей атлантизма, Збигнев Бжезинский основывается как на своих предыдущих работах, так и на работах своих идеологических соратников в США и, следовательно, не нуждается в обширных исторических экскурсах по теме и разъяснении методологических принципов. Сфокусировав свой взгляд на идущем еще со времен «холодной войны» конфликте США и СССР, он рассматривает его как «классический исторический конфликт двух крупных держав. Но это больше, чем национальный конфликт. Это борьба двух имперских систем». Отсюда всегда следовало и следует «старое, почти традиционное геополитическое столкновение крупной морской державы и доминирующей континентальной державы» [26]. Понимание Бжезинским геополитической логики

в книге «Великая шахматная доска» доказывает преемственность и верность идеи конфликтов больших государств. Именно на этой первооснове автор ищет концептуальную раму для обеспечения национальных интересов США.

Управлять нынешним миром – значит формировать стратегию в своих интересах. Это в подаче Бжезинского означает достичь того, чтобы центральная часть Евразии была втянута в орбиту Запада; чтобы южный евразийский регион не был под контролем одного континентального игрока; а восток Евразии не был объединен таким образом, что США были вытеснены с американских баз. Только при таком геополитическом раскладе США смогут получить Евразию как «Главный геополитический приз».

Россию он классифицирует как «евразийскую империю» [26, с. 43–64, 108].

Анализируя ситуацию, связанную с развалом СССР, Бжезинский пишет о том, что это «серьезный вызов» для Америки. При этом в качестве долгосрочной американской задачи он ставит недопущение «возрождения вновь евразийской империи» [26, с.108]. Распад Советского Союза в конце 1991 году в геополитическом плане З. Бжезинский оценивает как «развал многовековой, с центром правления в Москве, великой Российской державы» [26, с.109]. В его интерпретации постсоветское пространство – это «пространство, веками принадлежавшее царской империи и в течение трех четвертей века Советскому Союзу под главенством русских. Теперь оно заполнено дюжиной государств, большинство из которых (кроме России) едва ли готовы к обретению подлинного суверенитета... Их жизнеспособность представляется сомнительной» [26, с. 110].

Работа А. Дугина «Основы геополитики» существенно выделяется в большом количестве книг и статей о геополитике, которыми полна современная российская политология [21, с. 225–287].

В противоположность З. Бжезинскому, который при анализе и прогнозах исходит из устройства мира после «холодной войны» как мира при неоспоримой и явной гегемонии США, А. Дугин, наоборот, опирается преимущественно на статичную логику евразийской геополитики, его видение будущего полно рассуждений о вероятных возможностях и условиях. При этом оба автора рисуют совершенно противоположные картины национальных интересов и стратегий США и России. Объединяет лишь их

одно: оба осмысливают Россию как империю. Но если имперская сущность России, признаваемая З. Бжезинским, по вполне понятным причинам ему не нравится, но, будучи добросовестным исследователем и высококлассным аналитиком, он не может не принимать ее во внимание, А. Дугин «имперскость» России считает базовым условием ее существования: Россия может существовать только как континентальная империя, т.е. государственное образование, объединяющее различные национальности, а, возможно, и государства.

В представлении Дугина объединение Евразии может произойти только вокруг новой Российской империи. В соответствии с его концепцией русская империя должна «учитывать локальные, этнические, религиозные, культурные, этические и т.д. особенности регионов, придав этим элементам юридический статус». А. Дугин утверждает, что Российская Федерация – это, скорее, «территориальный процесс», чем стабильная геополитическая единица. Происходит «собрание империи», которое является необходимым условием существования России в качестве независимого государства. Для Дугина основной задачей в противостоянии с атлантической цивилизацией (Запад и США) является превращение «береговых линий» Евразии в союзников России, стратегическое проникновение в «прибрежные зоны» или по крайней мере «обеспечение полного и строгого нейтралитета как можно большей части Римленда» (понятие, введенное американским геополитиком Н. Спайкменом для обозначения береговой зоны Евразии). При этом в понимании А. Дугина такая стратегия не должна осуществляться путем военизированной экспансии, аннексии: речь идет о создании дружественного союзничества Хартленда и Римленда. Заполучить Римленд на свою сторону является для России предпосылкой того, чтобы стать «континентальной геополитической силой». Долговременная цель заключается в создании Евразийской империи, супергосударства. Новая империя должна быть «евразийской, великоконтинентальной, а в перспективе – Мировой». Геополитически сформированной Россия станет только тогда, когда выход к холодным морям севера и востока дополнится выходом к южным и западным морям [8, с. 212–213, 184, 172, 168, 212, 213].

Взгляд А. Дугина на Евразию является взглядом «изнутри» континента, из государства, которое З.Бжезинский описыва-

ет в главе «Черная дыра» [2, с. 108–148]. А. Дугин основывается на евразийстве П.Н. Савицкого и Н.С. Трубецкого [10; 11; 22; 24].

Известные современные исследователи евразийской концепции С.П.Глинкина и И.И.Орлик подчеркивают, что евразийство сложно по своему содержанию, представляя систему, сформированную на основе комплексного подхода, но несомненной заслугой евразийцев считается то, что «они создали концепцию исторического, геополитического, культурного, этнографического единства России – Евразии, которая, по сути, является особым геоприродным, историческим и социокультурным миром» [7, с. 215].

Исходя из фундаментального тезиса о необходимости сохранения «евразийского пространства», «евразийской общности», евразийцы считали исторически и природно-географически обоснованными империю Чингисхана, Московское государство, Российскую империю, СССР как преемственные формы евразийского объединения [24, с. 285]. Следуя логике евразийцев, распад СССР, произошедший в начале 1990-х годов, можно рассматривать как процесс смены исторического ритма евразийского пространства, просуществовавшего почти пятьсот лет и разрушенного за считанные годы [10].

Таким образом, подводя итог, необходимо сделать следующие выводы:

1. Самая базовая, самая фундаментальная характеристика постсоветского пространства как геополитического феномена заключается в том, что это пространство бывшего СССР, но сам СССР возник на территории бывшей Российской империи, русского государства, постепенно расширявшегося по своему периметру за счет своих слабых соседей. Как отмечал известный российский исследователь Д.Е. Фурман, «постсоветское пространство» – это бывшее «советское пространство», а оно, в свою очередь, – бывшее «имперское пространство». И это единственный объективный признак, позволяющий такое пространство очертить» [25, с. 7].

2. Пребывание «постсоветского пространства» в Российской империи и в СССР создало это пространство и определило его базовые характеристики. Каждая империя уникальна, да и сам термин «империя» определяет очень разные государства (Британская империя, Оттоманская империя, равно как и империи древности, очень разные по сути). Базовой характеристикой

Российской империи является ее «компактный» характер: присоединенные территории никогда не являлись «заморскими владениями», а непосредственно примыкали к континентальному «ядру», коим, по сути, было государство Российское, и образовывали ее «окраины». При этом «системообразующее ядро» – Россия – было достаточно монолитным: русские составляли около половины населения, и русские земли занимали более половины территории, «окраины» же – «пестрыми», заселенными множеством небольших и очень разных народов. Эту же организацию – тяжелое русское «ядро» и пеструю периферию – унаследовал от Российской империи и СССР. Подобная ситуация, несмотря на националистическую политику отдельных новых «постсоветских» государств, сохраняется и сейчас, поскольку большинство исследователей и политиков разной идеологической направленности продолжают рассматривать «постсоветское пространство» как единое целое. Таким геополитическим целым оно и является по сути.

3. В условиях любого оформления в юридическом формате (империя, СССР, СНГ и т.п.) «постсоветское пространство» – это пространство большой России как континентальной евразийской державы. При этом приверженцы как геополитической логики атлантизма, так и евразийской геополитики отождествляют Россию и Евразию. Россия – это «ядро», являющееся системообразующим элементом гетерогенных окраин, иначе говоря «Русского мира» [18].

эмигрантов. М., 1992.

12. Загорский А.В. Россия и СНГ // Внешняя политика Российской Федерации 1992–1999. Под ред. А.В. Торкунова. М., 2000.

13. Известия. 2006. 16 октября.

14. Ильин И.А. Наши задачи. М., 1992.

15. Киселев С.Н., Киселева Н.В. Размышления о Крыме и геополитике. Симферополь, 1994.

16. Максименко В.И. Россия и Азия, или Анти-Бжезинский. Восток, 2000, N 5, с. 49.

17. Мединский В. О русской угрозе и секретном плане Петра I. М.: Олма медиа групп, 2010.

18. Мухина Я.Б., Омарова З.М. Россия и «Русский мир»: контуры российской политики в отношении соотечественников на постсоветском пространстве. М., 2009.

19. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., 2005.

20. Переслегин С. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М., 2006.

21. Российская наука международных отношений: новые направления; под ред. А.П. Цыганкова. М., 2005.

22. Савицкий П.Н. Континент Евразия. Россия и Европа. Хрестоматия по русской геополитике. М., 2007.

23. Стариков Н. Геополитика. Как это делается. М., 2014.

24. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 1999.

25. Фурман Д.Е. О будущем «постсоветского пространства» // Внешняя политика и безопасность современной России 1991–2002 гг. В 4-х т. М., 2002. Т. 3.

26. Brzezinski Z. Game Plan. How to Conduct the U.S. Soviet Contest. New York: The Atlantic Monty Press, 1986.

27. Haushofer K. Grenzen in ihre geografischen und politischen Bedeutung. Hdlb., 1939.

28. Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Wash. D.C., 1996.

29. Ratzel F. Antropogeographie. Stuttgart, 1921.

References

1. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века. М., 1997.

2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1997.

3. Брутенц К. Закат американской гегемонии. М., 2009.

4. Внешняя политика и безопасность России 1991–2002. В 4-х т. Под ред. Т.А. Шаклеиной. Т. 2. М., 2002.

5. Гаджиев К.С. Геополитика. М., 1997.

6. Геополитика: теория и практика. Под ред. Э.А. Позднякова. М., 1993.

7. Глинкина С.П., Орлик И.И. Евразийская идея на постсоветском пространстве // Глобальная экономика и жизнеустройство на пороге новой эпохи. М., 2012.

8. Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997.

9. Евразийство. Теория и практика. М., 2001.

10. Евразия в поисках идентичности; под ред. С.П. Глинкиной, Л.С. Зевина. М., 2011.

11. Евразия. Исторические взгляды русских

1. Berdjaev N.A. (1997) Russkaja ideja. Osnovnyje problemy russkoj mysli XIX i nachala XX veka [Russian idea. Main problems of Russian philosophy of XIX and beginning of XX century], M. [in Rus].

2. Bzhezinskij Z. (1997) Velikaja shahmatnaja doska. Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy [Great checkmate desk. American domination and its geostrategic imperatives], M. [in Rus].

3. Brutenc K. (2009) Zakat amerikanskoj gegemonii [Sunset of American hegemony], M.

4. Vneshnjaja politika i bezopasnost' Rossii 1991–2002 [Foreign affairs and Russian security in 1991–2002]. V 4-h t. Pod red. T.A. Shakleinoj. T. 2, M., 2002 [in Rus].

5. Gadzhiev K.S. (1997) Geopolitika [Geopolitics], M.

6. Geopolitika: teorija i praktika [Geopolitics: theory and practice]. Pod red. Je.A. Pozdnjakova, M., 1993. [in Rus].

7. Glinkina S.P., Orlik I.I. (2012) Evrazijskaja ideja na postsovetskom prostranstve [Eurasian Idea in the Post-soviet Space] // Global'naja jekonomika i zhizneustrojstvo

na poroge novoj jepohi, M. [in Rus].

8. Dugin A. (1997) Osnovy geopolitiki. Geopoliticheskoe budushhee Rossii [Bases of Geopolitics. Geopolitical future of Russia], M. [in Rus].

9. Evrazijstvo. Teorija i praktika [Eurasianity. Theory and practice]. M., 2001 [in Rus].

10. Evrazija v poiskah identichnosti [Eurasia searches for identity]; pod red. S.P. Glinkinoj, L.S. Zevina, M., 2011 [in Rus].

11. Evrazija. Istoricheskie vzglyady russkih jemigrantov [Eurasia. Historical views of Russian emigrants]. M., 1992.

12. Zagorskij A.V. (2000) Rossija i SNG [Russia and Commonwealth of Independent States] // Vneshnjaja politika Rossijskoj Federacii 1992–1999. Pod red. A.V. Torkunova, M. [in Rus].

13. Izvestija. 2006. 16 oktjabrja [in Rus].

14. Il'in I.A. (1992) Nashi zadachi [Our goals], M. [in Rus].

15. Kiselev S.N., Kiseleva N.V. (1994) Razmyslenija o Kryme i geopolitike [Reflections about Crimea and Geopolitics], Simferopol' [in Rus].

16. Maksimenko V.I. (2000) Rossija i Azija, ili Anti-Bzhezinskij [Russia and Asia, or anti-Bzhezinskij]. Vostok, N 5, 49 [in Rus].

17. Medinskij V. (2010) O russkoj ugroze i sekretnom plane Petra I [About Russian threat at the secret plan of Peter Ist]. M.: Olma media grupp. [in Rus].

18. Muhina Ja.B., Omarova Z.M. (2009) Rossija i «Russkij mir»: kontury rossijskoj politiki v otnoshenii sootchestvennikov na postsovetском prostranstve [Russia and "Russian world": contours of Russian politics in relevance to compatriots in the post-soviet space]. M. [in Rus].

19. Narochnickaja N.A. (2005) Rossija i russkie v mirovoj istorii [Russia and Russians in world history]. M. [in Rus].

20. Pereslegin S. (2006) Samouchitel' igry na mirovoj shahmatnoj doske [Manual for playing on world checkmate desk], M. [in Rus].

21. Rossijskaja nauka mezhdunarodnyh otnoshenij: novye napravlenija; pod red. A.P. Cygankova [Russian international affairs science: new directions], M., 2005 [in Rus].

22. Savickij P.N. (2007) Kontinent Evrazija. Rossija i Evropa. Hrestomatija po russkoj geopolitike [Eurasian continent. Russia and Europe. Chrestomathy on Russian geopolitics], M. [in Rus].

23. Starikov N. (2014) Geopolitika. Kak jeto delaetsja [Geopolitics. How to do it]. M. [in Rus].

24. Trubeckoj N.S. (1999) Nasledie Chingishana [Chingiz-Khan's heritage], M. [in Rus].

25. Furman D.E. (2002) O budushhem «postsovetского prostranstva» [About post-soviet space future] // Vneshnjaja politika i bezopasnost' sovremennoj Rossii 1991-2002 gg. V 4-h t. M. T. 3 [in Rus].

26. Brzezinski Z. (1986) Game Plan. How to Conduct the U.S. Soviet Contest. New York: The Atlantic Monty Press [in Eng].

27. Haushofer K. (1932) Grenzen in ihre geografischen und politischen Bedeutung. Hdlb.

28. Mackinder H.J. (1996) Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Wash. D.C. [in Eng].

29. Ratzel F. (1921) Antropogeographie. Stuttgart [in Eng].

UDC 32.001

GEOPOLITICAL PHENOMENON OF THE POST-SOVIET SPACE

Salimov Parvaz Vahtangovich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Tutor of the Department Chair "International Cooperations", Moscow, Russia.
E-mail: parvaz@mail.ru

Annotation

The present paper compares and analyzes these approaches to understanding the phenomenon of the post-soviet space, and also examines the geopolitical and historical features of the post-soviet space. Particular attention is paid to the comparison of two key geopolitical theories: Atlanticism and Eurasianism.

Key concepts:

post-soviet space, geopolitical region, empire, deterrence.

УДК 342.25

РЕФОРМА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ДЕЙСТВИИ: ОТ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ К ИЗМЕНЕНИЮ ОРГАНИЗАЦИОННО- ПРАВОВЫХ ОСНОВ

Ильиних Алексей Валерьевич,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ,
Челябинский филиал,
декан факультета экономики и права,
кандидат юридических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: iav@chel.ranepa.ru.

Аннотация

Статья посвящена правовому анализу последних изменений организационных и территориальных основ местного самоуправления в Российской Федерации. Дана характеристика отдельным элементам правового статуса новых типов муниципальных образований – городскому округу с внутригородским делением и внутригородскому району. Рассмотрены положительные и отрицательные моменты введения нового способа порядка замещения поста главы муниципального образования.

Ключевые понятия:

территориальные основы местного самоуправления, организационные основы местного самоуправления, городской округ с внутригородским делением, внутригородской район, вопросы местного значения, сити-менеджер, глава муниципального образования.

В 2014 году в нашей стране был дан старт новому этапу уже «нескончаемой» реформе местного самоуправления. Изменения коснулись в первую очередь реформирования организации местного самоуправления в городских округах. Основной концептуальной идеей являлось закрепление возможности создания самостоятельных муниципальных образований на внутригородских территориях городских округов в случаях, установленных законами субъектов Российской Федерации.

В пояснительной записке к законопроекту указывалось, что в крупных городах осуществление местного самоуправления только на общегородском уровне привело во многих случаях к потере связи между населением и городской властью. В мегаполисах слабо контролируемая городской сообществом общегородская муниципальная власть, имеющая значительные материальные и финансовые ресурсы, отдалена от населения, поэтому нередко оказывалась малоэффективна для обеспечения жизнедеятельности населения, ее деятельность сопровождалась коррупционными скандалами, имели место случаи нецелевого использования бюджетных средств, сомнительной приватизации муниципального имущества и т. д.

В связи с этим статья 2 действующего Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»* была дополнена новыми определениями:

– внутригородской район – внутригородское муниципальное образование на части территории городского округа с внутригородским делением, в границах которой местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления. Критерии для деления городских округов с внутригородским делением на внутригородские районы устанавливаются законами субъекта Российской Федерации и уставом городского округа с внутригородским делением;

– городской округ с внутригородским делением – городской округ, в котором в соответствии с законом субъекта Российской Федерации образованы внутригородские районы как внутригородские муниципальные образования.

Иными словами в крупных городах с внутригородским районным делением была введена возможность создания двух-

*Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в ред. от 03.02.2015) / Собрание законодательства РФ. 06.10.2003. № 40. Ст. 3822.

уровневой системы местного самоуправления, которая предусматривает создание нового уровня местного самоуправления в городских районах, с избранием в них депутатов и главы района (из состава депутатского корпуса). После вступления закона в силу двухуровневая система могла появиться в городах не автоматически, а решение о ее введении принимают субъекты Российской Федерации в законодательной плоскости и с учетом мнения городских сообществ.

Такой подход не случаен: не везде целесообразно создавать районный уровень внутри крупных городов. Для того чтобы лучше понять, как реформа адаптируется на городской почве, было принято решение провести апробацию новой модели в одном из городов России. Экспериментальной площадкой стал Волгоград. Проект, оформленный как инициатива городского сообщества, прошел обсуждение в различных социальных слоях, был ими поддержан, после чего стартовал в городских районах. В них на собраниях жителей были избраны общественные районные думы, которые в свою очередь избрали общественную городскую думу Волгограда, делегировав в нее своих представителей*.

Общая позиция организаторов данного эксперимента после его завершения сводится к тому, что проект привел к изменению общественно-политических реалий города, создал в нем настоящее самоуправление горожан. Это показало принципиальную исполнимость задачи по юридическому обновлению территориальных и организационных основ местного самоуправления в крупных городах на основе двухуровневой модели и возможность превращения местных институтов самоуправления в площадки для реализации интересов всех социальных групп.

Учитывая вышеизложенный посыл, стараемся, более предметно в юридической плоскости, оценить данные нововведения и обратиться уже не только к экспериментальному, но и к реальному опыту апробации этого «новшества».

Из-за нежелания углубляться в проблему для большинства юристов и простых обывателей суть законопроекта ограничилась решением «отменить прямые выборы глав некоторых муниципальных образований – районов и городов, однако механизм, заложенный в законе, гораздо сложнее; он преследует от-

нюдь не только политические, но и правовые и экономические задачи. Авторы проекта закона считают необходимым максимально приблизить городскую и районную власть к избирателю и его запросам, а также дать регионам возможность эффективнее управлять развитием малых территорий.

Следовательно, новая повестка дня требует от органов местного самоуправления не только простого исполнения функций по обслуживанию населения, но и большей инициативы, направленной на развитие территорий. Это тот случай, когда глобальная цель – экономический рост страны и его правовое оснащение – начинается с инициатив на «земле». Под эти задачи эксперты-юристы и представители муниципалитетов ожидали и дальнейших шагов законодателей: бюджетной и налоговой реформ, чтобы наконец наполнить деньгами местные бюджеты; расширения вопросов местного значения под обновленную финансовую базу; создания стимулов для развития локальных территорий, межмуниципальных связей и выявления так называемых «точек роста».

Что же произошло на практике?

Первым городским округом, где была введена двухуровневая модель местного самоуправления, стал Челябинский городской округ. В Челябинской области по инициативе руководства региона была запущена программа по реформированию административного центра субъекта – Челябинска.

Все происходило очень оперативно: в мае 2014 года в Законодательное Собрание области внесен законопроект «О статусе Челябинского городского округа и статусе и границах внутригородских районов в составе Челябинского городского округа», 6 июня состоялись публичные слушания, 10 июня он был принят**, и в конце июня избирательные комиссии теперь уже внутригородских районов назначили выборы депутатов соответствующих районов на 14 сентября 2014 года.

Собственно 14 сентября состоялись выборы депутатов представительных органов внутригородских районов, на которых были избраны 170 депутатов в 7 внутригородских районах, далее от каждого района были делегированы по 7 депутатов представительных органов внутригородских районов в Челябинскую городскую думу (представительный орган городского округа с внутригородским делением).

*Более подробно о реализации данного проекта см.: Миронов Н. Демократия участия // Российская газета от 15.04.2014; Городецкая Н., Малых Я. Реформа МСУ пойдет через Волгоград // Коммерсант от 17.01.2014. С. 3.

**Закон Челябинской области от 10.06.2014 № 706-ЗО (ред. от 18.12.2014) «О статусе Челябинского городского округа и статусе и границах внутригородских районов в составе Челябинского городского округа»/Южноуральская панорама, № 87, 14.06.2014 (спецвыпуск № 24).

После этого уже шли организационно-правовые этапы, в октябре были избраны главы внутригородских районов, в ноябре состоялись публичные слушания по проектам Уставов районов, а в декабре были приняты и сами Уставы, примечательно, что практически все Уставы «новых» муниципальных образований были и структурно и содержательно очень похожи друг на друга, так как их «лекало» было предложено городом*.

Казалось бы, за вторую половину 2014 года удалось многое, однако если содержательно взглянуть на то, что получилось, то первое «позитивное» впечатление будет заметно омрачено. Речь идет о том – чем же могут заниматься внутригородские районы, прежде всего, об объеме их полномочий, а точнее о вопросах местного значения и их финансовом обеспечении.

Давайте обратимся к тексту 131-ФЗ и текстам Уставов внутригородских районов, в них закреплены следующие вопросы местного значения внутригородских районов:

- 1) формирование, утверждение, исполнение бюджета внутригородского района и контроль за исполнением данного бюджета;
- 2) установление, изменение и отмена местных налогов и сборов;
- 3) владение, пользование и распоряжение имуществом, находящимся в муниципальной собственности;
- 4) обеспечение первичных мер пожарной безопасности в границах внутригородского района;
- 5) создание условий для обеспечения жителей внутригородского района услугами связи, общественного питания, торговли и бытового обслуживания;
- 6) создание условий для организации досуга и обеспечения жителей внутригородского района услугами организаций культуры;
- 7) обеспечение условий для развития на территории внутригородского района физической культуры и массового спорта;
- 8) создание условий для массового отдыха жителей внутригородского района и организация обустройства мест массового отдыха населения;
- 9) формирование и содержание архива внутригородского района;
- 10) утверждение правил благоустройства территории внутригородского района, устанавливающих в том числе требования по содержанию зданий (включая жилые дома), сооружений и земельных участков, на которых они расположены, к внешнему

виду фасадов и ограждений соответствующих зданий и сооружений, перечень работ по благоустройству и периодичность их выполнения; установление порядка участия собственников зданий (помещений в них) и сооружений в благоустройстве прилегающих территорий; организация благоустройства территории внутригородского района;

11) создание условий для расширения рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, содействие развитию малого и среднего предпринимательства, благотворительной деятельности и добровольчества;

12) организация и осуществление мероприятий по работе с детьми и молодежью;

13) создание условий для деятельности добровольных формирований населения по охране общественного порядка.

Содержательный взгляд на этот перечень любого и обывателя, и юриста позволяет понять, что эти вопросы по отношению к вопросам местного значения городского округа носят характер обеспечительный и не подкреплены приличными финансовыми ресурсами, поэтому вопрос о состоятельности бюджетов внутригородских районов стал определяющим.

В целях реализации положений 131-ФЗ Министерством финансов России разработан проект Федерального закона «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации». Данным документом вводится понятие консолидированного бюджета городского округа с внутригородским делением как совокупности городского бюджета и бюджетов внутригородских районов и определяется перечень доходных источников: отдельно – для городского округа с внутригородским делением и отдельно – для внутригородских районов. [2]

В феврале 2015 года, исходя из закрепленного перечня вопросов местного значения, были утверждены бюджеты внутригородских районов, в цифровом эквиваленте они составили немногим более 40–50 миллионов рублей, при этом примерно $\frac{3}{4}$ бюджетов – это необходимые затраты на денежное содержание аппарата, налоговые, коммунальные и иные необходимые платежи. Фактически на реализацию непосредственно вопросов местного значения остались «копейки»**.

Необходимо также отметить, что наряду с закрепленным перечнем вопросов местного значения внутригородских районов, закона-

*Автором статьи были проведены правовые экспертизы проектов Уставов трех внутригородских районов, результаты которых обсуждались на публичных слушаниях.

**Автором статьи были подготовлены и обсуждены на публичных слушаниях экспертизы проектов бюджетов на 2015 и плановый период 2016–2017 годов двух внутригородских районов.

ми субъекта Российской Федерации и уставом городского округа с внутригородским делением и принятыми в соответствии с ними Уставом внутригородского района за внутригородскими районами могут закрепляться также иные вопросы из числа установленных в соответствии с Федеральным законом вопросов местного значения городских округов. Такое обсуждение сейчас активно ведется (речь идет про вопросы местного значения в сфере культуры, спорта и, возможно, дошкольного и школьного образования – хотя последнее вряд ли будет передано).

На этом можно было бы и закончить наш правовой анализ, но случилось еще одно знаковое событие – Федеральным законом от 03.02.2015 № 8-ФЗ* был внесен ряд изменений в ФЗ-131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в части уже не территориальных, а организационно-правовых основ местного самоуправления, которые, судя по всему, очень сильно ударили по первым. Эти изменения касаются непосредственно правового статуса главы муниципалитета, возможных моделей организации муниципальной власти, и они вступили в силу уже 07 марта 2015 года. Причем субъектам Федерации необходимо определиться с закреплением в своем региональном законодательстве избранной ими модели, и сделать это необходимо очень оперативно, так как в сентябре 2015 года должны состояться выборы многих глав муниципальных образований, которых, по мнению региональных законодателей, может уже нужно будет не выбирать, а «назначать».

Постараемся более детально раскрыть суть нововведений. В частности, поправки внесены в ст. 36. («Глава муниципального образования»), в которой, наряду с ранее установленными выборами населением или депутатами из своего состава предусмотрен еще один способ замещения поста главы муниципалитета. Это выборы главы представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, предложенных конкурсной комиссией. Состав комиссии на 50 % формируется из числа депутатов, а на 50 % – представителями губернатора. В случае использования такого способа замещения должности глава муниципального образования будет возглавлять и местную администрацию.

Иными словами перед регионами встал выбор: либо избирать глав населением, либо фактически назначать, заменив процедуру

выборов населением введением института выборщиков, хотя зарубежная практика отдельных государств в настоящее время может насчитывать до пяти уровней выборов, начиная от муниципальных образований (коммун и районов крупнейших городов: Парижа, Лиона, Марселя) до избрания представителей в Европейский парламент [1], и ничего зазорного в этом нет. В российской действительности вряд ли этот вопрос видится спорным. Даже простой обыватель с большой долей уверенности даст «правильный» ответ на него. Конечно же, региональная власть выберет вариант «назначения», что собственно и было уже предварительно озвучено губернатором Челябинской области, после изучения экспертных мнений. Причем речь идет о том, чтобы «назначать» через процедуру конкурса не только руководителей городских округов, где в прошлом году были введены институты сити-менеджеров, но и в муниципальных районах, а также в поселениях, отменив там прямые выборы глав населением.

Что нам дают эти изменения? Любое решение, изменяющее принцип функционирования сложной социальной системы, содержит как открывающиеся новые возможности для ее развития и управления этим процессом, так и очевидные сложности, которые надо знать и учитывать, а по возможности минимизировать их негативные последствия.

Рассмотрим ожидаемые плюсы и минусы решения о смене способа определения главы муниципалитета.

Начнем с «плюсов». Из обихода исчезнут такие словосочетания, как «сити-менеджер», «двуглавая власть». Несмотря на проводимые разъяснения в прессе у населения оставалось много вопросов, кто такой сити-менеджер, какие полномочия у главы администрации и главы муниципалитета и так далее. С введением нового механизма не будет путаницы в головах. Новая система подразумевает наличие двух ветвей власти – представительной в лице депутатов во главе со спикером (председатель Совета депутатов) и исполнительной (глава муниципалитета и его команда). При этом глав городов и районов будут выбирать комиссии, состоящие наполовину из районных или городских депутатов, а наполовину из представителей определяемых губернатором. При назначении глав поселений своих делегатов в конкурсную комиссию в помощь сельским депутатам будет отправлять глава

*Федеральный закон от 03.02.2015 № 8-ФЗ «О внесении изменений в статьи 32 и 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / Собрание законодательства РФ. 09.02.2015. № 6. Ст. 886.

муниципального района. Утверждать руководителя исполнительной власти в должности будут представительные органы соответствующего уровня.

В связи с этим необходимо отметить, что ранее глава муниципального образования избирался в ходе прямых выборов и нес ответственность перед избирателями и перед законом, но теперь он должен также отвечать перед губернатором, президентом, правительством, которые ставят задачи и должны обеспечивать их выполнение финансовыми ресурсами. При новой системе также заметно повышается значимость депутатского корпуса, который будет утверждать главу муниципального образования. Кроме того, подобные изменения делают ответственность губернатора перед жителями муниципалитета прямой, а не косвенной, ведь именно его представители будут предлагать депутатам для рассмотрения две кандидатуры.

Немаловажным фактором видится возможность проведения ротации среди управленцев – более опытных и успешных назначать в слабые территории, чтобы «вытягивать» их из сложной экономической ситуации. Кроме того, возможна экономия бюджетных средств за счет уменьшения количества выборов и возможности при такой системе всем депутатам и даже главам Советов (особенно в сельских и городских поселениях) работать на общественных началах.

На сегодня большинство муниципальных образований дотационные в той или иной степени (в основном на 60–80% местные бюджеты зависят от перечислений из бюджета субъекта Федерации), поэтому логичной видится идея усиления связи процесса формирования органов местного самоуправления (с участием губернатора) и реализацией полномочий, в том числе и государственных, которые переданы крупным муниципалитетам, за счет фактически областных средств.

Что касается «минусов». Налицо явный конфликт 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» с Конституцией России, а именно ее статьей 12, где сказано, что в Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление, которое самостоятельно в пределах своих полномочий, а органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Теперь получается, что региональная власть фактически будет формировать муниципальную власть (речь идет о праве губернатора формировать половину состава конкурсной комиссии при отборе претендентов). Это не вписывается в дух конституционной нормы, так как другая половина комиссии и сам представительный

орган вряд ли осмелятся высказать противоположную точку зрения, а тем более проголосовать против кандидатуры, рекомендованной командой губернатора.

Жители муниципалитетов и так предельно лояльны к любой действующей власти – исполнительной или представительной. Кого им рекомендуют, за того они часто едва ли не единогласно и голосуют. В муниципальных образованиях многих регионов нет базы для организованного социального, а тем более политического протеста: рассерженные горожане и прочие несогласные как массовое явление отсутствуют. Они, как и несистемные оппозиционеры, малочисленны и не являются сплоченной группой давления. Из опыта работы муниципалитетов видно, что население фактически не пользуется правом отзыва негодного им главы (трудно вспомнить хотя бы один пример отзыва плохо работающего главы населением в России). Зато теперь губернатор, как и избранный по его рекомендации глава муниципалитета, будет лично отвечать за все происходящее на каждой территории, в каждом муниципальном образовании, то есть за каждую текущую водопроводную трубу, прованную канализацию и т.п.

Однако во всей этой истории остается неясным вопрос, по какому пути пойдет пилотный проект реформы – Челябинск, где, как мы отмечали выше, недавно прошли выборы, определились глава города и внутригородских районов, а также уже назначены сити-менеджеры.

Судя по активно развивающимся изменениям в законодательстве и политической обстановке, в Челябинске также возможно изменение структуры организационно-территориальных основ. После вступления в силу соответствующего областного закона (март 2015 года) челябинским депутатам предстоит подготовить поправки в Устав города и Уставы внутригородских районов, обсудить их на публичных слушаниях, утвердить на своих заседаниях и в Министерстве юстиции РФ. Затем, если главы внутригородских районов и глава Челябинска добровольно сложат свои полномочия (полномочия глав, но при этом, оставаясь председателями представительных органов власти), тогда будут объявлены конкурсы. Ключевая с точки зрения права здесь фраза – добровольно, которая лишь обеспечивает истинную политическую волю.

На должность главы Челябинска кандидатуры будет предлагать губернатор, на должности глав районов – глава города. Новая структура власти в Челябинске может быть введена еще до сентября 2015 года (областному центру не обязательно дожидаться единого дня голосования, так как выборы депута-

тов внутригородских Советов прошли в городе в сентябре 2014 года. Их полномочия истекли лишь в 2019 году).

Получается, что в этой схеме отсутствует должность сити-менеджера (главы администрации), которая еще весной и летом прошлого года была ключевой и приоритетной в системе организационно-территориальных основ местного самоуправления.

Подводя итог нашему простому анализу изменений территориальных и организационно-правовых основ, можно отметить, что каждый сам для себя может оценить важность «плюсов» и «минусов» новшеств. При этом нельзя не учитывать, что в современных условиях переход правового регулирования к единоначалию и жесткой вертикали власти вполне объясним и, вероятно, на какое-то время необходим. Однако уже произошедшие только за последний год изменения, касающиеся организационных основ местного самоуправления, выявляют чрезмерно изменчивую позицию федерального и регионального законодателя, которые на коротком отрезке времени очень часто меняли свое представление о возможных способах формирования органов местного самоуправления во взаимосвязи с территориальными преобразованиями муниципалитетов. В связи с этим нам хотелось бы искренне верить, что данные законодательные изменения стали именно результатом осмысления опыта развития местного самоуправления за последние два десятилетия, а не сиюминутного и не подкрепленного ничем политико-правового желания, и их цели – это восполнение пробелов в действующей двухуровневой модели местного самоуправления и приближение власти к населению, которому наконец-то возможно будет дотянуться до нее рукой.

1. Ильиных А.В., Старостина И.А. Территориальное построение государства как фактор выбора избирательной системы (к постановке вопроса) // Социум и власть. 2009. N 1(21). С. 70.

2. Мوشаров С.И. Формирование и исполнение бюджетов городского округа с внутригородским делением и внутригородских районов: опыт Челябинска // Практика муниципального управления. 2015. N 1. С. 39.

References

1. Ilinykh A.V., Starostina I.A. (2009) Territorial'noye postroyeniye gosudarstva kak faktor vybora izbiratel'noy sistemy (k postanovke voprosa) [Territorial state organization as the factor of choosing elective system (to the formulation of problem)] // Sotsium i vlast, N 1(21), 70.

2. Mosharov S.I. (2015) Formirovaniye i ispolneniye byudzhetrov gorodskogo okruga s vnutrigorodskim deleniym i vnutrigorodskikh rayonov: opyt Chelyabinska [Form and implementation of budgets of urban district and with inner city division: Chelyabinsk experience] // Praktika munitsipal'nogo upravleniya, N 1, 39.

UDK 342.25

REFORM OF LOCAL GOVERNMENT IN ACTION: FROM TERRITORIAL TRANSFORMATIONS TO CHANGING INSTITUTIONAL FRAMEWORK

Ilinykh Aleksey Valeryevich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch, Dean of the Faculty of Economics and Law, Cand. Sc. (Law), Associate Professor. Chelyabinsk, Russia. E-mail: iav@chel.ranepa.ru

Annotation

The article is devoted to analysis of recent changes in the legal organizational and territorial principles of local self-government in the Russian Federation. The characteristic of the some separate elements of the legal status of new types of municipalities – urban district with urban division and inner city areas – is given. The author considers positive and negative points about the implementation of a new method of substitution of the post of head of the municipality.

Key concepts:

the territorial basis of local self-government, organizational basis for local government, urban district with inner urban division, inner city areas, local issues, City Manager, head of the municipality.

УДК 355.02

ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ВИДЕНИЕ

Лутовинов Владимир Ильич,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор факультета национальной безопасности, доктор философских наук, профессор, г. Москва, Россия.
E-mail: lutovinov_vi@mail.ru.

Хмара Юрий Николаевич

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, доцент кафедры политологии, истории и философии, кандидат политических наук, доцент, г. Челябинск, Россия.
E-mail: travopol@yandex.ru.

Аннотация

В статье исследуются концептуальные основы военной безопасности государства как необходимого компонента его политической стратегии. Анализируется генезис российского видения данных проблем в постсоветский период, переосмысление содержания понятий «национальная безопасность», «военная безопасность» и смены приоритетов в сфере их обеспечения. Сформулированы некоторые методологические подходы в определении стратегии военной безопасности Российской Федерации.

Ключевые понятия:

государство, военная безопасность, национальная безопасность, «мягкая сила», жесткая сила, политический дискурс.

Проблемы обеспечения национальной безопасности являются неотъемлемой частью политической стратегии любой страны. Они имеют непреходящее значение для России, которая стремится к сохранению статуса великой державы. Особую значимость они приобретают в условиях резкого обострения международной обстановки, возникновения прямого противостояния России и США, Европы на фоне военного конфликта на Украине, непрекращающегося расширения НАТО на Восток, создания системы ПРО в Европе и появления многих других факторов, создающих реальные угрозы суверенитету и территориальной целостности, безопасности государства, общества и личности.

Сложившаяся геополитическая ситуация объективно требует переосмысления содержания понятий «национальная безопасность», «военная безопасность» и смены приоритетов в сфере их обеспечения Российской Федерацией.

В современных условиях национальная безопасность может рассматриваться в форме синергетического критерия, консолидирующего способность страны сохранить свою территориально-государственную целостность, суверенно решать политические, экономические, социальные и иные проблемы и выступать в качестве самостоятельного субъекта системы межгосударственных отношений. Национальная безопасность – многокомпонентное и многоуровневое понятие. Его содержание и структура определяются различными авторами далеко неоднозначно. Однако среди множества точек зрения и мнений можно выделить неоспоримую общую компоненту – военную безопасность государства. В определенной мере и в наше время остается весьма актуальным крылатое высказывание времен Античности, несколько видоизмененное политическим деятелем эпохи Возрождения Н. Макиавелли: кто хочет жить в мире, тот должен готовиться к войне [4, с 112].

Для защиты жизненно важных интересов общества государство использует различные средства и способы, среди которых особое место занимает военная сила. Потенциально существующая военная опасность вынуждает все государства заботиться о своей способности защититься от неё. Такой подход является основным при построении систем как международной безопасности, так и безопасности отдельных государств. Как отмечает испанский политолог Л. Санистебан, «начиная с некоторого уровня сложности, политические системы создают специальные органы для ведения войны, ориентирован-

ные как против внешних врагов, так и против внутренних групп, пытающихся свергнуть элиты» [6, с. 149].

Следовательно, генезис понятия военной безопасности непосредственно связан с осознанием необходимости практической реализации эффективного противодействия именно военным угрозам обществу, государству и личности. Таким образом, система военной безопасности имеет естественное происхождение, обусловленное стремлением общества обезопасить себя от военной опасности. Военная безопасность как феномен возникла одновременно с образованием государства, армии. Само стремление к военной безопасности, или, образно говоря, «чувство» защищенности от военных угроз атрибутивно присущи для государств всех времен и народов. Несмотря на это, термин «военная безопасность» (как и «национальная безопасность») введен в политический и научный лексикон только в XX веке Т. Рузвельтом в 1904 году [3, с. 90].

Потребность государства и общества обезопасить себя в военном отношении является естественной и непреходящей. Однако сущность и содержание понятия «военная безопасность» обусловлены конкретно-историческими условиями, отражающими все многообразие общественных отношений конкретного социума на определенном этапе его существования. Таким образом, угрозы вооруженного насилия порождают закономерное стремление их устранить, минимизировать, создать атмосферу защищенности интересов страны, государства, населения от внешней (в первую очередь) военной силы. Военная безопасность становится важнейшим приоритетом государства. В свою очередь, это приводит к возникновению специфической деятельности по её обеспечению, в ходе которой происходит формирование системы военной безопасности, ее совершенствование, поддержание на требуемом уровне, определяемом, с одной стороны, военно-политической ситуацией, а с другой – возможностями государства. В ходе этой же деятельности происходит и практическое отражение возникающих военных угроз.

При этом следует понимать, что военная безопасность – это лишь одна сторона, грань общей системы национальной безопасности, хотя – чрезвычайно важная и во многом даже определяющая. Она, как и другие виды безопасности, служит обеспечению условий эффективного функционирования общества, государства и личности как в мирных условиях, так и в ситуации военного конфликта. Вследствие этого она выступает важным эле-

ментом, гарантом общественного прогресса.

Несмотря на значимость и важность данной сферы, термин, её определяющий, недостаточно глубоко исследован отечественным научным сообществом. В ряде научных исследований и концептуальных государственных документах вместо понятия «военная безопасность» используются понятия «безопасность в оборонной сфере», «оборонная безопасность», «безопасность государства», «обороноспособность страны» [11, ст. 617]. Что не является вполне корректным, так как недостаточно точно определяет сферу и сущностные отношения деятельности, обеспечивающей защиту именно от военного насилия.

Во многом это обусловлено тем, что в советский период в нашей стране в центре внимания общества и его политической элиты были прежде всего охрана рубежей собственной страны, обороноспособность государства, готовность отразить внешнее военное вторжение, экспансию. Кроме того, и на протяжении весьма значительного периода мировой и отечественной истории понятие «безопасность страны, населения» в политике, науке в значительной степени сводилось к обеспечению именно военной безопасности. Что и определило соответствующий тому периоду времени политический и научный лексикон.

Формирование современной сложной системы мировой международной экономической и политической интеграции, с сохранением значительной дифференциации уровня развития и статуса различных стран, продуцировало значительную степень их взаимозависимости. Тем самым потенциально создавая возможности влияния, а порой политического, военного, экономического диктата доминирующих государств по отношению к менее развитым или зависимым государствам. Данная ситуация содержит в себе значительные и многосторонние угрозы суверенитету и национальной безопасности ряда стран в самых различных сферах. Российская Федерация – один из объектов этих угроз. Её статус и положение в системе международных отношений после развала СССР, Совета экономической взаимопомощи, Варшавского договора в значительной степени изменились.

Вследствие этого проблемы национальной безопасности России получили свое новое прочтение и были в значительной мере актуализированы в постсоветский период. В это время формулируется ряд определений безопасности государства и её ви-

дов. В частности, в Военной энциклопедии 1997 г. впервые опубликованы статьи: «Безопасность военная», «Безопасность международная», «Безопасность национальная» и «Безопасность региональная». В них определяется, что военная безопасность – это состояние внутренних и международных условий жизни, которые нейтрализуют или исключают возможность нанесения личности, обществу, государству, коалиции государств, всему мировому сообществу ущерба средствами вооруженного насилия. Она является существенной частью и образует одну из основ безопасности национальной, безопасности региональной и безопасности международной. Военная безопасность характеризуется либо отсутствием по отношению к ее объектам угрозы военной, либо их способностью гарантированно противостоять военному давлению и вооруженной агрессии» [8, с. 397–399].

По мнению ученых академии Генерального штаба Вооружённых сил России, сущность военной безопасности страны, заключается в создании условий, исключающих опасность военного нападения, в поддержании оборонноспособности на уровне, обеспечивающем сдерживание вероятного противника от агрессии при опоре на достаточную военную силу, а также исключение или максимальное ограничение деструктивных проявлений военной силы внутри страны [10, с. 168].

В изданном в 2002 г. военном энциклопедическом словаре военная безопасность страны (государства) определяется как состояние внутренних и международных условий жизни, которые нейтрализуют или исключают возможность нанесения личности, обществу, государству, мировому сообществу ущерба средствами вооруженного насилия. В институциональном плане военная безопасность – способность военной организации государства внести эффективный вклад в оборону страны и обеспечить вооруженную защиту ее интересов – может рассматриваться как состояние гарантированной защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, обеспечиваемое обороноспособностью государства [9, с. 1025].

На официальном государственном уровне разграничение понятий «военная безопасность» и «оборонная безопасность» впервые осуществлено в Военной доктрине Российской Федерации 2000 г. и перенесено в её новую версию 2010 г. В отличие от предыдущих концептуальных документов, определяющих военную политику страны, в ней достаточно

четко обозначен её предмет – деятельность государства, являющаяся важнейшей составляющей защиты национальных интересов и осуществляющаяся военными методами, подготовка и осуществление вооруженной защиты. Военная безопасность Российской Федерации – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризуемое отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять [12, ст. 724]. Данное определение в настоящее время является общепризнанным, как наиболее точно отражающее сущность этого феномена.

Отечественные политологи, как правило, определяют военную безопасность через отсутствие для России военных опасностей и угроз, минимизацию или ликвидацию военных опасностей и угроз по отношению к российскому обществу, рассматривают ее как культурно-исторический феномен, как возможность адекватного реагирования на военные угрозы, гарантированную способность страны противостоять применению или угрозе применения военной силы, ее готовность отразить вооруженные нападения извне и подавить вооруженные выступления внутри страны [2, с. 34]. Поэтому военная безопасность чаще всего понимается как определенное состояние социальной и военно-политической системы, при котором обеспечивается защищенность государства (общества, личности) от военных угроз. Понятие «военная безопасность», являясь производным от категории «безопасность», отражает специфическую сторону последней, связанную с использованием силы как агрессором (реальным или потенциальным), так и его жертвой [7, с. 28]. Субстанциональным признаком военной безопасности является – использование средств вооруженной борьбы в интересах национальной безопасности.

Представляется, однако, что военная безопасность – явление гораздо более сложное, которое требует учета значительно большего количества факторов и компонентов. Военная безопасность включает в себя: систему идей и взглядов на защиту государства и общества, определенную идеологию; деятельность, направленную на предотвращение военной опасности, ликвидацию военных угроз; состояние общественных отношений, которому свойственна защищенность национальных интересов от угроз, связанных с силовым решением меж-

дународных и внутривнутриполитических проблем; систему государственных институтов, призванных защищать общество и его граждан от внешней военной экспансии и силового давления внутренних сепаратистов; свойство социальной системы сохранять собственную стабильность т.е. возможность устойчивого динамичного развития, целостность, самостоятельность – вопреки внешней военной экспансии; способность государства отстаивать свои жизненно важные интересы.

Кроме того, военная безопасность может выступать в роли элемента общественного сознания, целеполагания, общественной установки, ценности, национального интереса и так далее. Важно подчеркнуть, что военная безопасность является одним из необходимых условий устойчивого динамичного развития всей социальной системы.

Таким образом, как составляющая национальной безопасности, военная безопасность – это сложная категория, характеризующая состояние общественных отношений данной социальной и военно-политической системы, ее компонентов, при котором обеспечивается эффективное противодействие влиянию внешних и внутренних военных угроз (вооруженного насилия), и тем самым в военной сфере создаются условия для стабильного динамичного развития данного общества.

При этом следует учитывать, что военная безопасность имеет два аспекта: внешний и внутренний. Неслучайно в Военной доктрине нашей страны определены также и основные внутренние военные опасности. К ним отнесены попытки насильственного изменения конституционного строя, подрыв суверенитета, нарушение единства и территориальной целостности, дезорганизация функционирования органов государственной власти, важных государственных, военных объектов и инфраструктурной инфраструктуры Российской Федерации [12, ст. 724].

Внутренний аспект военной безопасности, как правило, проявляется в условиях нестабильной социально-политической ситуации в стране и связан, прежде всего, с проблемами защиты существующего конституционного строя, взаимоотношений центра с субъектами Российской Федерации, между самими субъектами федерации, наличием сепаратистских тенденций, обострением противоречий между различными социальными группами, терроризмом и экстремизмом.

Внешний аспект военной безопасности связан с состоянием взаимоотношений между субъектами международного права

и характеризуется способностью государства противодействовать попыткам отдельных государств или их союзов использовать военную силу как инструмент разрешения возникающих противоречий в различных сферах. Это предполагает необходимость наличия современных вооруженных сил, формирование системы коллективной или всеобщей безопасности, вхождение в состав тех или иных военно-политических союзов.

Оба аспекта военной безопасности в современных условиях тесно переплетаются. Поэтому для гарантированного обеспечения военной безопасности России требуется создание и функционирование единой по замыслу и плану системы. Основу её должна составлять военная организация государства. Как отмечается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, военная безопасность обеспечивается путем развития и совершенствования военной организации государства и оборонного потенциала, а также выделения на эти цели достаточного объема финансовых, материальных и иных ресурсов. Достижение стратегических целей национальной обороны осуществляется путем развития системы обеспечения национальной безопасности, проведения перспективной военно-технической политики и развития военной инфраструктуры, а также за счет совершенствования системы управления военной организацией [13, ст. 2444]. Следует отметить, что военная безопасность не является константной характеристикой общества или государства, предельно точной, математически просчитанной величиной, раз и на всегда определенной. Она – скорее абсолют, которого, как известно, достичь трудно, но стремиться к этому возможно и необходимо. При этом её направленность и составляющие элементы могут изменяться в определенной мере.

В связи с этим, согласившись с мнением отечественного философа С.С. Антюшина, можно выделить два основных, «крайних», концептуально различных типа военной безопасности – оборонительную и наступательную [1, с. 70].

Оборонительный тип характеризуется стремлением государства, или его элиты, обеспечить такую собственную военную безопасность, которая, главным образом, сводится к недопущению актуализации потенциальных военных угроз, либо адекватному противодействию угрозам, перешедшим в реальную плоскость, к минимизации военной экспансии в отношении данной страны (иногда и её ближайших союзников). Военно-политические интересы таких государств,

связанные с безопасностью, чаще всего ограничены рамками собственных и приграничных территорий. Во всяком случае им не свойственны амбиции супердержав, их внешняя политика умеренно экспансивна, сдержана. Потенциал государств, которым присущи черты такого типа военной безопасности, как правило, ограничен.

Наступательный тип предполагает более активную внешнеполитическую позицию государства, которая может иметь в определенной мере и экспансивный характер. Задачи подобной системы военной безопасности выходят за рамки исключительно обороны территории страны, региона. Нередко национальные интересы государства, реализующего данную концепцию безопасности, распространяются далеко от его границ. Оно зачастую претендует на роль если не мирового, то регионального лидера. Его система военной безопасности призвана (с помощью демонстрации или непосредственного применения военной силы) обеспечить собственные притязания там, куда распространяются интересы, обусловленные далеко идущими геополитическими амбициями, где существует (или только может появиться) угроза противодействия доминированию. Подобное концептуальное видение свойственно в первую очередь империям, или так называемым сверхдержавам, то есть государствам с огромным политическим, экономическим и военным потенциалами. Ввиду этого наступательный тип военной безопасности в науке и политической практике иногда определяют как имперский.

Первый подход в определении военной безопасности Российской Федерации и формировании её системы был характерен для периода с момента её образования как государства до начала двухтысячных годов. В указанное время пошатнулось былое могущество, снизились претензии на статус сверхдержавы. И, что немаловажно, в умах политической элиты нашей страны до недавнего времени преобладали наивные идеи равноправного сотрудничества и дружбы с США, НАТО.

В настоящее время ситуация в значительной мере изменилась. Прежде всего, события в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии, Югославии, Кавказском регионе, наконец, санкции против Российской Федерации и роль в них США, НАТО, их вооруженных сил во многом вернули к реалиям отечественных политиков и ученых. Кроме того, в значительной мере восстановлен политический, экономический и военный потенциал нашей страны.

При этом, как известно, в современном отечественном политическом дискурсе есть немало сторонников концепции так называемой «мягкой силы» («soft power») [5, с. 33–14], которая возводится в статус абсолюта и идеализируется. Не отрицая её роли и значимости, следует помнить, что «мягкая сила» не способна решить все насущные политические проблемы того или иного государства, она всегда дополняется средствами «жесткой (в том числе военной) силы».

Таким образом, исследование концептуальных основ военной безопасности позволяет сформулировать некоторые методологические положения в её определении для современной России. Для обеспечения национальной безопасности и роста международного влияния возможно использовать власть информации и образов, власть смыслов. Однако гарантом суверенитета, независимости и свободы развития по избранному пути нашей страны должна быть прежде всего достаточная военная сила. Концепция военной безопасности Российской Федерации может иметь и наступательный, упреждающий характер. Но реализовываться она должна в рамках норм международного права.

1. Антюшин, С.С. Военная безопасность как фактор стабильности российского общества (социально-философская концепция). М.: ВУ, 2004. 86 с.

2. Бельков, О.А. Духовные основы и факторы национальной безопасности / Безопасность России – 2011. Экспертно-аналитическое обозрение. М.: Критерий, 2010. 343 с.

3. Белявская, И.А. Теодор Рузвельт и общественно-политическая жизнь США. М., 1978. 312 с.

4. Макиавелли, Н. Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1982. 432 с.

5. Най Дж.С. Мягкая сила и американско-европейские отношения // Свободная мысль – XXI. 2004. N 1(10) май, С. 33–41.

6. Санистебан, Л. Основы политической науки. М.: Вильямс, 2008. 359 с.

7. Филюрский, А.Ф. Военное строительство государства как фактор обеспечения его военной безопасности. (Политологический анализ). М.: 2003.

8. Военная энциклопедия: в 8 т. Т. 1. М.: Воениздат, 1997. С. 397–399.

9. Военный энциклопедический словарь. Редкол.: А.П. Горкин, В.А. Золотарев и др. М.: Большая российская энциклопедия, Рипол Классик, 2002. С. 1025.

10. Военная безопасность России: материалы научной конференции. ВАГШ. Книги I–IV. М.: Воениздат, 1992. 259 с.

11. Конституция СССР (Основной закон Союза Советских Социалистических Республик) (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР от 12 октября 1977 г. N 41. ст. 617.

12. «О Военной доктрине Российской Федерации» Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. N 146 // Собрание законодательства Российской Федерации от 15 февраля 2010 г. N 7 ст. 724.

13. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. N 537 // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 мая 2009 г. N 20. ст. 2444.

References

1. Antjushin, S.S. (2004) Voennaja bezopasnost' kak faktor stabil'nosti rossijskogo obshhestva (social'no-filosofskaja koncepcija) [Military Safety as the Factor of Russian Society Stability]. M.: VU, 86 [in Rus].
2. Bel'kov, O.A. (2010) Duhovnye osnovy i faktory nacional'noj bezopasnosti [Mental bases and factors of national security] / Bezopasnost' Rossii – 2011. Jekspertno-analiticheskoe obozrenie. M.: Kriterij, 343 [in Rus].
3. Beljavskaia, I.A. (1978) Teodor Ruzvel't i obshhestvenno-politicheskaja zhizn' SShA [Theodor Roosevelt and social and political life in USA]. M., 312 [in Rus].
4. Makiavelli, N. (1982) Izbrannye proizvedeniia [Selected works]. M.: Hudozhestvennaja literatura, 432 [in Rus].
5. Naj, Dzh.S. (2004) Mjagkaja sila i amerikano-evropejskie otnosheniia [Soft power and American and Europe relations] // Svobodnaja mysl' – XXI, N 1(10), May, 33–41 [in Rus].
6. Sanisteban, L. (2008) Osnovy politicheskoi nauki [Bases of Political Science]. M.: Vil'jams, 359 [in Rus].
7. Filjurskij, A.F. (2003) Voennoe stroitel'stvo gosudarstva kak faktor obespecheniia ego voennoj bezopasnosti (Politologicheskij analiz) [Military construction of a State as the Factor of Its Military Security (Political Analysis)]. M. [in Rus].
8. Voennaja jenciklopedija [Military Encyclopedia]: v 8 tomah. T. 1. M.: Voenizdat, 1997, 397-399 [in Rus].
9. Voennyj jenciklopedicheskij slovar' [Military Encyclopedic Dictionary]. Redkol.: A.P. Gorkin, V.A. Zolotarev i dr. M.: Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija, Ripol Klassik, 2002, 1025 [in Rus].
10. Voennaja bezopasnost' Rossii: materialy nauchnoj konferencii [Military security of Russia: science conference materials]. VAGSh. Knigi I–IV. M.: Voenizdat, 1992, 259 [in Rus].
11. Konstitucija SSSR (Osnovnoj zakon Sojuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik) (prinjata na vneocherednoj sed'moj sessii Verhovnogo Soveta SSSR devjatogo sozya 7 oktjabrja 1977 g.) [USSR Constitution (Basic Law of Union of Soviet Socialist Republics)(adopted at extraordinary 7th session of Supreme Soviet of USSR in 9th convocation October, 7, 1977)] // Vedomosti S'ezda narodnyh deputatov SSSR i Verhovnogo Soveta SSSR ot 12 oktjabrja 1977 g. N 41. st. 617 [in Rus].
12. "O VoЕННОj doktrine Rossijskoj Federacii" Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 5 fevralja 2010 g. N 146 ["About Military Doctrine of Russian Federation" Russian President's Decree from February, 5th 2010, N 146] // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 15 fevralja 2010 g. N 7, st. 724 [in Rus].
13. "O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2020 goda" Ukaz Prezidenta RF ot 12 maja 2009 g. N 537 ["About strategy of national security of Russian Federation to 2020 year" Russian President's Decree from May, 12th 2009, N 537] // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 18 maja 2009 g. N 20, st. 2444 [in Rus].

UDC 355.02

NATIONAL MILITARY SECURITY: CONCEPTUAL BASES AND CONTEMPORARY RUSSIAN VISION

Lutovinov Vladimir Ilyich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor of Faculty of National Security, Doctor of Political Sciences, Professor, Moscow, Russia.
E-mail: lutovinov_vi@mail.ru.

Khmara Yuri Nikolaevich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch, Assistant Professor of the Department Chair of Political Science, History and Philosophy, Cand. Sc. (Political Science), Assistant Professor, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: travopol@yandex.ru

Annotation

This article examines the conceptual foundations of the military security of the state as a necessary component of its political strategy. The genesis of the Russian vision of these problems in the post-Soviet period, rethinking the content of the concepts of "national security", "military security" and the changing priorities of their maintenance are analyzed. Some methodological approaches in determining the strategy of the military security of the Russian Federation are formulated.

Key concepts:

state,
military security,
national security,
soft power,
hard power,
political discourse.

УДК 338:504

ЭКОЛОГО- ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: БУДУЩЕЕ В РЕТРОСПЕКТИВЕ. ЧАСТЬ II

Саламатов Артем Аркадьевич,

Институт дополнительного образования
и профессионального обучения
Челябинского государственного
педагогического университета,
директор,
доктор педагогических наук, профессор,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: saa@csru.ru.

Аннотация

В статье рассматриваются социально-исторические предпосылки становления и развития проблемы эколого-экономического развития России, человеческий потенциал как фактор обеспечения эколого-экономической безопасности страны, психолого-педагогические аспекты его формирования. Особое внимание уделяется причинам возникновения глобальных проблем современности и путям их решения средствами образования.

Ключевые понятия:

эколого-экономическая безопасность;
эколого-экономическое образование;
глобальные проблемы;
человеческий потенциал.

В наши дни наблюдается удивительный и беспрецедентный в истории социальный феномен, суть которого состоит в том, что общественное сознание существенным образом отстает от происходящих в мире серьезных глобальных перемен. Образование обязано своевременно подготовить людей к новым условиям жизни, которые несет с собой стремительно приближающееся будущее. Решение эколого-экономических проблем и развитие человеческого потенциала России мы видим в реализации эколого-экономического образования.

В данной статье мы продолжим рассматривать социально-исторические предпосылки становления проблемы эколого-экономического образования в соответствии с основными периодами развития эколого-экономического образования как отрасли научного знания и остановимся на третьем периоде в эволюции проблемы эколого-экономического образования.

Третий период характеризуется началом специальных исследований в области эколого-экономического образования, что обусловлено пониманием насущной потребности в предотвращении экологической катастрофы путем соответствующего образования подрастающего поколения. Именно в этот период накоплен определенный опыт по организации эколого-экономического образования учащихся общеобразовательных учреждений и студентов вузов.

Третий период эволюции эколого-экономического образования совпал с периодом становления рыночных отношений в России, когда развитие различных форм собственности повысило опасность хищнического отношения к природе и ее ресурсам. Развитие малого и среднего бизнеса, отсутствие правовой базы природопользования, приватизация предприятий, ответственных за использование природных ресурсов, усугубило опасность истощения природных ресурсов, сделало возможным превалирование экономических интересов отдельных групп над глобальными экологическими интересами человечества. В этих условиях на первое место вышли проблемы нравственного приоритета в решении вопросов природопользования, что невозможно без формирования соответствующего сознания у подрастающего поколения.

Психолого-педагогическая неадаптированность молодежи к новым экономическим отношениям привела к искаженному восприятию ценностей в процессе социализации. Для нашего современного общества характерна «потребительски-пре-

стижная ориентация потребности в достижении, лишенная трудового и творческого компонентов» [4, с. 23].

Кроме того, вхождение России в мировое экономическое сообщество обусловило и аналогичную западным образцам перестройку профессиональных намерений школьников. По данным наших исследований, до 95 % старшеклассников выдвигают ведущим мотивом своей трудовой деятельности только материальную заинтересованность.

Естественно, доминирующая роль прагматических мотивов выбора профессии сама по себе не является отрицательным фактом. Однако экстраполяция западной философии «личного успеха» на российское общество, которое, как говорилось выше, имело свою, отличную от других историю развития и формирования менталитета, привела к чудовищной трансформации экономической расчетливости в неуемную жадность собственной наживы любой ценой, даже ценой гибели человеческой цивилизации в результате прогрессирующего экологического кризиса.

Рассматривая значение эколого-экономического образования в развитии человеческого потенциала, обратимся к объяснению в научной литературе идеи взаимозависимости биосферы и мировой экономики на глобальном уровне, так как именно их системная взаимосвязь и результаты системных взаимодействий приводят к противоречиям эколого-экономического характера и создают проблемы, которые человечеству придется решать уже в ближайшем будущем.

Теоретически, природа – это весь мир во всем многообразии его форм, внутренних связей и движения. В современной науке основой жизнедеятельности системы «природа» признают вещественно-информационно-энергетические потоки (ВИЭП), наиболее активное проявление которых наблюдается в биосфере [7].

Если абстрагироваться от социальных параметров человека, то он на уровне ВИЭП связан с биосферой целым спектром биологических связей. Эти связи объединяют человечество в целостный элемент биосферы и делают человека биологически зависимым от состояния биосферы. Нарушение связей и баланса ВИЭП между человеком и биосферой вызывает глобальные экологические проблемы.

Если в глобальной системе «биосфера» действуют естественно-природные ВИЭП, с которыми каждый человек имеет биологические связи, то в системе «человеческое общество» ВИЭП имеют социально-экономи-

ческое, производственное происхождение. Именно производство в широком смысле слова является тем «стыковочным узлом», который соединяет системы «биосфера» и «общество» или, говоря иначе, системы «природа» и «экономика», взаимосвязанные посредством ВИЭП.

Мировая экономика во многом подобна экосистеме, если оценивать их в параметрах наличия и динамики ВИЭП. Экономисты рассматривают как систему, имеющую входящие (минеральные, органические, энергетические и другие ресурсы) и исходящие (отходы после их использования и переработки) ВИЭП. Соотношение данных потоков характеризует вещественно-энергетическую эффективность экономической системы. Чем меньше ВИЭП на входе и чем больший объем ВИЭП остается внутри экономической системы, тем выше ее эффективность и экологичность, тем меньше ее вклад в глобальные проблемы, связанные с нерациональным использованием природных ресурсов, выбросом в биосферу отходов, которые природная система не может переработать.

Экосистемы – это в значительной степени безотходные системы, в которых сбалансированы входящие и исходящие потоки. Возникает вопрос, возможно ли создание экологически эффективной мировой экономики, подобной экосистеме? Многие ученые сходятся во мнении, что теоретически это возможно, но практически, скорее всего, нереально. В отличие от экосистем эколого-экономические системы не имеют замкнутого характера и являются открытыми. Важная задача развития эколого-экономических систем – это максимальное использование природного материала, превращение производства в более замкнутую систему [9, с. 13].

Именно поэтому (по крайней мере, в настоящее время) данная проблема связана с разработкой и производством экономически эффективных и экологически безопасных технологий. Этот процесс находит свое отражение в сфере науки и образования, что обусловлено нарастанием эколого-экономического кризиса в связи с нарушением равновесия в эколого-экономической системе.

Как уже отмечалось, два последних столетия прошли под знаком прогресса техногенной цивилизации. Этот тип цивилизационного развития возник в европейском регионе в эпоху становления капитализма, а затем стал распространяться по всему миру. Его важнейшим признаком является ускоренный научно-технический прогресс, порождающий изменения во всех сферах со-

циальной жизни. XX век стал веком торжества естественных наук и, как минимум, трех научных революций – квантовой, компьютерной и биомолекулярной. Перед наукой стояла одна основная задача – разработать эффективные технологии, гарантирующие существование государства. Последняя четверть прошлого века была отмечена знаменательными открытиями и достижениями, определившими научно-технический прогресс. Люди овладели знаниями и техническими возможностями, сравнимыми с силами природы. В какое-то время казалось, что удастся найти решение всех встающих перед человечеством проблем. Но этого не произошло. Решение одних проблем всякий раз порождало новые, подчас более серьезные: «человек покорил термоядерную энергию и сам стал ее заложником, научился в невиданных масштабах использовать богатства природы, но гораздо менее преуспел в заживлении нанесенных ей ран» [3].

Человек оказался неприспособленным к новому темпу развития цивилизации. Поэтому в XXI веке назрела необходимость смены приоритетов, переоценки ценностей, формирования новых алгоритмов в развитии человека и общества. Постиндустриальное общество можно интерпретировать как начало перехода к новому типу развития. Его формирование связано не только с технологической революцией, но и с реформацией, критикой и пересмотром ряда прежних базисных ценностей техногенной культуры: идеалов потребительского общества, его отношения к природе, культу силы как основе преобразующей деятельности. Теперь основной задачей науки и образования как необходимого условия ее развития становится оценка рисков.

Между тем негативная антропогенная нагрузка на окружающую среду продолжает усиливаться с каждым годом, при этом, по нашему убеждению, ее основными причинами являются не научно-технический прогресс и экономическое развитие общества, а сам человек, точнее, его личностные качества. Научно-технический прогресс, напротив, при соответствующей его направленности является одним из факторов успешного решения эколого-экономических проблем.

Проанализируем причины возникновения и возможные последствия глобальных проблем современности как в мировом масштабе, так и российском, которые имеют самое непосредственное отношение к возникновению и развитию кризиса эколого-экономической системы.

Только сейчас человечество смогло ясно

увидеть и оценить реальности и тупики мировой динамики и всерьез заговорило о глобальных проблемах XXI века. К ним относят деградацию окружающей среды, демографический взрыв, угрозу истощения природных ресурсов и нехватки в мире энергии и продовольствия, растущую пропасть между богатыми и бедными странами. Подлинно транснациональный характер приобрели такие явления, как организованная преступность, терроризм, незаконный оборот наркотиков, детская преступность.

Одна из особенностей современного мирового развития – быстрый рост населения и надвигающийся демографический кризис. Если в течение первой половины XX столетия общее число жителей увеличилось на 1 млрд человек – с 1,5 млрд до 2,5 млрд, то, по оценкам экспертов, в следующее десятилетие оно возрастет более чем на 1,5 млрд, а к 2015 году население мира составит 7,8 млрд человек.

Россия в 1992 г. вступила в стадию депопуляции, и за прошедшие годы естественная убыль населения составила более чем 4 млн человек. Это больше численности целой страны, например, такой как Ирландия или Новая Зеландия. Уровень рождаемости в России является очень низким даже по сравнению с переживающими не лучшие в этом отношении времена странами Западной Европы, он не обеспечивает даже простого замещения поколения родителей их детьми. Но главным фактором депопуляции оказывается непомерный рост смертности, который сопровождают весьма неприятные особенности. Во-первых, сверхсмертность мужчин, продолжительность жизни которых в настоящее время составляет менее 60 лет. Как следствие, в первой четверти текущего столетия будет наблюдаться резкая диспропорция полов – женщин будет существенно больше, особенно старших возрастов. Во-вторых, более высокие темпы смертности трудоспособного населения по сравнению с населением страны в целом. В-третьих, высокая младенческая смертность, которая в 3–4 раза превышает аналогичные показатели развитых стран.

Наблюдаемая диспропорция увеличения населения планеты в целом и сокращения его численности в России ведет к еще более серьезным проблемам. Так, мировой спрос на продовольствие возрастет к 2020 году на 64 %, в том числе в развивающихся странах – почти на 100 %. Сегодня развитие сельского хозяйства уже не поспевает за изменениями в объеме и структуре мирового спроса на продовольствие. Если подобную

тенденцию не приостановить, то в ближайшие два-три десятилетия потребность в импорте недостающих продуктов питания может увеличиться в несколько раз [3].

Отсюда вытекает еще одна проблема, наименее изученная (из-за неполных данных и неопределенности будущих тенденций) и поэтому одна из самых важных, – проблема незаконных международных миграций. Приведем такой пример. В 1990 году Северная Африка, Япония и Австралия имели по 140 млн жителей. Население Японии и Австралии, вероятно, стабилизируется примерно на этом уровне, но население Северной Африки может утроиться уже к 2050 году, в то время как начиная с 70-х годов прошлого столетия производство продовольствия на душу населения здесь ежегодно сокращается примерно на 1 %. Территориальные и продовольственные проблемы, которые возникнут только на этом континенте, приведут к вынужденной незаконной международной миграции во многие страны мира, в том числе Россию.

Ожидается, что в России в ближайшем будущем произойдут существенные перемены в миграционной подвижности населения, которая приобретет не столько внутрисполитический, сколько геополитический характер. Уже сейчас возникла сложная обстановка на Дальнем Востоке, где с каждым годом возрастает нелегальное переселение из сопредельных государств в Россию, так как плотность населения по разные стороны границы в этом регионе отличается примерно в 20–30 раз.

Энергокризис 1972–1981 гг. дал толчок развитию энергосберегающих технологий, а главное – крупномасштабной геолого-разведке, открытию новых нефтегазовых и угольных источников в различных регионах мира. В итоге обеспеченность мировыми запасами ископаемого топлива не ухудшилась, а наоборот, возросла: только с 1990 по 1995 гг. она увеличилась по углю с 400 до 440 лет, природному газу – с 60 до 67 лет, нефти – с менее чем 40 до 42 лет. При этом мировое потребление добываемых первичных энергоресурсов постоянно растет. Таким образом, глобальной энергетической опасности в ее прежнем понимании – как абсолютной нехватки энергоресурсов в мире – практически не существует, однако с точки зрения замены традиционных источников энергии альтернативными с целью увеличения экологической безопасности проблема надежного обеспечения человечества энергией остается.

К концу XX века антропогенное давление на природу достигло размеров, при которых она стала утрачивать способность к самовосстановлению. Ухудшилось общее состояние водных ресурсов – рек, озер, водохранилищ, внутренних морей. Под влиянием хозяйственной деятельности происходит истощение водоемов, исчезают малые реки. Между тем глобальное потребление воды с 1960 г. возросло в два раза. Как следствие, 80 стран, на которые приходится 40 % населения, испытывают нехватку пресной воды.

Особую опасность представляет растущий уровень загрязнения атмосферы из-за выбросов отравляющих веществ промышленными предприятиями и транспортом, в результате чего в ряде районов мира суммарное содержание вредных веществ превосходит допустимый уровень концентрации в 10 и более раз, создавая опасность для здоровья и жизни людей, растительного и животного мира. Истощение озонового слоя ведет к изменению радиационного и термического режима глобальной атмосферы, увеличивает крайне опасное для людей ультрафиолетовое излучение Солнца.

Наиболее губительно по своим последствиям антропогенное воздействие на почвенный покров Земли. В мире остается все меньше свободной для распашки почвы. Человечество уже потеряло около 2 млрд га некогда плодородных земель, превратив их в пустыни и «бедленды». При этом скорость ветровой и водной эрозии земли в результате сведения лесов, неправильной агрокультуры только за последние 50 лет возросла в 30 раз по сравнению со среднеисторической.

Но самый большой резонанс получила опасность глобального изменения климата. Причина – растущий из года в год уровень выброса углерода в атмосферу в результате сжигания все увеличивающихся масс ископаемого топлива и древесины. Ныне он достигает 6 млрд тонн в год. Если не предпринять кардинальных мер, его концентрация к 2025 году удвоится, что способно вызвать «парниковый эффект». При таком развитии событий температура воздуха к 2100 году может подняться в среднем на 1,5–4,5 градуса для всей планеты [3].

Как отмечалось, экологические проблемы не остались без внимания: получили развитие экологические исследования, ускорилось формирование природоохранного права, были созданы целые отрасли по защите окружающей среды.

Однако природоохранная деятельность активизировалась преимущественно в развитых государствах и по своим масштабам отстает от потребностей в восстановлении среды. В то же время быстрый рост населения и высокие темпы экономической активности в развивающихся странах увеличили давление на биосферу Земли, причем в условиях, когда необходимых средств для проведения экологических мероприятий у этих стран просто нет.

Человечество окружает не только природная, но и социальная среда. От того, насколько государство и общество способны обеспечить своим гражданам безопасность, зависит жизнь каждого человека. Несомненно, человечество отдает себе отчет в нависших над ним опасностях. Однако оно еще не разработало средств борьбы с этими угрозами, несмотря на многочисленные международные совещания и серьезные и неоднократно повторяющиеся предупреждения, вызванные глобальными катастрофами различного характера.

Мы убеждены, что перед лицом многочисленных проблем, которые ставит перед нами будущее, эколого-экономическое образование является необходимым условием для того, чтобы дать человечеству возможность продвигаться вперед, к социальной справедливости, благополучию и безопасности своего существования. Подобная политика может содействовать созданию более совершенного мира, устойчивому человеческому развитию. Ключевой задачей здесь является активное участие в жизни общества, что, в свою очередь, определяется чувством ответственности каждого человека.

Безответственность в России стала основной причиной повторяющихся из года в год стихийных бедствий, которые приобрели поистине катастрофические масштабы. Чего стоят наводнения в Якутской области и Краснодарском крае, лесные пожары на Дальнем Востоке и в Центральной части России! Аналогичные проблемы при географических и, соответственно, климатических различиях в данных регионах свидетельствуют о том, что их виновником в большинстве случаев является сам человек, которому с ранних лет не прививали чувство ответственности за свою деятельность, которую он должен осуществлять во благо общества и государства.

Мы не случайно уделили столь пристальное внимание рассмотрению основных глобальных проблем и связанных с

ними последствий, которые ждут человечество в XXI веке. Все это свидетельствует о неудовлетворительном состоянии общественной морали, изменение которой в лучшую сторону в решающей мере зависит от сферы образования, направленности и результативности обучения и воспитания подрастающих поколений, от их интеллектуальных качеств.

Стимулом к разработке теоретических основ эколого-экономического образования и их применению на практике послужила Конференция ООН по окружающей среде и развитию в 1992 году, посвященная поиску путей разрешения противоречий между развитием общества и состоянием природной среды. Открывая ее, Генеральный секретарь М. Стронг заметил: «Центральными вопросами проблемы, которой нам предстоит заниматься, являются: характер производства и потребления в промышленно развитой части мира, который подрывает системы, поддерживающие жизнь на Земле; взрывообразный рост населения, преимущественно в развивающейся части мира, добавляющий ежедневно четверть миллиона человек; углубляющееся неравенство между богатыми и бедными, которое отвергает 75 % человечества в борьбу за выживание, и, наконец, экономическая система, которая не учитывает экологические ценности и ущерб, система, которая рассматривает неограниченный рост как прогресс» [Цит. по: 2].

В результате работы Конференции мировое сообщество пришло к важному выводу: если человечество действительно разумно, как это следует из названия нашего биологического вида, то июнь 1992 года и Конференция в Рио-де-Жанейро войдут в историю как вехи, отмечающие начало сознательного поворота нашей цивилизации на новый путь развития, – развития, при котором человек поумерит свой потребительский эгоизм и постарается жить в ладу с природой.

Особый интерес вызывают идейные установки, сформулированные в ходе Глобального форума представителей неправительственных организаций, проходившего параллельно с работой Конференции:

- экономическое развитие в отрыве от экологии ведет к превращению Земли в пустыню;
- экология без экономического развития закрепляет нищету и несправедливость;
- равенство без экономического развития – это нищета для всех;

– экология без права на действия становится частью системы порабощения;

– право на действия без экологии открывает путь к коллективному и равно касающемуся всех самоуничтожению [2, с. 19–20].

Таким образом, обязательным условием жизни всех людей провозглашалось триединство экономического развития, экологии и демократии. При этом мы убеждены, что фундаментом этого триединства должно стать образование, утверждающее принципы совместного развития экологии, экономики и демократии в жизни каждого человека.

В конце 80-х (и особенно в 90-х гг. XX века) проблема разработки содержания эколого-экономического образования получила бурное развитие. Так, А.Ф. Амендом были разработаны дидактические основы непрерывного эколого-экономического общего образования, в результате чего в обновленном свете были представлены ценностные, целевые, содержательные, структурные и технологические аспекты экологического и экономического образования и модель их интеграции [1].

В работе Н.П. Рябининой была исследована проблема интеграции экологического и экономического образования в профессионально-педагогической подготовке будущего учителя, определено место эколого-экономических компонентов в структуре педагогической деятельности, построена модель готовности педагога к эколого-экономическому образованию школьников, разработано уровневое содержание эколого-экономической подготовки будущего учителя [8].

Кроме этого, Н.П. Рябининой выделены следующие особенности накопления опыта эколого-экономического образования: наличие интеграционных процессов в дисциплинах начальной школы, декларативность на уровне программных требований основного и среднего (полного) общего образования, а также наличие множества фактов педагогической действительности, свидетельствующих о стремлении учителей любых предметов рассматривать проблемы экологии и экономики в их единстве [8, с. 203–207].

Так, в массовую практику были широко внедрены программы и пособия для начальной школы (А.А. Плешакова по экологии, Л.М. Клариной по экологии и экономике и др.), характерной особенностью которых, выгодно отличающейся от общепринятого изложения основ естественно-научных знаний в начальной школе, являются ясно прослеживающаяся связь между природой и человеком, неоднократное возвращение к проблеме последствий деятельности челове-

ка для природы и самого человека как части природы, указание путей разумной деятельности человека по сохранению природного разнообразия [6].

В программах непрерывной социально-экономической подготовки для 6–11 классов общеобразовательного учреждения, подготовленных коллективом РАО под руководством И.А. Сасовой, обязательным элементом для каждого класса является включение основных понятий, проблем и вопросов взаимосвязи человека и природы, экономической деятельности человека и ее последствий для природы, поиска путей сохранения природы при одновременном повышении уровня жизни населения планеты, необходимости изменения мышления человека для сохранения равновесия в природе [12].

Отметим, что ценность создаваемых экологических и экономических образовательных программ определяется наличием в них как глубокого традиционализма, так и смелой оригинальности, проявляющейся в содержательных основах этих программ и в форме подачи знаний. Существенным предстает обогащение методической основы экологического и экономического образования: использование в процессе обучения инновационных способов общения (деловые и ролевые игры, «мозговой штурм» и т.д.), применение информационных и коммуникационных технологий (игр, обучающих и контролирующих систем и т.п.), интерактивного видео, экомониторинга, моделирования экологических и экономических процессов, биотестирования, биоиндикации, дистанционного обучения и других.

Таким образом, надо сказать, что уже сегодня значимость проделанного трудно переоценить: попытка разрешения эколого-экономических проблем, в том числе и средствами образования, означает прорыв в будущее. Однако темпы перемен в этой сфере происходят крайне медленно: вплоть до сегодняшнего дня статус эколого-экономического образования остается крайне низким, и главная тому причина – низкий статус экологического образования (в отличие от экономического), развитие которого происходит «по остаточному принципу». Экономоцентрический характер функционирования современного общества обуславливает потребительскую ориентацию последнего, что по определению исключает экологические императивы. Очевидно, что такое общество отторгает и будет отторгать все, что накладывает ограничения на получение прибыли, выгоды. Поэтому составляющие системы современного образования

вступают в противоречие с целями подготовки подрастающего поколения к будущей производственной деятельности. Проблема в том, как сориентировать школьников на такие ценности, которые бы соответствовали не сиюминутным, а перспективным потребностям общества.

Подводя итоги третьего этапа становления проблемы эколого-экономического образования, выделим сложившиеся к настоящему времени социально-исторические предпосылки, обуславливающие основные направления его дальнейшего развития. К ним в первую очередь относятся:

- потребность общества в гарантии стабильного эколого-экономического существования будущих поколений;
- появление эколого-экономических научных школ и новых научных дисциплин, таких как экономическая экология, экоэкономика, биоэкономика и т.п.
- теоретическое обоснование основ эколого-экономического общего и высшего педагогического образования;
- создание методик эколого-экономического образования в начальной, основной и средней школе, высших педагогических учебных заведениях.

Анализ сложившихся социально-исторических предпосылок, научной литературы показал, что в настоящее время педагогическое сообщество стоит на пороге нового периода в развитии представлений об эколого-экономическом образовании [11].

Сегодня российское образование как никогда испытывает на себе мощное давление противоположных тенденций: с одной стороны, образовывает человека социально-экономическая среда, с присущими ей позитивными и негативными установками, обусловленными реальным уровнем развития цивилизации, а с другой – целенаправленное позитивное преобразование среды возможно только при условии сформированности у подрастающего поколения обновленных, перспективно потребностных мировоззрения и морали, основанных на понимании неразрывной связи между хозяйственно-экономической деятельностью человека и ее последствиями для природы, биосферы и самого человека как части биосферы.

Необходимо воспитывать в учащихся то, что любое решение, любое действие должно быть экологически и экономически обоснованно: изучение каждого устройства, технологического решения и действия должно включать их эколого-экономический анализ и эколого-экономическое обоснова-

ние. И наоборот, каждый экономический проект, каждое экономическое решение должно подкрепляться соответствующим технологическим обеспечением с учетом экологической безопасности. Обобщая вышесказанное, позволим себе сформулировать данную мысль следующим образом: экономика должна быть экологически безопасной, а экология – экономически целесообразной [10].

Реальный вклад России в обеспечение эколого-экономической безопасности и устойчивого развития мира в обозримом будущем может быть связан с решением ее собственных проблем, в том числе и в области образования: для страны, занимающей восьмую часть суши и восьмое место по численности населения в мире, это немало.

1. Аменд, А.Ф. Непрерывное эколого-экономическое образование учащихся общеобразовательных школ / А.Ф. Аменд, А.А. Саламатов // Образование и наука: Известия Уральского отделения РАО. – 2003. – № 3 (21). – С. 86–96.

2. Коптюг, В.А. Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г.): информ. обзор / В.А. Коптюг. – Новосибирск, 1993. – 62 с.

3. Максимова, М.М. В XXI век – со старыми и новыми глобальными проблемами / М.М. Максимова // Мировая экономика и международные отношения. – 1998. – № 10. – С. 5–22.

4. Мудрик, А.В. Социализация и «смутное время» / А.В. Мудрик. – М. 1991. – 78 с.

5. Образование в XXI веке: проблемы и поиски их решения: учеб. пособие / под ред. А.Ф. Аменды, В.В. Латушина. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. – 592 с.

6. Плешаков, А.А. Программа курса «Мир вокруг нас», 1 класс / А.А. Плешаков // Нач. шк. – 1995. – № 8. – С. 31–34.

7. Руденский, О.В. О глобальных проблемах цивилизации: сомнения и размышления / О.В. Руденский // Обществознание в шк. – 1999. – № 5. – С. 6–13.

8. Рябина, Н.П. Теория и практика подготовки будущего учителя к осуществлению эколого-экономического образования школьников: дис. ... д-ра пед. наук / Н.П. Рябина. – М., 1998. – 396 с.

9. Рябчиков, А.К. Экономика природопользования: учеб. пособие / А.К. Рябчиков. – М.: Элит-2000, 2003. – 192 с.

10. Саламатов, А.А. Экологизация экономической подготовки старших школьников в системе профильного обучения: дис. ... д-ра пед. наук / А.А. Саламатов. – Челябинск, 2010. – 418 с.

11. Саламатов, А.А. Эколого-экономическое образование в профильной школе: теоретико-методологические аспекты: монография / А.А. Саламатов. – М.: Информационно-издательский центр АТиСО, 2004. – 187 с.

12. Сасова, И.А. Непрерывная социально-экономическая подготовка: программы для общеобразоват. школы (6–11 кл.) / И.А. Сасова, А.В. Алексеев, Т.В. Грищенко. – Кемерово, 1995. – 138 с.

References

1. Amend, A.F., Salamatov, A.A. (2003) Nepre-ryvnoe jekologo-jekonomicheskoe obrazovanie uchashihhsja obshheobrazovatel'nyh shkol [Continuous ecological and economical education in schools] // Obrazovanie i nauka: Izvestija Ural'skogo otdelenija RAO. N 3(21). 86–96 [in Rus].
2. Koptjug, V.A. (1993) Konferencija OON po ok-ruzhajushhej srede i razvitiju (Rio-de-Zhanejro, ijun' 1992 g.): inform. obzor [Informational revue: UN conference on environment and development (Rio de Janeiro, June, 1992)]. Novosibirsk, 62 [in Rus].
3. Maksimova, M.M. (1998) V XXI vek – so starymi i novymi global'nymi problemami [To the XXth century with old and new global problems] // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. N 10. 5–22 [in Rus].
4. Mudrik, A.V. (1991) Socializacija i «smutnoe vremja» [Socializing and “Vague time”]. M., 78 [in Rus].
5. Obrazovanie v XXI veke: problemy i poiski ih reshenija: ucheb. posobie (2003) [Education in XXIth century: problems and their solving: manual] / pod red. A.F. Amenda, V.V. Latjushina. Cheljabinsk: Juzh.-Ural. kn. izd-vo, 592 [in Rus].
6. Pleshakov, A.A. (1995) Programma kursa «Mir vokrug nas», 1 klass [Program of the course “The world around us”] // Nach. shk. N 8. 31–34 [in Rus].
7. Rudenskij, O.V. (1999) O global'nyh problemah civilizacii: somnenija i razmyshlenija [About global problems of civilization: doubts and thoughts] // Obshhestvoznanie v shk. N 5. 6–13 [in Rus].
8. Rjabinina, N.P. (1998) Teorija i praktika podgotovki budushhego uchitelja k osushhestvleniju jekologo-jekonomicheskogo obrazovanija shkol'nikov: dis. ... d-ra ped. nauk [Theory and practice of future teacher training for ecological and economical education of school students: dissertation thesis]. M., 396 [in Rus].
9. Rjabchikov, A.K. (2003) Jekonomika prirodopol'zovanija: ucheb. posobie [Economics of environmental management: manual]. M., Jelit-2000, 192 [in Rus].
10. Salamatov, A.A. (2010) Jekologizacija jekonomicheskoj podgotovki starshih shkol'nikov v sisteme profil'nogo obuchenija: dis. ... d-ra ped. nauk [Ecologization of economical training of school seniors in profile education system: dissertation thesis]. Cheljabinsk, 418 [in Rus].
11. Salamatov, A.A. (2004) Jekologo-jekonomicheskoe obrazovanie v profil'noj shkole: teoretiko-metodologicheskie aspekty: monografija [Ecological and economical education in profile school: theoretic and methodology aspects: monograph]. M., Informacionno-izdatel'skij centr ATiSO, 187 [in Rus].
12. Sasova, I.A., Alekseev, A.V., Grishhenko, T.V. (1995) Nepreryvnaja social'no-jekonomicheskaja podgotovka: programmy dlja obshheobrazovat. shkoly (6–11 kl.) [Continuous social and pedagogical training: programs for common education schools]. Kemerovo, 138 [in Rus].

UDC 338:504

ENVIRONMENTAL AND ECONOMIC SAFETY OF RUSSIA: FUTURE IN RETROSPECTIVE. PART II

Salamatov Artem Arkadyevich,
Chelyabinsk State Pedagogical University,
Institute of Vocational Training
and Professional Education,
The Director,
Doctor of Political Science, Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: saa@cspu.ru.

Annotation

The article examines the socio- historical preconditions of formation and development of ecological problems and economic development of Russia, human potential as a factor of ecological and economic security, psychological and pedagogical aspects of its formation. Particular attention is paid to causes of contemporary global problems and their solutions by means of education.

Key concepts:

ecological and economic security;
ecological and economic education;
global issues;
human potential.

УДК 342.734

ПРОЖИТОЧНЫЙ МИНИМУМ КАК ГАРАНТИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД

Трофимова Галина Анатольевна,

Научно-исследовательское объединение
«Правовая инициатива»,
эксперт,
г. Иркутск, Россия.
E-mail: Trofimova_Galy@mail.ru

Аннотация

Права и свободы человека нуждаются в обеспечении их соответствующими правовыми средствами. Одной из гарантий является установленный законом прожиточный минимум. Именно от его реальной величины зависит способность граждан к реализации большинства продекларированных Конституцией РФ прав. Каковы же параметры расчета минимального прожиточного уровня в РФ и насколько они отражают реальные потребности каждого гражданина страны, попытался выяснить автор данной статьи.

Ключевые понятия:
прожиточный минимум,
конституционные гарантии,
социальное государство,
право на охрану здоровья,
право на жизнь,
права и свободы человека и гражданина,
финансовые гарантии,
потребительская корзина,
защита конституционных прав.

Низкий жизненный уровень населения – одна из насущных проблем российской действительности на протяжении уже многих десятилетий. А между тем Конституцией РФ еще более двадцати лет назад было определено, что Российская Федерация – это социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ч. 1 ст. 7).

Неоспорим и тот факт, что кроме отсутствия политических запретов и ограничений для обеспечения достойных условий существования человека необходимы деньги, и именно их получение в достаточном количестве каждым человеком может обеспечить реальное исполнение предписаний Конституции РФ.

Финансовая составляющая служит непременным условием для реализации и других прав, провозглашенных Основным Законом страны: права на жизнь (ч. 1 ст. 20), на охрану здоровья и медицинскую помощь (ч. 2 ст. 7 и ч. 1 ст. 41), на жилище (ч. 1 ст. 40). Ни жилье, ни питание и одежда, а также большая часть медицинских услуг не предоставляются бесплатно, а значит, требуют соответствующих материальных затрат.

Финансовая гарантия в реализации зафиксированных прав и свобод является непосредственным условием их реализации. Каким же образом должна быть обеспечена эта составляющая? Та же Конституция РФ предлагает два пути. Первый и основной – посредством предоставления каждому гражданину РФ права заниматься предпринимательской деятельностью (ч. 1 ст. 34) и свободы трудиться (ч. 1 и 3 ст. 37), причем труд гарантирован устанавливаемым государством минимальным размером его оплаты (ч. 2 ст. 7). То есть человеку дается право зарабатывать деньги самому. Второй путь – когда государство предоставляет социальное обеспечение (ч. 1 ст. 39), если человек в силу нетрудоспособности не может позаботиться о себе сам.

Большинство российских граждан не являются предпринимателями и возможностью для занятия этой деятельностью не обладают. Любой бизнес требует знаний, денег и способностей. К сожалению, как раз о третьем ресурсе ни в одном официальном документе относительно предпринимательства речь не идет. Однако нельзя человека заставить работать в любой сфере деятельности, каждый обладает своими, сугубо индивидуальными наклонностями.

Таким образом, подавляющая часть взрослого населения страны может получить деньги, лишь предлагая свой труд, становясь наемными работниками. Но далеко не

всякая зарплата соответствуют тому уровню финансовой обеспеченности, при котором возможна реализация названных Конституцией РФ прав. Получается, что даже трудоспособный и работающий человек не всегда может обеспечить себя всем необходимым. И по справедливому замечанию А.С. Кашлаковой, «поскольку ... законодательно установленный минимальный размер оплаты труда меньше прожиточного минимума, то он не обеспечивает даже права на жизнь, не говоря о достойной жизни» [1, с. 27].

С момента принятия Конституции РФ государство не отказывалось от обязанности устанавливать минимальный размер оплаты труда, почти каждый год он подлежит обновлению в связи с ростом цен. Но что на самом деле означает эта цифра и какое непосредственное отношение она имеет к финансовой гарантированности конституционных прав? Ежеквартально исчисляемая правительством РФ и правительствами (администрациями) субъектов РФ сумма минимального прожиточного уровня все время превышает минимальный размер оплаты труда, а, значит, практической значимости в гарантированном государством минимальном размере оплаты труда нет.

Так, Постановлением Правительства РФ от 6 сентября 2014 года № 905 «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации за II квартал 2014 г.» прожиточный минимум был установлен в размере 8192 рубля в месяц (для трудоспособного населения – 8834 рубля) [8].

Минимальный размер оплаты труда с января 2015 года составляет 5965 рублей в месяц [10]. То есть МРОТ по-прежнему отстает от минимума, необходимого человеку для проживания.

Тем самым можно констатировать, что в самой Конституции РФ снижена планка гарантированности названных прав. Простого обеспечения минимального размера оплаты труда, который может быть настолько малым, что не решает насущных проблем жизненной обеспеченности человека, недостаточно, эта гарантия должна быть установлена посредством иной составляющей – прожиточного минимума.

При принятии Трудового кодекса РФ [11] в декабре 2001 года была сделана попытка восполнить этот пробел. В частности, было провозглашено, что МРОТ устанавливается одновременно на всей территории РФ федеральным законом и не может быть ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения (ст. 133 ТК РФ); одновре-

менно было определено, что порядок и сроки поэтапного повышения МРОТ до размера, предусмотренного ч. 1 ст. 133 ТК РФ, прописываются в федеральном законе (ст. 421 ТК РФ). Но такой закон до сих пор не принят, то есть Федеральное Собрание РФ как орган законодательной власти так и не выполнило для себя же созданной обязанности.

Но и вторая фиксируемая на сегодняшний день цифра, обозначающая необходимый минимум продуктов питания, а также потребности в одежде, обуви и других вещах, обеспечивающих существование человека, и затрат на оплату коммунальных платежей и медицинских услуг, иначе говоря – прожиточный минимум, также вызывает сомнения.

Величина прожиточного минимума на душу населения определяется на основе потребительской корзины и данных федерального органа исполнительной власти по статистике об уровне потребительских цен на продукты питания и индексах потребительских цен на продукты питания, непродовольственные товары и услуги и расходов по обязательным платежам и сборам. Такое правило закреплено Федеральным законом от 24 октября 1997 года № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» [7].

В каждом регионе с учетом его специфики и на основе методики, разработанной Правительством РФ, приняты законы и правительственные акты, направленные на утверждение как потребительской корзины в целом, так и суммы прожиточного минимума. Правда, в большинстве случаев регионы стараются подражать правительственным цифрам, а не фиксировать ту сумму, которая действительно будет отражать уровень цен в регионе и обеспечивать минимально необходимые нужды.

С января 2013 года потребительская корзина в целом по России сформирована в новом составе и объемах: с целью повышения качества питания увеличена норма потребления в среднем на одного человека в год мясопродуктов, рыбопродуктов, молокопродуктов, яиц, овощей, бахчевых и свежих фруктов, и снижена норма потребления по хлебным продуктам, картофелю, маслу растительному, маргарину и другим жирам [9, с. 59]. Если же брать прежние показатели, то общая энергетическая ценность суточного рациона была равна уровню 1913 года [3, с. 15].

На основе новой методики подсчетов, Правил исчисления величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по РФ, установленных постановлением правительства РФ [6], должны

быть определены лишь конкретные нормативы продуктов питания в расчете на 1 человека. Их стоимость рассчитывается исходя из средних цен; что касается непродовольственных товаров и услуг, то размер затрат на них подлежит определению посредством деления стоимости продуктов на два.

Ранее непродовольственные товары были установлены в натуральных показателях и не отражали реального ценового уровня в соотношении с отмеряемым сроком службы и целевым предназначением изделия. В частности, в соответствии с постановлением правительства Иркутской области от 30.04.2009 № 134-пп «О методике исчисления величины прожиточного минимума в Иркутской области» [8] были определены следующие показатели.

Зимнее пальто стоимостью 5665,36 рубля для женщины (за 3293 рубля для мужчины) должно было прослужить 7 (8) лет, а меховой головной убор по цене 1348,19 рубля для женщины (для мужчины – за 1348,89 рубля) – не менее 7 (6) лет; срок износа домашнего одеяла был равен 20 годам, пододеяльника – 8; одни тапочки были рассчитаны на срок не менее трех лет. Разумеется, для людей пенсионного возраста был установлен более продолжительный срок износа вещей.

То есть при определении стоимости вещи и срока ее износа не учитывались ни природно-климатические условия региона, ни качество приобретаемого по самой низкой цене непродовольственного товара.

Но и новая методика расчета, предложенная правительством РФ, не изгладит ситуацию, а лишь избавила чиновников от определения количества необходимых товаров и услуг, а также фиксации их цен.

Нужно отметить, что в составе расходов по обязательным платежам и сборам при определении прожиточного минимума подлежит учету только величина налога на доходы физических лиц, иные обязательные платежи и сборы в указанных расходах не учтены (п. 13 Правил). Но ведь кроме подоходного налога приходится делать еще ряд платежей, в числе обязательных почти для каждого: уплачивать налог на имущество (ст. 399–401 НК РФ [4]), то есть на ту квартиру или дом, где проживает налогоплательщик, и земельный налог (п. 1 ст. 388 НК РФ) в случае, если лицо проживает в частном секторе города или в сельской местности.

Объем услуг, необходимых человеку для проживания, явно занижен. А к ним еще относятся и вынужденные затраты на ремонт квартиры, починку одежды и обуви, затраты на лечение (квоты на обследование и лече-

ние предоставляются в ограниченном количестве), а также немалые затраты на оплату коммунальных услуг, примерно 2300 рублей в расчете на одного человека, проживающего на площади однокомнатной квартиры, без учета расходов на услуги связи (телефон сотовый или стационарный, радио и Интернет), телевидение и домофон.

Не предусмотрены и такие вероятные расходы, которые могут быть связаны с уплатой государственной пошлины, например, при обращении в суд за защитой своих прав, оформлением или переоформлением прав на квартиру, земельный участок, установку счетчиков на потребление воды и других средств жизнеобеспечения, которые также, вероятно, следует относить к числу расходов на услуги.

В определении того минимума средств, которые необходимы человеку, по-прежнему не включены расходы, связанные с содержанием ребенка или иного лица, находящегося на попечении, правда, за исключением методики расчета подоходного налога, где его сумма определяется с учетом сделанного вычета на ребенка (п. 14 Правил).

То есть прожиточный минимум рассчитан на гражданина, на содержании у которого не имеется ни нетрудоспособного супруга или бывшего супруга, ни нетрудоспособных родителей или совершеннолетнего нетрудоспособного ребенка, ни несовершеннолетнего ребенка. Иначе говоря, на граждан, у которых, кроме уплаты подоходного налога, нет и не может быть других обязательств.

Не зафиксированы затраты ни на аренду жилья, ни на его приобретение [2, с. 235].

По установленной методике распределения средств, необходимых человеку для проживания, можно сделать небольшой расчет.

Так, если прожиточный минимум для трудоспособного человека равен 8192 рублям, и он состоит из суммы потребительской корзины и расходов по обязательным платежам и сборам (п. 15 Правил), а основой для исчисления расходов по обязательным платежам и сборам является стоимость потребительской корзины (п. 12 Правил), то минимум, который отводится на продукты питания в месяц, будет составлять половину потребительской корзины, а остальная часть будет приходиться на непродовольственные товары и услуги (по пятьдесят процентов от половины потребительской корзины). В результате несложных вычислений можно представить следующие цифры.

Прожиточный минимум = стоимость потребительской корзины + обязательные платежи (учтенный в Постановлении Правительства РФ подоходный налог, установленный на

основании п. 1 ст. 224 Налогового кодекса РФ в размере 13 процентов).

Стоимость потребительской корзины = $8192 \cdot 100\% / 113\% \approx 7249,56$ рубля.

Подходный налог $\approx 942,44$ рубля.

Минимум на продукты питания = 7249,56 / 2 = 3624,78 рубля.

Расходы на непродовольственные товары = 1812,39 рубля.

Расходы на оплату услуг = 1812,39 рубль.

Таким образом, примерно 120 рублей в день человек должен тратить на питание (здоровое и рациональное, как предписано законом). Думается, что комментарии здесь излишни.

Если взять предполагаемую достаточной суммой расходов на непродовольственные товары, то, безусловно, в регионах, где зима приходится на 5 месяцев в году, а температура бывает ниже сорока градусов мороза, граждане остались без права на сохранение собственного здоровья. Ведь дорогостоящие зимние вещи априори не могут уместиться в установленный алгоритм расчетов.

Затраты на услуги также имеют заниженные расценки. Достаточно себе представить только уплату двух сумм – минимум коммунальных услуг (без средств связи и других информационных источников) и транспортные расходы – при условии пользования транспортом лишь два раза в день (для поездки на работу и с работы), составляющие примерно 1200 рублей в месяц, и сумма уже будет не менее 3500 рублей.

И потому нет смысла рассуждать об охране здоровья гражданина, доступности культурных ценностей, широкомасштабном приобщении жителей страны к сети Интернет, возможности обращения в суд за защитой своих прав. Все это вынесено за рамки минимума, необходимого человеку для проживания.

Если ввести в число обязательных затрат еще и содержание ребенка по тем цифрам, которые предписаны, то есть равным 8192 рублям в месяц, то окажется, что прожиточный минимум, установленный на сегодняшний день правительством РФ, содержит совершенно невероятные, не соответствующие действительности цифры и методы расчетов.

Следует отметить и тот факт, что прожиточный минимум определяется правительством РФ на основе прошлого периода, притом спустя несколько месяцев со дня его истечения. Таким образом, официально признанный прожиточный минимум всегда основывается на устаревших данных, не отражающих реальные цены на товары и услуги.

Какие же конституционные гарантии можно, а потому необходимо использовать, чтобы изменить существующее положение дел?

Во-первых, в соответствии с принципом демократии источником власти в стране является народ (ч. 1 ст. 3 Конституции РФ), а потому выразить свое недовольство той или иной государственной политикой можно с помощью выборов (ч. 3 ст. 3 Конституции РФ), отвергнув кандидатуры народных избранников – авторов принятых неудовлетворительных законов либо поддерживающих их.

Во-вторых, в случае внесения изменений и дополнений в Конституцию РФ заменить «слабую гарантию» финансового обеспечения прав и свобод на «более сильную», то есть включить в Конституцию РФ требование об обязательном установлении гарантированного законом прожиточного минимума, обеспечивающего достойную жизнь человека.

В-третьих, закрепить ответственность органов государственной власти за применение методики исчисления прожиточного минимума, не соответствующей конечным показателям – сохранению жизни и здоровья граждан.

И только в этом случае можно будет обеспечить такие нормативы прожиточного минимума, которые бы служили прочной гарантией реализации гражданами своих конституционных прав.

1. Кашлакова, А.С. Правовое регулирование минимальной заработной платы как гарантия реализации работниками права на жизнь // Трудовое право в России и за рубежом. 2011, N 4, С. 27.

2. Ковригина, Е.А. Влияние минимального размера оплаты труда на развитие общественных интересов // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2012, T. 2, N 1, С. 235.

3. Милосердов, В.В. У российской бедности сельское лицо // Аграрный вестник Урала. 2007, N 3, С. 15.

4. Налоговый кодекс РФ (часть вторая) от 5 августа 2000 года N 117-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Правительства РФ от 6 сентября 2014 года N 905 «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации за II квартал 2014 г.» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Правительства РФ от 29 января 2013 года N 56 «Об утверждении Правил исчисления величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Собрание законодательства РФ. 1997. N 43. Ст. 4904.

8. СПС «КонсультантПлюс».

9. Толмачева, И. Обзор экономического законодательства // Экономико-политическая ситуация в России. 2012. N 12. С. 59.

10. Федеральный закон от 19 июня 2000 года N 82-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // СПС «Консультант-Плюс».
11. Федеральный закон от 30 декабря 2001 года N 197-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // СПС «Консультант-Плюс».

References

1. Kashlakova, A.S. (2011) Pravovoye regulirovaniye minimal'noy zarabotnoy platy kak garantiya realizatsii rabotnikami prava na zhizn' [Legal regulation of the minimum salary as the guarantee of realization of the right to life of employees] // Trudovoye pravo v Rossii i za rubezhom, N 4, 27 [in Rus].
2. Kovrigina, Ye.A. (2012) Vliyaniye minimal'nogo razmera oplaty truda na razvitiye obshchestvennykh interesov [Impact of minimal wage on the development of social interests] // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. T. 2, N 1, 235 [in Rus].
3. Miloserdov, V.V. (2007) U rossiyskoy bednosti sel'skoye litso [Russian poverty has its own face] // Agrarnyy vestnik Urals, N 3, 15 [in Rus].
4. Nalogovyy kodeks RF (chast' vtoraya) ot 5 avgusta 2000 goda N 117-FZ [The Tax Code of Russian Federation (2nd part) from August, 5th 2000 N 117-FZ] // SPS «Konsul'tant Plyus» [in Rus].
5. Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 6 sentyabrya 2014 goda N 905 «Ob us-tanovlenii velichiny prozhitochnogo minimuma na dushu naseleniya i po osnovnym sotsial'no-demograficheskim gruppam naseleniya v tselom po Rossiyskoy Federatsii za HH kvartal 2014 g.» [Russian Federation government order from September, 6th 2014 N 905 "About establishing a minimal living wage per capita and main socio-demographic groups in the whole of the Russian Federation for the II quarter 2014"] // SPS «Konsul'tant Plyus» [in Rus].
6. Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 29 yanvarya 2013 goda N 56 «Ob ut-verzhenii Pravil ischisleniya velichiny prozhitochnogo minimuma na dushu naseleniya i po osnovnym sotsial'no-demograficheskim gruppam naseleniya v tselom po Rossiyskoy Federatsii» [Russian Federation government order from January, 29th 2013 N 56 "About approval of the Rules of accounting minimal living wage per capita and main socio-demographic groups in the whole of the Russian Federation"] // SPS «Konsul'tant Plyus» [in Rus].
7. Sobraniye zakonodatel'stva RF [Collection of Legislation of Russian Federation], 1997, N 43, article 4904 [in Rus].
8. SPS «Konsul'tant Plyus» [Law Assistant System "Consultant Plus"] [in Rus].
9. Tolmacheva, I. (2012) Obzor ekonomicheskogo zakonodatel'stva [Review of economical legislation] // Ekonomiko-politicheskaya situatsiya v Rossii, N 12, 59.
10. Federal'nyy zakon ot 19 iyunya 2000 goda N 82-FZ (s posl. izm. i dop.) [Federal law from 19th of June 2000 N 82-FZ (with last corrections and additions)] // SPS «Konsul'tantPlyus» [in Rus].
11. Federal'nyy zakon ot 30 dekabrya 2001 goda N 197-FZ (s posl. izm. i dop.) [Federal law from 30th of December 2001 N 197-FZ (with last corrections and additions)] // SPS «Konsul'tantPlyus» [in Rus].

UBC 342.734

SUBSISTENCE MINIMUM AS A GUARANTEE OF CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS

Trofimova Galina Anatolyevna,
Scientific Research Association
"Legal Initiative",
Expert,
Irkutsk, Russia.
E-mail: Trofimova_Galy@mail.ru

Annotation

Human Rights and freedoms need to ensure their respective legal instruments. One of the guarantees is the statutory subsistence minimum. Its real value depends on the ability of citizens on realization of the majority of the aims stated in the Constitution of the Russian Federation of rights. The author of this article tried to find out: what are the parameters for calculating the minimum subsistence level in the Russian Federation, and how they reflect the real needs of every citizen of the country.

Key concepts:

subsistence,
the constitutional guarantees,
the social state,
the right to health,
right to life,
rights and freedoms of man and citizen,
financial guarantees,
consumer basket,
protection of constitutional rights.

УДК 351/354

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ОБЪЕКТЫ И ПРИОРИТЕТЫ. ЧАСТЬ I

Слепышев Алексей Львович,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ,
Челябинский филиал,
доцент кафедры
государственного управления,
правового обеспечения
государственной и муниципальной
службы,
кандидат исторических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: kgmu@rane74.ru

Аннотация

В статье рассматриваются объекты государственного управления в социальной, экономической деятельности, в окружающей естественно-социальной среде, а также приоритеты государственного управления в современной России.

Формулируются некоторые положения и условия возможного совершенствования государственного управления в России.

Ключевые понятия:

государственное управление,
объекты государственного управления,
приоритеты государственного управления.

Статья является логическим продолжением, ранее опубликованных работ, связанных с вопросами теории современного государственного управления, механизма его осуществления*. В статье рассматриваются объекты этого управления, его цели и приоритеты в отношении них. Особо подчеркнем, что под государственным управлением понимается весь возможный спектр управляющих действий государственных органов на объект управления как прямого (административного), так и непрямого (косвенного, регулятивного) воздействия. Известно, что объекты управления не входят формально в сам механизм государственного управления, они остаются как бы «за кадром». Однако изучать механизм государственного управления в отрыве от собственно того, ради чего он создается и работает, было бы весьма неразумно. То есть теоретически можно и нужно создать некий общий абстрактный механизм государственного управления безотносительно к объекту. И изучать механизм управления без представления о его объектах управления, как бы в отрыве от них, конечно возможно, но только в весьма общем теоретическом аспекте. Так, например, в учебном комплексе Е.В. Охотского представлены основные аспекты современного механизма государственного управления в России. Цели, принципы, правовые основы, субъекты государственного управления, организационная структура, ресурсное обеспечение, а также другие составляющие его осуществления [14]. Однако отсутствие в работе самих объектов государственного управления, привязка содержания государственного управления, к определенным, хотя бы общим, основным объектам управления, не позволило автору непосредственно раскрыть сам механизм управления, снизило прикладную полезность и значимость, безусловно, интересного и познавательного научно-учебного материала. В практике государственного управления нереально вести речь о его механизме осуществления без рассмотрения самого объекта управления. Рассуждать о его конкретном содержании и конструкции, необходимых ресурсах и технологии работы. Как можно реально говорить о механизме управления, его целях в отношении объекта управления, не зная, о каком, собственно, объекте вообще идет речь? Какие государ-

* См.: Слепышев А.Л., Довженко Д.В., Зырянов С.Г. Понятие, свойства и основные компоненты механизма государственного управления: региональный аспект // Социум и Власть. 2012. № 6, С. 81–87; Слепышев А.Л. Государственная экономическая политика: региональный аспект / Материалы Всероссийской научно-практической конференции (25 октября 2013 г.) / ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, 2013. С. 233–237; Слепышев А.Л. Государственное управление в современной России: теория и практика // Социум и власть. 2014. № 2, С. 91–96.

ственные органы должны быть задействованы в механизме управления, а какие нет? Какие и в каком виде требуются ресурсы, коммуникации и технологии, управляющие действия? Разве можно получить ответы на эти и другие вопросы управления, не понимая, о каком, собственно, его объекте идет речь? Для более глубокого понимания сущности управленческой деятельности государственных органов и осмысления ее реального механизма функционирования представляется необходимым рассмотреть (хотя бы в общих чертах, без глубокой детализации) сами объекты государственного управления, а также его приоритеты в отношении них.

Надо сказать, что в определении объектов государственного управления имеется существенная методологическая проблема: что или кого, собственно, следует считать объектом этого управления. Единого мнения и подхода в научно-профессиональной среде по данному вопросу до настоящего времени не существует. Г.В. Атаманчук замечает: «В научных публикациях зафиксировано несколько представлений об управляемых объектах государственного управления, придающих им во многом некорректный вид...суждения так называемых неолибералов вообще оставляют государство без управляемых объектов» [1, с. 87]. Он утверждает: «в качестве *управляемых со стороны государства* (его органов) – выступают те общественные отношения, виды деятельности и социальные роли, которые непосредственно связаны с воспроизводством материальных и духовных продуктов и социальных условий жизнедеятельности людей» [1, с.90]. И далее: «управляемые объекты подразделяются на следующие *видовые группы*: экономические, социальные и духовные» [1, с. 97]. Нельзя не согласиться с этими утверждениями. Вместе с тем предложенные им объекты государственного управления и их группировка бесспорно верны, но весьма абстрактны и не совсем понятны для прикладного использования. Они не отражают всего современного спектра объектов, находящихся в поле постоянного внимания и воздействия со стороны государственных органов. В результате данное определение объектов государственного управления и их группировку проблематично использовать в практике государственного управления. В частности, не понятно, какое отношение имеют государственные органы к таким, например, жизненным ситуациям, как обеспечение безопасности населения, отдельно взятого индивида, недружественные дейс-

ствия других государств, угроза со стороны радикальных религиозно-духовных организаций, опасная криминальная обстановка, неблагоприятное состояние окружающей общественной и природной среды. И как тогда быть с обеспечением прав и свобод человека и гражданина, провозглашенных в Конституции Российской Федерации? Кто их будет обеспечивать и защищать?

Определенный подход к рассмотрению и классификации объектов государственного управления предпринят Б.А. Райзбергом. Он пишет: «Структурирование объектов управления на основе представленной совокупности признаков или иных критериев заведомо не может быть однозначным, а сами группы являются пересекающимися в том смысле, что один и тот же объект может быть причислен к разным группам. Ввиду чрезвычайного разнообразия объектов государственного управления, многозначности их функций, свойств, назначения строгая, единообразная их структуризация вряд ли может быть осуществлена, что не устраняет необходимости выделения наиболее типичных групп объектов» [16, с. 50]. И отмечает: «Выделение отдельных групп объектов государственного управления при всем их разнообразии необходимо в целях их классификации и последующей дифференциации различных форм и методов управления применительно к разным видам объектов» [16, с. 49]. В самом широком смысле слова Б.А. Райзберг в объекты государственного управления включает «природу, людей, созданные людьми средства производства, духовные ценности, денежные средства, а также многообразные процессы, виды деятельности, отношения, в которых они задействованы. Совокупность объектов, попадающих в сферу воздействия со стороны государства, его аппарата, находящихся в зоне его управления, регулирования, столь велика, что мало отличается от всего того сущего в мире, что управляется людьми, обществом. Иначе говоря, государство в той или иной степени, прямо или косвенно распространяет свои бразды правления на все значимые объекты, процессы, отношения, доступные управленческому влиянию» [16, с.49]. Рассматривая, например, конкретно экономику как объект государственного управления, он структурно разделяет виды её объектов на три группы. Первая группа – предметно-осязаемые ценности (вещественные, информационные, духовные объекты: человеческий потенциал, имущество государственного сектора экономики, государственная казна, имущественные объекты негосударственной собственности). Вторая – процессы производства, распреде-

ления, обмена и потребления (производство и распределение общественных благ, трудовые процессы, финансово-бюджетные процессы, внешнеэкономические процессы). И третья – экономические отношения по поводу производства, распределения, обмена и потребления (производственные отношения, трудовые отношения, распределительные отношения, социальные отношения) [16. с. 49–56].

Следует заметить, что то или иное естественно-природное или социальное явление попадает в поле внимания и воздействия государственных органов тогда, когда оно становится необходимым условием и/или потребностью человеческой жизнедеятельности. Даже пусть и в отдаленной перспективе и с определенной долей вероятности.

В настоящей работе предлагается подход к определению и рассмотрению объектов государственного управления с позиции базисного понятия государства. Ведь, по сути, наиболее общим (всеохватывающим) объектом государственного управления выступает само состояние государства, его отдельных составляющих элементов и аспектов жизнедеятельности населения. Что представляет государство как объект управления и при каких условиях оно благополучно и жизнеспособно? Именно эти вопросы в первую очередь интересуют субъектов государственного управления. Государственное управление должно обеспечить целостность и жизнеспособность государства, благосостояние его населения, а также адекватность действий самих государственных органов современным реалиям.

Для того чтобы государство было жизнеспособно и комфортно для жизнедеятельности его населения и необходимо как форма организации общества-нации, как минимум требуется оптимальное и качественное взаимное состояние его трех основополагающих компонентов: суверенного национального пространства, населения (граждан и их объединений – института гражданского общества) и государственных органов (института государственного управления). Из этого следует, что все эти три элемента, *именно все три*, должны непосредственно быть объектами государственного управления. Другими словами, государственное управление обязано обеспечить российской государственности стабильное, безопасное и процветающее развитие в интересах его населения. Поэтому приоритетными его целями и, соответственно, механизмами их осуществления должно стать обеспечение: территориальной целостности и государс-

твенного суверенитета страны, благосостояния населения, отдельных социальных групп и индивидуумов, их безопасной полноценной жизнедеятельности и адекватной интересам граждан и страны в целом деятельности самих государственных органов. Таким образом, в наиболее общем виде основными объектами государственного управления являются: суверенное национальное пространство, население страны, в том числе отдельно взятый индивид, объединения граждан и осуществляемая ими деятельность, а также государственные органы управления и их деятельность. Согласно диалектике государственного устройства, последние два объекта вместе представляют одновременно, с одной стороны – государственную власть – являются субъектами управления государства, а с другой – объектами государственного управления. В этом управлении первичная роль отводится гражданам, их политическим и социальным объединениям, контролю с их стороны за действиями государственных органов. Одновременно в непосредственном управлении процессами жизнедеятельности государства ведущая роль принадлежит государственным органам с привлечением к нему граждан и их формирований. Понятно, что каждый из этих двух объектов управления представляет собой весьма сложную, относительно автономную и самоорганизующуюся социальную систему управления. Необходимо заметить, что если национальное пространство и отчасти институт государственных органов как объекты управления институционально и структурно обозначены и определены в конституции государства, то в отношении населения (общества) и широкого спектра человеческих взаимоотношений, возникающих по различным основаниям их деятельности, все гораздо сложнее и запутанней. Здесь перечень объектов государственного управления весьма обширен и разнообразен, а сами объекты находятся в постоянном диалектическом взаимодействии и «переходе одного в другой». Это практически все сферы и области человеческого бытия, социальные взаимоотношения, возникающие в различной производственной, бытовой и иной социальной деятельности, а также естественно-социальная среда обитания. Естественно-природная окружающая среда выступает объектом государственного управления опосредованно, через человеческую деятельность. Без её соответствующего состояния для всего живого, использования ее ресурсов для человеческой деятельности жизнь на планете просто будет невоз-

можно. Социальная среда (политическая, общественная, культурная, бытовая и т.д.), ее состояние также оказывает существенное влияние на состояние жизнедеятельности общества и индивидуумов.

Государственная территория, точнее, национальное суверенное пространство как объект государственного управления, представляет совокупность составляющих его территориальных и иных пространственных компонентов. Во-первых, административно-территориальные единицы в виде субъектов РФ и муниципальных образований. Во-вторых: земля, ее ландшафт, водные и лесные ресурсы, флора и фауна, недра и воздушное пространство. Какие приоритеты государственного управления должны быть сформулированы перед механизмом государственного управления их состоянием? *Первый приоритет.* Охрана и защита целостности и суверенитета национального пространства, его отдельных компонентов как внутри страны, так и в международных и межгосударственных отношениях. *Второй* – обеспечение успешного социально-экономического развития субъектов РФ и муниципальных образований, оптимальное выравнивание условий жизнедеятельности в них. *Третий* – приведение структуры административно-территориального устройства страны в реально управляемое число равноправных по своему правовому статусу его субъектов. Административно-территориальное деление страны должно быть относительно консервативным во времени, но тем не менее подверженным адаптационным управленческим изменениям. Постепенное смещение в управлении политического акцента на этнические особенности той или иной территории, но с учетом их объективных социально-экономических, культурных, демографических и иных обстоятельств, а также возможности их целенаправленного социально-экономического системного взаимодействия. *Четвертый* – рациональное использование и контроль расходования национальных ресурсов в интересах большинства граждан (а не отдельных клановых группировок) и обеспечение безопасности страны. Разумный перевод национального богатства (природных, производственных, трудовых и иных ресурсов) в национальный капитал. То есть вовлечение потенциальных национальных ресурсов в экономическую деятельность, в воспроизводственные процессы для повышения капитализации национальной и региональных экономик, их конкурентоспособности. *Пятый* – контроль и обеспечение безопасной, благоприятной и комфортной для жизнедеятельности населения окружа-

ющей среды. Подразумевая под окружающей средой (в широком смысле слова) всю социально-природную инфраструктуру человеческого бытия. В том числе домашнюю среду обитания, жилые и производственные, торгово-развлекательные и культурно-оздоровительные здания и сооружения. Транспорт (автомобили, поезда, самолеты, метро и другие транспортные средства) и все виды пространственных коммуникаций. Бытовое и производственное оборудование, приборы, механизмы и т.д. Окружающая природа (в том числе земля, вода, леса, недра) и воздушное пространство. То есть все, что повседневно, постоянно окружает и сопровождает человеческую жизнедеятельность.

Следующим объектом государственного управления выступает значительная область жизнедеятельности населения, отдельных людей и социальных групп, связанная с политическими, социально-экономическими, культурными, демографическими, этническими, экологическими, религиозными, криминогенными и другими социальными процессами, возникающими в ходе них человеческими взаимоотношениями. Основными компонентами (подсистемами) являются сферы (области) жизнедеятельности населения и общества. Социальная сфера включает области (или отрасли с экономической точки зрения) здравоохранения, образования, культуры, а также политическую и общественную (гражданскую) деятельность, демографическую, этническую и религиозную ситуации, социальную защиту и государственную поддержку населения. Экономическая сфера (область) по территориальной классификации состоит из национальной, региональных (субъектов РФ) и местных экономик (муниципальных образований), а по производственно-товарному критерию – из отраслей экономики. Отдельным объектом внимания государственных органов управления в современных условиях выступает безопасность жизнедеятельности населения и общества в рамках страны и отдельно взятой территории.

Рассмотрим некоторые объекты и приоритеты государственного управления в социальной сфере с позиции управления происходящими в них процессами. *Здравоохранение* – это область жизнедеятельности и отрасль экономики, представляющая деятельность государственных, частных и иных организационно-правовых форм организаций по обеспечению здоровья и здорового образа жизни человека. Здравоохранение как область жизнедеятельности состоит из медицинских и иных организаций, обеспечивающих охрану и профилактику здоровья

населения, оздоровление и лечение людей, пропаганду и воспитание здорового образа жизни, а также регулирующих возникающие в ходе этой деятельности административно-правовые, профессиональные, социальные и иные взаимоотношения. Государственными приоритетами в здравоохранении являются. *Первый* – увеличение продолжительности жизни населения, приближение продолжительности жизни в стране к мировым стандартам долгожительства. *Второй* – сохранение работоспособности и разумной деятельности людей не только до пенсионного возраста, но и в дальнейшем. *Третий* – обеспечение эффективной профилактики состояния здоровья и максимально ранней диагностики недугов. *Четвертый* – доступность услуг здравоохранения и оздоровления для всех социальных групп населения независимо от их материальных возможностей, обеспечение условий для ведения ими здорового образа жизни. *Пятый* – профессиональная полноценная подготовка медицинских и других сопутствующих специалистов. *Шестой* – создание условий для оснащения и поддержки здравоохранения передовым медицинским оборудованием и современными технологиями. *Седьмой* – воспитание и пропаганда здорового образа жизни, разработка критериев и стандартов его оценки.

Образование – область жизнедеятельности и отрасль экономики, представляющие деятельность государственных, частных и иных организационно-правовых форм организаций по предоставлению образовательных услуг. Образование как объект государственного управления делится на относительно самостоятельные группы: общее образование, профессиональное образование, дополнительное образование и профессиональное обучение. Общее образование – вид образования, который направлен на развитие личности и приобретение знаний, умений, навыков необходимых для жизни человека в обществе, осознанного выбора профессии и получения профессионального образования [21]. Общее образование подразделяется на уровни: дошкольное и школьное (начальное, основное, среднее) образование. Общее образование обеспечивает становление и развитие человеческой личности, овладение первоначальным пониманием окружающего мира и адаптации в нем, привитие навыков трудовой деятельности и здорового образа жизни, приобщение к основам культуры и национального самосознания. Профессиональное образование – вид образования, который направлен на приобретение знаний, умений, навыков,

позволяющих вести профессиональную деятельность в определенной сфере и (или) выполнять работу по конкретной профессии или специальности. Профессиональное образование включает уровни: среднее профессиональное и высшее образование [21]. Его целями являются овладение трудовой профессией и приобретение специальности в конкретной области трудовой деятельности. Послевузовское образование (аспирантура, докторантура) предполагает получение ученой степени в различных областях научных знаний. Дополнительное образование включает дополнительное образование детей и взрослых, а также переподготовку и повышение профессиональной квалификации [21]. Государственное управление, механизм его реализации обязаны предусматривать специфику особенностей каждого из этих объектов.

В Российской Федерации существует разветвленная система образования, оказывающая весь выше представленный спектр образовательных услуг. Все названные формы образования и организации, их предоставляющие, в той или иной мере являются объектами государственного управления и контроля, в том числе со стороны профильных и специализированных государственных органов образования и государственного надзора. Например, исполнительных органов федерального и регионального уровня управления образованием, а также прокуратуры и службы федерального образовательного надзора. К основным воспитательно-образовательным организациям относятся: дошкольные (ясли, детский сад, детский комбинат), общеобразовательные (школа, гимназия, лицей, специализированный интернат), профессионального образования (лицей или училище с профессиональным профилем, колледж, техникум), высшего образования (институт, академия, университет), повышения квалификации и переподготовки (ведомственные организации и самостоятельные тренинг-консалтинговые и т.п. компании), а также специализированные (школа искусств, спортивная школа, коррекционная школа, детский дом, учебно-производственный межшкольный комбинат, курсы повышения квалификации и т.д.). Результатом образовательного процесса выступает образовательная услуга, которая, с одной стороны, удовлетворяет образовательную потребность человека (интеллектуально-духовное и профессионально-прикладное благо для человека), с другой – является товаром определенной стоимости. Поэтому государственное управ-

ление, с одной стороны, должно обеспечить наличие получения этой услуги-потребности, а с другой – возможность ее приобретения по рыночной стоимости и/или с помощью государственной поддержки (бюджетное финансирование получения образования). Приоритеты государственного управления в образовании следующие. *Первый* – удовлетворение человеческой потребности в получении образования на основе конституционного права общедоступности и бесплатности дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования. *Второй* – привитие (обучение и воспитание) в ходе учебно-образовательного процесса знаний, культуры, национальной самоидентификации, здорового образа жизни для полноценной и осознанной жизнедеятельности в обществе и стране. *Третий* – обеспечение образовательной деятельности, как конкурентоспособной отрасли национальной экономики, в том числе на мировом рынке. *Четвертый* – организация подготовки профессиональных специалистов образовательного процесса по всему спектру учебно-научных дисциплин. Преподавателей, способных к выработке у обучающихся не только чисто профессиональных знаний и навыков, но также привитию им желания в сознательном и компетентном участии в социально-политической жизнедеятельности, нравственного и ответственного отношения к своей стране-нации. *Пятый* – поддержка разработки и применения передовых методик и технологий в образовательном процессе, оснащение учебно-научного процесса средствами и оборудованием, соответствующим мировым стандартам. Безусловно, это общие приоритеты государственного управления образовательной деятельностью, предметные цели находят свое выражение, в частности, в государственных стандартах обучения.

Культура, будучи многогранной характеристикой жизнедеятельности и уровня социального развития как отдельного человека, этнических общностей, социальных групп, так и нации в целом, находится в поле внимания и воздействия государственных органов. Культура в «Декларации прав культуры», разработанной под руководством академика Д.С. Лихачёва, определена как «сотворенная человеком материальная и духовная среда обитания, а также процессы создания, сохранения, распространения и воспроизводства норм и ценностей, способствующих возвышению человека и гуманизации общества» [5. с .29]. Это понимание роли человеческой культуры созвучно

с мнением профессора Калифорнийского университета Д. Мацумото. Он, определяя роль культуры в жизнедеятельности человека и общества, замечает: «Культура – это для нас тот же воздух, что и вода – для рыб» [11. с. 71]. Имеются и другие определения культуры. Например, как «исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях» [12, с. 499]. Исходя из приведенных определений культуры, можно утверждать, что это своеобразная духовно-материальная среда обитания человека с протекающими в ней духовно-нравственными процессами. А значит, для человеческой жизнедеятельности имеется необходимость, чтобы государственное управление обеспечивало её благоприятное состояние и развитие. Приоритетами государственного управления в отношении культуры как объекта управления выступают следующие. *Первый* – разработка и осуществление такой государственной политики в области культуры, которая способна обеспечить бережное сохранение и гармоничное развитие культур этносов в России в рамках единой духовно-нравственной общей культуры нации. Восприятие и признание этой государственной политики всеми народами-этносомами России. *Второй* – государственная защита и поддержка культурного наследия этносов Российской Федерации и его развитие с учетом особенностей традиций и ментальности этносов в гармоничном сочетании с общероссийскими законодательными и нравственными нормами жизнедеятельности. *Третий* – развитие национальной культуры должно одновременно сопровождаться приобщением россиян к пониманию и восприятию культуры других наций и общемировой культуры в целом. *Четвертый* – обеспечение и защита права свободного творчества и профессиональной деятельности людей в различных областях культуры (литература, искусство, наука, журналистика и т.д.) с одновременным государственным контролем соблюдения ими нравственных устоев и социально-правовых норм. *Пятый* – государственная поддержка и всестороннее содействие развитию научных исследований во всем многообразии научных дисциплин, с учетом негативных исторических уроков советского времени в отношении истории, генетики, кибернетики и многих других научных направлений. *Шестой* – приобщение

населения, в первую очередь молодежи, к культурным ценностям, в целом – повышение культурной образованности нации, не в последнюю очередь в политической культуре. *Седьмой* – создание условий для развития культуры этносов в современной России и российской национальной культуры как специфической экономической отрасли, производящей культурные ценности (блага), оказание ей требуемой финансовой и иной государственной поддержки.

Что касается политической и общественной деятельности граждан, нравственных основ жизнедеятельности, то государственное управляющее действие, как правило, ограничивается формированием их правовых норм (нормативно-правовых актов) и контролем их соблюдения. Для цивилизованного демократического государства характерно невмешательство государственных органов в организационно-содержательную часть этой социальной деятельности. В то же время государственное управление не может оставаться совершенно безразличным и безучастным к нравственно-духовному состоянию общества, особенно в непростые периоды государственности. Отсутствие духовной целостности общества неминуемо ведет к существенным негативным последствиям в развитии государственности. «Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп – милосердия, сочувствия, сострадания друг к другу, поддержки и взаимопомощи. Закон может защищать нравственность, но нельзя законом установить нравственность...Мы должны действовать не путем запретов, а укреплять прочную духовно-нравственную основу общества», – подчеркнул в своем Послании Президент Российской Федерации В.В. Путин [15. с. 2]. Приоритеты государственного управления здесь следующие. *Первый* – обеспечение и защита конституционных прав и свобод человека и гражданина в полном объеме и без надуманных властью ограничений. *Второй* – доступность (не формального, «искусственно» организованного государственным аппаратом) участия в государственном управлении представителей политических организаций, в том числе оппозиционных и иных объединений граждан и населения, отдельного гражданина, а также к государственным средствам массовой информации. *Третье* – содействие в организации и защите свободной деятельности политических и общественных организаций, выражении ими и отдельными гражданами своих мнений по государственным и иным социальным вопросам и проблемам в рамках действующего законодательства.

1. Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления: учебник. 3-е изд., стер. М.: Изд-во Омегал, 2013. 525 с.
2. Бутаев, В. Почему за два месяца 208 тысяч российских предпринимателей закрыли свой бизнес // Комсомольская Правда. N 6 (448), 2013. 26 февраля.
3. Гонтмахер, Е. Интервью замдиректора Института мировой экономики и международных отношений. «Недоученный и недоленный человек развивать экономику не сможет» // Комсомольская Правда, 2012, 25 января.
4. Гурвич, Е. Долгосрочные перспективы Российской экономики // Экономическая политика, 2013. N 3.
5. Декларация прав культуры // Известия, 2006. 24 мая.
6. Капелюшников, Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России? // Вопросы экономики, 2013. N 1.
7. Комсомольская Правда, 2011, 20 мая, (По данным Минэкономразвития).
8. Конституция Российской Федерации. СПб.: Питер, 2013. 64 с.
9. Куликов, В.В., Роик В.Д. Социальная политика как приоритет и приоритеты социальной политики // Российский экономический журнал, 2005. N 1.
10. Львов, Д.С. Почему богатая Россия такая бедная? // Финансовый контроль июль, 2004, N 7. с. 26–34.
11. Мацумото, Д. Человек, культура, психология. Удивительные загадки, исследования и открытия. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. 668 с.
12. Новый словарь иностранных слов. Минск: Современный литератор, 2008. 1088 с.
13. Олейников, Е.А. Экономическая и национальная безопасность: учебник, М.: Изд-во Экзамен, 2004. 768 с.
14. Охотский, Е.В. Теория и механизмы современного государственного управления: учебно-методический комплекс. М.: Изд-во Юрайт, 2013. 701 с.
15. Путин, В.В. Норма в России должна стать семьей // Комсомольская Правда, 2012. 13 декабря.
16. Райзберг, Б.А. Государственное управление экономическими и социальными процессами: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М. 2010. 384 с.
17. Римашевская Н. Директор института социально-экономических проблем народонаселения РАН: «Щей с жемчугом не бывает» // Финансовый контроль, 2004. октябрь (N10).
18. Савицкий А.Г. Национальная безопасность. Россия в мире: учебник для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 463 с.
19. Территориальное управление экономикой. Словарь-справочник. М.: Финансы. 1997. 224 с.
20. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года N537 (ред. от 1 июля 2014г.) «О стратегии национальной безопасности».
21. Федеральный закон от 29 декабря 2012 года N273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», Ст. 2.
22. Экономический словарь / А.И. Архипов [и др.]: отв. ред. А.И. Архипов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2013. 672 с.

References

1. Atamanchuk, G.V. (2013) *Teoriya gosudarstvennogo upravleniya: uchebnik* [Theory of state management: manual]. 3-ye izd., ster. M.: Izd-vo Omega-L, 525 [in Rus].
2. Butayev, V. (2013) *Pochemu za dva mesyatsa 208 tysyach rossiyskikh predprinimateley zakryli svoy biznes* [Why have 208 thousand Russian entrepreneurs closed their business for two months?] // *Komsomol'skaya Pravda*. N 6(448), 26 fevralya [in Rus].
3. Gontmakher, Ye. (2012) *Interv'yu zamdirektora*

Instituta mirovoy ekonomiki i mezhdunarodnykh otnosheniy. «Nedouchennyi i nedolechennyi chelovek razvivat' ekonomiku ne smozhet» [Interview of the vice-director of the Institute of world economy and international relations. "Half-taught and half-treated man cannot develop the economy"] // Komsomol'skaya Pravda, 25 yanvarya [in Rus].

4. Gurvich, Ye. (2013) Dolgosrochnyye perspektivy Rossiyskoy ekonomiki [Long term prospective of Russian economy] // Ekonomicheskaya politika, N 3 [in Rus].

5. Deklaratsiya prav kul'tury [The Declaration of Culture Rights] // Izvestiya, 2006. 24 maya [in Rus].

6. Kapelyushnikov, R.I. (2013) Skol'ko stoit chelovecheskiy kapital Rossii? [How much does human capital in Russia cost?] // Voprosy ekonomiki, N 1 [in Rus].

7. Komsomol'skaya Pravda, 2011, 20 maya, (Po dan-nyam Minekonomrazvitiya) [in Rus].

8. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii [Russian Constitution]. SPb.: Piter, 2013, 64 [in Rus].

9. Kulikov, V.V., Roik V.D. (2005) Sotsial'naya politika kak prioritet i priorityety sotsial'noy politiki [Social politics as priority and priorities of social politics] // Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal, N 1 [in Rus].

10. L'vov, D.S. (2004) Pochemu bogataya Rossiya takaya bednaya? [Why is rich Russia so poor?] // Finansovyy kontrol' iyul', N 7, 26–34 [in Rus].

11. Matsumoto, D. (2008) Chelovek, kul'tura, psikhologiya. Udivitel'nyye zagadki, issledovaniya i otkrytiya [Man, culture, psychology. Surprising puzzles, studies and discoveries]. SPb.: Praym-Yevrozna, 668 [in Rus].

12. Novyy slovar' inostrannykh slov [New dictionary of foreign words]. Minsk: Sovremennyy literator, 2008. 1088 [in Rus].

13. Oleynikov, Ye.A. (2004) Ekonomicheskaya i natsional'naya bezopasnost': uchebnik [Economic and national security: manual], M.: Izd-vo Ekzamen, 768 [in Rus].

14. Okhotskiy, Ye.V. (2013) Teoriya i mekhanizmy sovremennoy gosudarstvennoy upravleniya: uchebno-metodicheskiy kompleks [Theories and mechanisms of modern public administration]. M.: Izd-vo Yurayt, 701 [in Rus].

15. Putin, V.V. (2012) Normoy v Rossii dolzhna stat' sem'ya [Family should be the norm for Russia] // Komsomol'skaya Pravda, 13 dekabrya [in Rus].

16. Rayzberg, B.A. (2010) Gosudarstvennoye upravleniye ekonomicheskimi i sotsial'nymi protsessami: ucheb. posobiye [Public administration of economic and social processes: manual]. M.: INFRA-M, 384 [in Rus].

17. Rimashevskaya, N. (2004) Direktor, instituta sotsial'no-ekonomicheskikh problem narodonaseleniya RAN: «Shchey s zhemchugom ne byvayet» [The director of the Institute of social and economic problems of population of Russian academy of science: "Shchi with pearls is impossible"] // Finansovyy kontrol', oktyabr' (N10) [in Rus].

18. Savitskiy, A.G. (2012) Natsional'naya bezopasnost'. Rossiya v mire: uchebnik dlya studentov vuzov [National security. Russia in the world: manual for universities]. M.: Yuniti-Dana, 463 [in Rus].

19. Territorial'noye upravleniye ekonomikoy. Slovar'-spravochnik [Territorial economic administration. Dictionary and reference book]. M.: Finansy, 1997, 224 [in Rus].

20. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 12 maya 2009 goda N537 (red. ot 1 iyulya 2014g.) «O strategii natsional'noy bezopasnosti» [the Russian President decree from May, 12th 2009 N537 "About national security strategy"] [in Rus].

21. Federal'nyy zakon ot 29 dekabrya 2012 goda N273-FZ «Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii» [Federal law from December, 29th 2012 N 273-FZ "About education in Russian Federation"], St. 2[in Rus].

22. Ekonomicheskii slovar' [Economic dictionary] / A.I. Arkhipov [i dr.]: otv. red. A.I. Arkhipov. 2-ye izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2013. 672 [in Rus].

UDC 351/354

PUBLIC ADMINISTRATION: OBJECTS AND PRIORITIES. PART I

Slepyshev Aleksey Lvovich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Associate Professor of the Department Chair of Public Administration, Legal Support of State and Municipal Services, Cand. Sc. (History), Chelyabinsk, Russia.
E-mail: kgmu@rane74.ru

Annotation

The article deals with the objects of public administration in the social and economic activities in the natural and social environment, as well as the priorities of government in modern Russia. Some terms and conditions of possible improvement of governance in Russia are proposed by the author.

Key concepts:

governance, objects of public administration, priorities of government.

УДК 94(47).084.9

ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СССР НА ПЕРЕЛОМНОМ ЭТАПЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ОБЛАСТЕЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА)

Молодов Олег Борисович,

Институт
социально-экономического развития
территорий РАН,
старший научный сотрудник,
кандидат исторических наук,
г. Вологда, Россия.
E-mail: o_young8172@mail.ru

Аннотация

Статья посвящается важному этапу истории государственно-конфессиональных отношений в СССР, когда государство постепенно отказывается от вмешательства во внутренние дела религиозных общин, и создаются предпосылки реализации свободы вероисповедания. Статья основана на материалах архивов Архангельской и Вологодской областей, а также некоторых опубликованных источниках.

Ключевые понятия:
государство,
конфессия,
Совет по делам религий,
регистрация,
контроль.

В периодизации истории государственно-конфессиональных отношений в 1940–1980-е гг. выделяются несколько ключевых дат. Большинство исследователей едины во мнении, что отправной точкой отсчета является осень 1943 г. – начало «оттепели» в отношениях к Русской православной церкви (далее – РПЦ) и верующим. Напротив, 1958–1964 гг. были ознаменованы, по выражению М.В. Шкаровского, «последней атакой на РПЦ» и связаны с деятельностью Н.С. Хрущева, пытавшегося, наряду с другими ошибками прежнего «вождя», пересмотреть его конфессиональную политику.

«Брежневский» период, несмотря на широкомасштабную атеистическую пропаганду, отличался относительной стабильностью отношений КПСС и государства к религиозным объединениям. В 1970-х – начале 1980-х гг. начали вызревать предпосылки будущего «прорыва» в отношении с РПЦ, в том числе отчасти благодаря доброй воле государства. Несмотря на противоречивый характер изменений законодательства, с 1975 г. Церковь получила права ограниченного юридического лица, которых была лишена с 1918 года [28]. Поправки 1975 г. получили неоднозначную оценку современников. Так, председатель Совета по делам религий (далее – СДР) В.А. Куроедов одобрял указ за упорядочение процедуры обращения верующих в органы власти и утверждение «принципа централизации, предоставлявшего большие права Совету», который он возглавлял [18, с. 3–4]. Отец Глеб Якунин утверждал, что указ усложнил процедуру обращения граждан в государственные органы [24, с. 354]. По мнению Д. Поспеловского, законодательство 1975 г. имело двойной характер и стало «обоюдоострым оружием» [24, с. 355].

1970-е гг. отмечаются также ростом интереса к религии со стороны советской интеллигенции, видимо, разочарованной утопическими положениями марксистской идеологии. Если раньше уходили в Церковь в основном представители сельского населения, часто не имевшие даже среднего образования, то к началу 1980-х гг. ощущается рост образования и омоложение клира. Средний возраст священников Вологодской епархии в 1986 г. по сравнению с 1962 г., по нашим подсчетам, снизился с 54 до 47 лет [26, л. 13–17; 10, л. 20]. Уровень духовного образования, высшего и среднего, существенно вырос – с 12-ти из 29-ти до 20-ти из 31-го священника, завершивших обучение в академиях и семинариях [26, л. 13–17; 10, л. 20]. Кроме того, к середине 1980-х гг. многие служители РПЦ выделялись высоким уровнем светского образования: вологодский архиепископ Михаил (Мудьюгин)

имел степень кандидата технических наук и окончил высшие курсы иностранных языков; о. Георгий (Эдельштейн) заведовал кафедрой Костромского университета; Василий (Чугунов) получил диплом Московского государственного университета. То есть еще до начала «перестройки» Церковь существенно укрепила свой кадровый потенциал.

1988-й был третьим годом перестройки всех общественно-политических отношений. Появились первые ростки демократизации и гласности. В этих условиях дискриминация верующих и другие негативные проявления государственной конфессиональной политики не могли остаться в стороне от процесса ломки старых представлений и традиций. То, что 1988-й оказался годом празднования 1000-летия крещения Руси – не более чем счастливая совпадение, поскольку в прежние десятилетия о проведении связанных с юбилеем масштабных мероприятий просто не могло быть и речи. Данный праздник послужил дополнительным стимулом не только для роста интереса населения к церковной истории, но и его религиозной активности.

Политика государства в 1988 г. имела противоречивые черты. С одной стороны, чиновники ощущали необходимость пересмотра правовых основ и практики правоприменения в сфере деятельности религиозных объединений. С другой стороны, сильной оказалась инерция мышления региональных и местных представителей партийно-государственного аппарата, пытавшихся решать вопросы с прежних антирелигиозных позиций. Например, в г. Архангельске к юбилею крещения Руси приурочили день города, действуя по привычной схеме, заменив светским праздником «красный день» церковного календаря. Многие горожане предпочли увеселительные мероприятия, а посещаемость торжественных служб снизилась [3, л. 3–4].

До 1990 г. на всех уровнях власти продолжали работать специальные государственные и общественные органы контроля по вопросам религиозных объединений: СДР и его уполномоченные в республиках и областях, комиссии содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах при исполкомах Советов народных депутатов.

Положительную тенденцию в 1986–1988 гг. можно увидеть в кадровых переменах и «согласительской» политике чиновников при решении конкретных вопросов со стороны религиозных объединений и групп верующих. Председателем СДР стал в 1984 г. опытный дипломат К.М. Харчев, настроенный в своей деятельности на соблюдение прав верующих: «Наша цель была одна – чтобы верующие нашей страны ощущали себя полноправными гражданами, чувствова-

ли себя защищенными, имели возможность свободно исповедовать свою веру» [25]. В регионах непримиримых антирелигиозников в 1986–1987 гг. заменяют более лояльными уполномоченными – М.Ф. Ксенофоновым в Архангельской области и Н.А. Ворониным в Вологодской области. «Отношения и рабочие контакты с новым Уполномоченным <Ворониным> могут быть оценены только как позитивные», – докладывал в Патриархию архиепископ Михаил (Мудьюгин) [27, с. 3].

Впервые за три десятилетия положительно разрешаются ходатайства верующих северян о регистрации новых православных общин в г. Тотьме (Вологодская обл.), г. Корьяжме (Архангельская обл.), г. Мончегорске (Мурманская обл.) и г. Печоре (Коми АССР). С 1989 г. практика открытия православных храмов становится повседневной, и к концу 1990-х гг. их число на Европейском Севере увеличивается в несколько раз.

Как вспоминает про эти годы последний уполномоченный СДР по Архангельской области М.Ф. Ксенофонов, «пришлось проводить политику партии, направленную на освобождение церквей из-под гнета государства». Из Москвы инструктировали: «разрешай все, но постепенно». Ксенофонов, сам крещенный «в далеком детстве... потом воспитывался как атеист. Но мне повезло, – вспоминает он, – ни разу не надо было очень резко проявлять свои взгляды» [17, с. 7].

Естественно, что в силу должностных обязанностей уполномоченные СДР по-прежнему контролировали деятельность религиозных общин и духовенства, проявления религиозности населения, пытались активизировать работу комиссий при райисполкомах, воспрепятствовать связям православного духовенства с образовательными учреждениями. Однако с 1988 г. ситуация существенно изменилась. Сам СДР начинает «перестраиваться» и рассылает на места рекомендации «ломать сложившиеся стереотипы в мышлении и поведении»: не препятствовать регистрации новых религиозных общин и передаче им церковных сооружений, исключить вмешательство в дела органов приходского управления [2, л. 44–45].

В отчетах областных уполномоченных в 1988–1989 гг. отмечается резкий скачок обрядности (см. Таблицу 1) и называется основная причина этого – отмена предъявления документа, удостоверяющего личность, полное исключение сведений о месте работы и жительства, которые ранее фиксировались в учетной документации приходов [13, л. 3]. Это лишило уполномоченных возможности обмена информацией о лицах, совершивших обряд крещения или венчания на подконтрольной им территории.

Архивные материалы 1988–1989 гг. отражают новые тенденции развития отношений государства и Церкви на местном уровне. Впервые за многие годы уполномоченным и райисполкомом дана отрицательная оценка фельетону «Поп и кампания», опубликованному в газете «Знамя» Красноборского района Архангельской области от 1 августа 1987 г. [1, л. 11]. Это в какой-то мере стало сигналом к окончанию кампании по дискредитации духовенства в СМИ, которая широкомасштабно проводилась в предыдущие десятилетия.

Как видно из документов, уполномоченный СПДР М.Ф. Ксенофонов неоднократно идет навстречу нуждам верующих, в том числе: ходатайствует о регистрации религиозных объединений, о восстановлении Успенской церкви в с. Черевково [6, л. 11]; не возражает в получении религиозной литературы из-за рубежа архангельскими баптистами [6, л. 25]; поддерживает просьбу верующих о запрете открытия ветеринарного кооператива у входа на Соломбальское кладбище, рядом с церковью Святого Мартина [6, л. 4].

Отношения с правящим архиереем также стали более доброжелательными. В частности, в 1989 г. епископ Пантелеимон (Долганов) приглашает уполномоченного на закладку нового здания епархиального управления, в ходе активной переписки обсуждает с ним вопросы возвращения Церкви храмов и духовной ли-

Для укрепления материального положения православных епархий и приходов важной вехой стало прекращение «добровольно-принудительных» взносов в патриотические фонды (Фонд мира и Фонд охраны памятников истории и культуры), которые в прежние годы достигали 30 и более процентов дохода. В ходе переписки с районными властями вологодский уполномоченный СДР разъясняет, что теперь перечисления должны осуществляться «исключительно в добровольном порядке, и какое-либо влияние на верующих не допускается» [15, л. 47].

Русская православная церковь в относительно благоприятной обстановке 1988 г. принимает новый церковный Устав, близкий по содержанию к каноническим предписаниям в вопросах церковного управления и статуса духовенства. Основным достижением для приходского уровня можно считать уход от известных поправок IV главы Устава об управлении РПЦ 1945 г., внесенных в 1961 году. Теперь настоятель прихода имел право возглавить органы приходского самоуправления и руководить финансово-хозяйственной деятельностью.

Ощутили позитивные изменения и представители конфессий протестантизма, в первую очередь, евангельские христиане-баптисты (далее – ЕХБ). Большинство групп баптистов Европейского Севера оставались незарегистрированными, хотя некоторые в

Таблица 1

Официальная статистика совершения православных обрядов в приходах Архангельской и Вологодской областей в 1985–1989 гг.

Год	Архангельская область		Вологодская область	
	крещений	венчаний	крещений	венчаний
1985	836	6	3049	8
1986	839	1	3228	15
1987	2160	5	5651	25
1988	4988	19	19548	54
1989	5728*	35*	39426	279

* Приведены данные за три квартала 1989 г.
Составлено по: ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 230, 234, 238, 242, 246; ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 57–60, 62.

тературы из государственных архивов области [4, л. 16; 7, л. 5, 21]. В отчете за 1988 г. вологодский уполномоченный также докладывает о позитивных сдвигах в отношениях с Церковью. Например, председатель Великоустюгского горисполкома установил деловые контакты с архиереем Михаилом (Мудьюгиным) и духовенством, помогал в приобретении стройматериалов для ремонта Стефановского собора [13, л. 5].

течение многих лет пытались легализоваться. Община ЕХБ г. Вологды получила регистрацию в 1988 г., а четыре объединившихся группы баптистов Устюженского района Вологодской области (всего 33 чел.) – в 1989 году [12, л. 9; 14, л. 21].

Первые признаки смягчения государственной конфессиональной политики в отношении баптистов-инициативников (сторонников Совета церквей – СЦ ЕХБ), принципиально от-

казывающихся от официальной регистрации, появились в 1987 году. Нелегальная газета «Братский листок» с радостью сообщает об освобождении восьмерых служителей СЦ, причем четверых досрочно [22, с. 2]. Однако в последнем номере года указывается, что многие братья продолжают «томиться в неволе», и перечислены восемь фамилий узников из открытого списка [19, с. 2].

Судя по публикациям, 1988 г., для баптистов-инициативников он также оказался весьма значимым. В более поздних изданиях «Листка» мы узнаем, что к концу 1988 г. все служители СЦ «возвратились из уз» [29, с. 2]. В ходе недели молитвы верующим предлагалось благодарить Господа за получение духовной литературы и участие детей в молитвенных собраниях [20, с. 2]. Это позволяет утверждать, что властями были сняты запреты на получение Библии и другой духовной литературы из-за рубежа и на привлечение несовершеннолетних к участию в богослужениях.

Публикации за 1989 г. сообщают о коренных изменениях в сфере реализации религиозных свобод. Беспрецедентным событием стало проведенное впервые в истории братства Всесоюзное совещание служителей СЦ ЕХБ (1–2 июля, г. Ростов-на-Дону), в котором участвовало около 2 тыс. человек [23, с. 1–4]. Кроме того, решились многие проблемы предыдущих десятилетий, касающиеся религиозной литературы и образования. В частности, в День благодарения (31 декабря) верующим предлагалось вознести молитвы за обилие духовной литературы. Там же отмечалось, что в прошедшем году повсеместно удалось провести библейские и регентские курсы, молодежные семинары для верующих [21, с. 2].

В вологодской группе адвентистов седьмого дня (далее – АСД) в 1985 г. насчитывалось 9 человек [8, л. 3; 9, л. 1–2], а в 1986 г. количество АСД возросло до 23 верующих [10, л. 11]. Как видно из документов, не все адвентисты проживали в г. Вологде, в частности, один из них – в Великоустюгском районе (почти за 500 км от областного центра) [10, л. 42]. То есть единой эту группу можно назвать лишь условно, учитывая то, что она объединяла верующих со всей области. Однако либерализация государственно-конфессиональных отношений привела к ее быстрой регистрации в ноябре 1987 г., когда численность верующих достигла 25 человек [11, л. 1]. Руководителем группы АСД с 1988 г. стал прибывший в г. Вологду В.Э. Виллуд, описанный секретарем горисполкома как «человек эрудированный», который будет проводить работу по вовлечению в общину новых членов [12, л. 21].

В конце 1980-х гг. государство не оставляло попыток сохранить механизмы контро-

ля за представителями нетрадиционных религий и предпринимало для этого тщетные и запоздалые усилия. Например, в отношении некоторых групп АСД и ЕХБ Советом по делам религий при Совмине РСФСР было издано специальное постановление от 25 октября 1989 г. «О мерах усиления работы с протестантскими объединениями в РСФСР, уклоняющимися от юридического признания (регистрации)» [5, л. 81]. Однако менее чем через год Закон СССР от 1 октября 1990 г. «О свободе совести и религиозных организациях» закрепил положение о необязательности уведомления государственных органов о создании религиозного общества (ст. 8 Закона) [16].

Таким образом, в конце 1980-х гг. сложился комплекс предпосылок для религиозного возрождения страны. Православная церковь в целом оказалась подготовленной к грядущим изменениям, поскольку сохранила традиции священнослужения, кадровый потенциал и определенное материальное благополучие. Празднование юбилея крещения Руси в 1988 г. стало событием, усилившим интерес к религии и Церкви и способствовавшим приходу к вере миллионов советских граждан.

Этот период стал переломным и во взаимоотношениях государства с иными религиозными объединениями, новые принципы которых отразились в законах СССР и РСФСР 1990 г., провозгласивших и гарантировавших свободу совести, невмешательство государства во внутренние дела общин и конфессиональное равенство.

1. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 5620. Оп. 3. Д. 237.
2. ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 241.
3. ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 242.
4. ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 244.
5. ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 245.
6. ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 247.
7. ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 248.
8. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 1300. Оп. 14. Д. 56.
9. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 57.
10. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 58.
11. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 59.
12. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 60.
13. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 61.
14. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 62.
15. ГАВО. Ф. 903. Оп. 4. Д. 600.
16. Закон СССР от 1 октября 1990 г. № 1689-1 «О свободе совести и о религиозных организациях» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 41. Ст. 813.
17. Ксенофонтов, М. Последний уполномоченный // АИФ в Архангельске. 1997. № 27.
18. Куроедов, В. Торжество ленинских принципов свободы совести // Наука и религия. 1978. № 1.
19. Молитвенное служение // Братский листок. 1987. № 6.
20. Неделя молитвы // Братский листок. 1988. № 6.
21. Новогоднее молитвенное служение // Братский листок. 1989. № 6.

22. Они дополнили нашу радость // Братский листок. 1987. № 1.

23. «Отверзи, Боже, то, что Ты сделал для нас» // Братский листок. 1989. № 4–5.

24. Поспеловский, Д.В. Русская православная церковь в XX в. М.: Республика, 1995.

25. Смирнов, М. Реформатор в кресле чиновника [Электронный ресурс] // НГ-религии. 17 сентября 2008 г. Режим доступа: http://religion.ng.ru/facts/2008-09-17_harchev.html

26. Текущий архив Вологодского епархиального управления. Годовой отчет за 1962 г.

27. Текущий архив Вологодского епархиального управления. Годовой отчет за 1986 г.

28. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июня 1975 г. «О внесении изменений и дополнений в Постановление ВЦИК и СНК "О религиозных объединениях" от 8 апреля 1929 г.» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1975. № 27. Ст. 572.

29. Утешились общей верой // Братский листок. 1990. № 3–4.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Arhangel'skoj oblasti (GAAO). F. 5620. Op. 3. D. 237 [in Rus].

2. GAAO. F. 5620. Op. 3. D. 241 [in Rus].

3. GAAO. F. 5620. Op. 3. D. 242 [in Rus].

4. GAAO. F. 5620. Op. 3. D. 244 [in Rus].

5. GAAO. F. 5620. Op. 3. D. 245 [in Rus].

6. GAAO. F. 5620. Op. 3. D. 247 [in Rus].

7. GAAO. F. 5620. Op. 3. D. 248 [in Rus].

8. Gosudarstvennyj arhiv Vologodskoj oblasti (GAVO). F. 1300. Op. 14. D. 56 [in Rus].

9. GAVO. F. 1300. Op. 14. D. 57 [in Rus].

10. GAVO. F. 1300. Op. 14. D. 58 [in Rus].

11. GAVO. F. 1300. Op. 14. D. 59 [in Rus].

12. GAVO. F. 1300. Op. 14. D. 60 [in Rus].

13. GAVO. F. 1300. Op. 14. D. 61 [in Rus].

14. GAVO. F. 1300. Op. 14. D. 62 [in Rus].

15. GAVO. F. 903. Op. 4. D. 600 [in Rus].

16. Zakon SSSR ot 1 oktjabrja 1990 g. №1689-1 «O svobode sovesti i o religioznyh organizacijah» // Vedomosti S#ezda narodnyh deputatov SSSR i Verhovnogo Soveta SSSR. 1990. № 41. St. 813 [in Rus].

17. Ksenofontov, M. Poslednij upolnomochennyj // AIF v Arhangel'ske. 1997. № 27 [in Rus].

18. Kuroedov, V. Torzhestvo leninskih principov svobody sovesti // Nauka i religija. 1978. № 1 [in Rus].

19. Molitvennoe sluzhenie // Bratskij listok. 1987. № 6 [in Rus].

20. Nedelja molitvy // Bratskij listok. 1988. № 6.

21. Novogodnee molitvennoe sluzhenie // Bratskij listok. 1989. № 6 [in Rus].

22. Oni dopolnili nashu radost' // Bratskij listok. 1987. № 1 [in Rus].

23. «Otverzi, Bozhe, to, chto Ty sdelał dlja nas» // Bratskij listok. 1989. № 4–5 [in Rus].

24. Pospelovskij, D.V. Russkaja pravoslavnaja cerkov' v HH v. M.: Respublika, 1995 [in Rus].

25. Smirnov, M. Reformator v kresle chinovnika [Elektronnyj resurs] // NG-religii. 17 sentjabrja 2008 g. Rezhim dostupa: http://religion.ng.ru/facts/2008-09-17_harchev.html [in Rus].

26. Tekushhij arhiv Vologodskogo eparhial'nogo upravljenija. Godovoj otchet za 1962 g [in Rus].

27. Tekushhij arhiv Vologodskogo eparhial'nogo upravljenija. Godovoj otchet za 1986 g [in Rus].

28. Ukaz Prezidijuma Verhovnogo Soveta RSFSR ot 23 ijunja 1975 g. «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Postanovlenie VCIK i SNK "O religioznyh ob#edinenijah" ot 8 aprelja 1929 g.» // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1975. № 27. St. 572 [in Rus].

29. Uteshilis' obshhej veroj // Bratskij listok. 1990. № 3–4 [in Rus].

UDK 94(47).084.9

THE STATE AND CONFESSIONAL RELATIONS IN THE USSR AT THE CRITICAL PERIOD (ON THE MATERIALS OF THE EUROPEAN NORTH)

Molodov Oleg Borisovich,

Institute of Socio-Economic Development of Russian Academy of Science,
Senior Research Fellow,
Cand. Sc. (History),
Vologda, Russia.

E-mail: o_young8172@mail.ru

Annotation

The article is devoted to the important period of history of the state and confessional relations in the USSR, when the state gradually refuses intervention in affairs of religious communities and prerequisites of realization of religious freedoms. The article is based on the materials of the archives of Arkhangelsk and Vologda regions, and some published sources also.

Key concepts:

state,
church,
Council for affairs of religions,
registration,
control.

УДК 94(470)

РОЛЬ МОНАСТЫРЕЙ В ОБЩЕСТВЕННОЙ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОСКОВСКОГО ДАНИЛОВА МОНАСТЫРЯ

Тетушкин Алексей Александрович,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ,
аспирант исторического отделения,
г. Москва, Россия.
E-mail: atetushkin@ranepa.ru

Аннотация

В статье на архивном материале рассматривается деятельность Данилова монастыря г. Москвы в части социально-го служения в конце XIX – начале XX в.

Автором делается вывод о широкой вовлеченности Православной церкви в общественные процессы, ее заметной роли в деле просвещения населения и надзора за неимущими слоями населения.

Ключевые понятия:

Данилов монастырь,
православная церковь,
церковно-приходские школы,
благотворительность.

В современной исторической науке неизменным остается интерес к роли церкви в общественной жизни России, появляются работы по истории отдельных монастырей и деятельности духовных иерархов, изучается их вклад в общественно-политическую и духовную жизнь страны.

В данной статье нами будет рассмотрена роль Данилова монастыря в общественной и духовной жизни Московской епархии в конце XIX – начале XX в. При этом основное внимание будет сфокусировано на благотворительной и просветительской деятельности монастыря, хотя, очевидно, социальная проблематика в рассматриваемый период охватывала более широкий круг вопросов (например, борьбу с пьянством, хулиганством, помощь голодающим и так далее).

Как представляется, Данилов монастырь являет собой уникальный пример духовной обители с богатой историей, на основе которого возможно проследить реализацию принципов социального служения Церкви в рассматриваемый период. В то же время следует отметить и одну важную особенность Данилова монастыря, которая заключалась в том, что «с середины XIX века должность настоятеля монастыря совмещалась с должностью благочинного московских епархиальных монастырей» [3, с. 61]

При написании работы были проанализированы материалы Российского государственного архива древних актов, в котором находится вся внутренняя документация Данилова монастыря, с 1681 по 1920 год.

Научная новизна заключается в проведенном в рамках данного исследования анализе благотворительной деятельности Данилова монастыря, ее влиянии на общественную и духовную жизнь России в конце XIX – начале XX века. Полученные в ходе исследования результаты позволяют по-новому взглянуть на возможности взаимодействия общества и Церкви в современном мире.

Данилов монастырь на протяжении всей своей истории оказывал большое влияние на развитие духовной жизни России, однако в конце XIX – начале XX века возрастает роль обители и в общественно-политической жизни страны. Это связано с тем, что, как верно отмечает А.А. Лановенко, «отличительной чертой идейной атмосферы общественной жизни пореформенной России во второй половине XIX века явилось понимание необходимости обновления страны.

Тема религии и общества, взаимоотношение, взаимодействие самодержавия и Православной Церкви становилась особенно актуальной» [4, с. 10]. В то же время «со второй трети XIX века в России начинается интенсивное развитие православной общечественности» [2, с. 115], что также заметно сказывается на повышении роли Церкви в социальной сфере.

Таким образом, мы можем говорить о том, что Православная церковь активно включается в общественную жизнь Российской империи, а деятельность ее отдельных приходов и монастырей следует рассматривать в общем контексте усиления сотрудничества между духовными и светскими институтами российского общества.

Как представляется, прежде чем проанализировать непосредственно деятельность Данилова монастыря в Москве, необходимо привести некоторые статистические данные, призванные продемонстрировать масштаб монастырской жизни в Российской империи в указанный период, чтобы более объективно определить вклад рассматриваемой нами обители. Итак, к началу XX в. в Империи существовало 1105 мужских и женских монастырей, в которых находилось 24444 монаха и 65959 монахинь [8, с. 9–10]. При этом в Московской губернии насчитывалось 38 мужских и 23 женских монастыря, в которых проживало 2219 мужчин и 3878 женщин [8, с. 11]. Что же касается конкретно Данилова монастыря, то к 1908 г. в нем было 16 монахов и 2 послушника [8, с. 407]. Столь небольшое количество обитателей монастыря связано с тем, что он относился к необщежительным монастырям. Следует отметить, что небольшое количество насельников было характерным для монастырей Московской епархии. Для примера: в Златоустинском монастыре – в то же время насчитывалось 11 монахов и 2 послушника, в Знаменском монастыре – 9 монахов и 12 послушников, в Спасо-Андроньевском монастыре – 18 монахов и 4 послушника и так далее [8, с. 418–422].

Одним из важных направлений деятельности Церкви в рассматриваемый исторический период была благотворительная деятельность. В своей диссертации «Благотворительная деятельность русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX века» Д.А. Пашенцевым была сформулирована концепция трех уровней церковной благотворительности, самой эффективной из которых являлась деятельность третьего уровня, проходив-

шая через церковные приходы. Главной целью этой работы была социальная защита неимущих слоев населения.

Рассмотрим деятельность Данилова монастыря на уровне духовной и общественно-политической жизни страны и конкретно Москвы, конца XIX – начала XX века. Братия Данилова монастыря, занимаясь повседневным монашеским трудом и исполняя наложенные постригом обязанности, при этом не устранилась от общения с внешним миром. Следуя долгу каждого православного христианина о необходимости несения слова Божия в мир, насельники обители не уклонялись от участия в духовной жизни общества.

Способом влияния на сознание и мировоззрение православных москвичей являлись богослужения, проводимые в монастыре, которые регулярно посещали многочисленные прихожане. Утренняя, Вечерняя и, конечно же, Литургия – важнейшие службы для мирян, которые традиционно заканчивались пастырским словом. Проповедь священника всегда содержала в себе духовные наставления, поучения, разъяснение основных принципов и правил православной веры, призывы к самосовершенствованию в рамках христианских традиций.

Данилов монастырь принимал активное участие в благотворительной жизни Российской империи конца XIX – начала XX в. В этом аспекте он является позитивным примером, который, как представляется, можно экстраполировать на всю деятельность Православной церкви в части благотворительной работы в рассматриваемый период. С одной стороны, мы можем говорить о том, что монастырь в полной мере реализовывал христианские принципы веры, доказывая своей повседневной деятельностью важность общественного служения в его христианской трактовке («По плодам их узнаете их», Мф. 7:20). С другой – на данном примере мы видим своего рода пример инкорпорирования Православной церкви в социальную сферу жизни российского общества, понимание ею необходимости соучастия в государственной социальной политике. Очевидно, что лучшим (и наиболее эффективным) способом этого соучастия для Церкви было приложение усилий по общественному надзору за наиболее незащищенными группами населения путем создания в своей структуре богоугодных заведений.

В результате, по благословению митрополита Московского и Коломенского Пла-

тона (Левшина), на территории обители была построена богадельня для престарелых женщин, способная принять двенадцать немощных женщин. В архивных материалах монастыря упоминается, что в 1874 году богадельню населяли пять пожилых женщин [1, Л. 3].

К богадельне был пристроен странноприимный дом, который позволял разместить двадцать человек; в нем были отведены места для лиц мужского и женского пола. Странноприимный дом был построен на средства неизвестного благотворителя; он представлял собой деревянный двухэтажный дом для принятия на ночлег странников и богомольцев.

В 1863 году стараниями архимандрита Данилова монастыря Иакова (Кроткова) и по благословлению святителя Филарета (Дроздова) в обители был открыт приют для заштатного духовенства, в том же году приют принял на содержание двенадцать заштатных священнослужителей, терпевших крайнюю нужду [1, Л. 3].

В 1902 году на территории обители открылась больница-приют для всех больных и престарелых монашествующих Московской епархии. Она была освящена митрополитом Московским священномучеником Владимиром (Богоявленским) в день 250-летней годовщины обретения мощей святого князя Даниила. Разместилась больница в здании бывших братских келий. Примечательно, что построена она была на взносы московских монастырей и впоследствии на их же отчисления содержалась [7, с. 76].

Еще одним важным направлением Православной церкви в рассматриваемый период была просветительская работа. Обладая определенным материально-техническим ресурсом (зданиями, инфраструктурой), а также хорошо подготовленными кадрами, Церковь включилась в деятельность по повышению образовательного уровня населения империи, в первую очередь в сельской местности. Как известно, большая часть населения на рубеже XIX–XX вв. проживала в сельской местности. Крестьянство было носителем православной веры в большей степени, нежели городское население, обладавшее иным уровнем образования и

подверженное секулярным тенденциям. При этом, согласно Общему своду по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г., средний процент грамотности населения Российской империи составлял 21,1%, т. е. грамотными являлись 26,5 млн чел. из 125,6 млн всего населения. Среди мужчин грамотных было почти 30%, а среди женщин – только около 13%.*

Таким образом, перед государством стояла серьезная задача по повышению образовательного уровня населения, и Церковь в данном случае была идеальным помощником в реализации общегосударственных планов. В результате во многих приходах и монастырях Российской империи стали открываться церковно-приходские школы, дававшие начальное образование. Как верно отмечает Митрополит Сергей в своей статье «Краткий очерк истории социального служения Русской Православной Церкви», в начале XX в. «существовали церковно-приходские школы и производственные мастерские, в которых дети из бедных семей бесплатно обучались грамоте и какому-нибудь ремеслу».**

В конце XIX века значение церковно-приходских школ в системе общего начального образования было очень велико. В частности, в 1892 году среди низших и начальных училищ Российской империи доля училищ, находящихся под ведомством Священного синода, составляла более 50% от общего числа школ. В городских поселениях функционировало 78 церковно-приходских школ при их общем количестве 278, что составляет 28%; в селениях в 1892 году было зарегистрировано 686 церковно-приходских школ при их общем количестве 1241, что составляет 55%.***

Рассмотренные статистические данные показывают, что в сельской местности более половины учреждений общего начального образования обеспечивалось именно за счет церковно-приходских школ.

Не стал исключением и Данилов монастырь. Помимо действующих на территории монастыря богоугодных заведений, принимавших нуждающихся пожилых и немощных людей из крестьян и церковного сословия, а также странников и богомоль-

*См.: Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г., Т. 1.

**Сергий, митрополит. Краткий очерк истории социального служения Русской Православной Церкви – <http://www.vob.ru/mitropolit/trudi/science/service/sv-2.htm>.

***Начальное народное образование в России / Имп. Вольное экон. об-во; под ред. [и с предисл.] членов Совета бывш. С.-Петерб. ком. грамотности Г. Фальборка и В. Чарнолуцкого. – СПб.: Тип. т-ва «Народная польза», 1900–1905. Том I, табл. II.

цев, обитель заботилась и об образовании подрастающего поколения. В 1892 году при нем открылась бесплатная церковно-приходская школа, надзор за которой осуществляло Кирилло-Мефодиевское братство. В первый год своего существования в школе обучалось 25 учащихся, однако с каждым годом их количество увеличивалось. И к 1903 году в церковно-приходской школе занимались уже 52 ученика, 36 из которых были из крестьян, остальные принадлежали к мещанскому сословию [7, с. 78]. В школе изучались: Закон Божий, церковное пение, церковнославянская грамота, русский язык, арифметика, отечественная история, география, чистописание.

Собственная церковно-приходская школа была не единственным направлением деятельности монастыря в области образования. В архивных материалах содержатся входящие документы от различных учебных заведений с просьбой о направлении им оплаты за обучение воспитанников, финансируемое за счет обители. Все документы были получены из учреждений, в которых обучаются дети духовенства.

Отдельно следует сказать о деятельности Данилова монастыря в области собственно духовно-религиозного образования. В результате реформы системы духовного образования в начале XIX века, оно было разделено на четыре ступени: приходские училища, духовные училища, духовные семинарии и духовные академии. Приходские училища не следует путать с церковно-приходскими школами: последние были созданы для детей крестьян, в то время как приходские училища предполагались для начального образования детей духовенства. Но в связи с тем, что, как правило, начальное образование дети священников получали дома, такие училища не были особо востребованы. Что же касается духовных училищ и духовных семинарий, то они давали неполное среднее и среднее образование соответственно. Выпускники духовной академии получали высшее образование [1, с. 100].

Для представителей духовенства образование детей являлось насущной проблемой, так как только в этом случае в будущем они могли рассчитывать получить работу и соответственно возможность иметь средства к существованию. Для мальчиков было необходимо закончить хотя бы духовное училище, так как только в этом случае они имели возможность претендовать на место псаломщика или диакона в храме. В сан священника возводились лица,

закончившие семинарию или отчисленные из нее не ранее 4 курса. Сложность для духовенства заключалась в том, что образование было платным, семьи были, как правило, многодетными, и в случае если священник имел небольшой или бедный приход, то оплатить училище или семинарию для всех детей он был не в состоянии. Зачастую в таком положении оказывались представители сельского духовенства. Для них Данилов монастырь выступал в роли мецената, оплачивая обучение в училище или семинарии для воспитанников, которые не могли себе этого позволить. В частности, во входящих документах обители за 1874 г. содержится прошение от смотрителя Волоколамского духовного училища о перечислении суммы в размере 100 руб. на обучение пансионеров за второе полугодие [1, л. 7]. Также монастырь финансировал обучение воспитанников в Московской духовной семинарии.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что монастыри имели огромное влияние не только на духовную, но и на общественную жизнь страны. При рассмотрении благотворительной деятельности Данилова монастыря становится очевидно, что обитель берет на себя ответственность за проведение социальной политики для крестьян и духовенства. В XIX веке государством не проводилась повсеместная социальная политика, которая бы охватывала все слои общества и особенно оказывала помощь беднейшим и терпящим нужду ее членам. В связи с чем, видя острую необходимость в проведении такой политики, монастыри через свою благотворительную деятельность старались претворять в жизнь некоторые ее элементы. В частности, стараниями Данилова монастыря были устроены заведения для оказания помощи нуждающимся престарелым лицам среди крестьян и заштатного духовенства. Обитель также охватывала такие сферы социальной политики, как здравоохранение и образование, так как на ее территории функционировали больница-приют и церковно-приходская школа.

1. Белоногова, Ю.И. Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010.

2. Костюк, К.Н. Возникновение социальной доктрины Русской православной церкви // Общественные науки и современность, 2001, № 6, с. 115.

3. Кривошеева, Н.А. Материалы из следственного дела патриарха Тихона // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви, 2011. Вып. N (3) 40. С. 61.

4. Лановенко, А.А. Социально-исторический процесс взаимодействия государства и церкви: современный социокультурный подход. автореф. дисс. ... к. социол. н. М., 2012. С. 10.

5. Начальное народное образование в России / Имп. Вольное экон. об-во; под ред. [и с предисл.] членов Совета бывш. С.-Петерб. ком. грамотности Г. Фальборка и В. Чарнолуцкого. СПб.: Тип. т-ва «Народная польза», 1900–1905. Т. I, табл. II.

6. Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г., Т. 1.

7. Первый «на Москве» монастырь // Московский Данилов монастырь. М.: Даниловский благовестник, 2000.

8. Православные монастыри Российской империи. Полный список. Сост. Л.И. Денисов. М.: Издание А.Д. Ступина. 1908.

9. Сергей, митрополит. Краткий очерк истории социального служения Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vob.ru/mitropolit/trudi/science/service/sv-2.htm> (дата обращения: 12.09.2014).

10. РГАДА. Ф. 1188. Оп. 1. Д. 498.

11. РГАДА. Ф. 1188. Оп. 1. Д. 501.

References

1. Belonogova, Yu.I. Prikhodskoye dukhovenstvo i krest'yanskiy mir v nachale XX veka. M.: Izd-vo PSTGU, 2010 [in Rus].

2. Kostyuk, K.N. Voznikoveniye sotsial'noy doktriny Russkoy pravoslavnoy tserkvi // Obshchestvennyye nauki i sovremennost', 2001, N 6, 115 [in Rus].

3. Krivosheyeva, N.A. Materialy iz sledstvennogo dela patriarkha Tikhona // Vestnik pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 2: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi, 2011. Вып. N (3) 40. 61 [in Rus].

4. Lanovenko, A.A. Sotsial'no-istoricheskiy protsess vzaimodeystviya gosudarstva i tserkvi: sovremennyy sotsiokul'turnyy podkhod. avtoref. diss. ... k. sotsiol. n. M., 2012. 10 [in Rus].

5. Nachal'noye narodnoye obrazovaniye v Rossii / Imp. Vol'noye ekon. ob-vo; pod red. [i s predisl.] chlenov Soveta byvsh. S.-Peterb. kom. gramotnosti G. Fal'borka i V. Charnoluskogo. SPb.: Tip. t-va «Narodnaya pol'za», 1900–1905. T. I, tabl. II [in Rus].

6. Obshchiy svod po Imperii rezul'tatov razrabotki dannykh pervoy vseobshchey perepisi naseleniya, proizvedennoy 28 yanvarya 1897 g., T. 1 [in Rus].

7. Pervyy «na Moskve» monastyr' // Moskovskiy Danilov monastyr'. M.: Danilovskiy blagovestnik, 2000 [in Rus].

8. Pravoslavnyye monastyri Rossiyskoy imperii. Polnyy spisok. Sost. L.I. Denisov. M.: Izdaniye A.D. Stupina. 1908 [in Rus].

9. Sergiy, mitropolit. Kratkiy ocherk istorii sotsial'nogo sluzheniya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.vob.ru/mitropolit/trudi/science/service/sv-2.htm> (data obrashcheniya: 12.09.2014) [in Rus].

10. RGADA. F. 1188. Op. 1. D. 498 [in Rus].

11. RGADA. F. 1188. Op. 1. D. 501 [in Rus].

UDK 94(470)

THE ROLE OF MONASTERIES IN PUBLIC AND SPIRITUAL LIFE OF RUSSIA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES AT THE EXAMPLE OF MOSCOW DANILOV MONASTERY

Tetushkin Alexei Alexandrovich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Graduate of the Historical Department, Moscow, Russia.

E-mail: atetushkin@ranepa.ru

Annotation

The article on archival material deals with the activities of the Danilov Monastery, Moscow, in the area of social service in the late XIX – early XX centuries. The Author concludes wide involvement of the Orthodox Church in public processes, its role in educating the public and oversight of the have nots.

Key concepts:

The Danilov monastery, Orthodox Church, parochial school, charity.

УДК 94

ДИНАМИКА ОТКРЫТИЯ ЦЕРКВЕЙ И МОЛИТВЕННЫХ ДОМОВ В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ПОТЕПЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО- ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ. 1943–1948 гг.

Малюков Егор Игоревич,
Челябинский государственный
университет, аспирант,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: egor_malyukov@mail.ru

Чумаченко Татьяна Александровна,
Челябинский государственный университет,
Институт гуманитарного образования,
завкафедрой политических наук,
доктор исторических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: his_chum@mail.ru

Аннотация

На базе архивных материалов Государственного архива Российской Федерации, впервые вводимых в научный оборот, рассмотрена деятельность уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Народных Комиссаров (Совете Министров) Союза Советских Социалистических Республик по Челябинской области в 1943–1948 гг., в период потепления государственно церковных отношений. Основное внимание уделено анализу деятельности уполномоченного при работе с ходатайствами верующих об открытии храмов и молитвенных домов. Приведены количественные показатели открытия церквей и молитвенных домов в Челябинской области в рассматриваемый период; приведено сравнение с аналогичными показателями в целом по стране; обозначены характерные проблемы в деятельности уполномоченного, связанные с процессом открытия православных храмов и молитвенных домов в Челябинской области в послевоенный период.

Ключевые понятия:

уполномоченный Совет по делам РПЦ при СНК (СМ) СССР, открытие храмов, Челябинская область, новая церковная политика государства.

В годы Великой Отечественной войны, в атмосфере неизмеримых страданий, лишений, потери родных и близких, потребность людей в религии резко возросла. Уже с начала войны верующие в своих письмах, обращениях, ходатайствах в органы светской и церковной власти просили открыть храмы или молитвенные дома.

Резкий всплеск религиозности населения в комплексе с другими обстоятельствами внутри- и внешнеполитического характера стал, по мнению отечественных исследователей, причиной изменения церковной политики власти в 1943 г*. Наиболее яркой и наглядной демонстрацией этой политики стал процесс открытия православных храмов и молитвенных домов по всей территории Советского Союза**, который продолжался до 1948 г.

Челябинская область была также включена в этот всесоюзный процесс***. Процесс открытия храмов в области по сравнению с ситуацией по стране имел свои отличительные особенности.

Обратимся к цифрам, представленным Советом по делам РПЦ в правительство в январе 1949 года****:

Как можно увидеть в таблицах 1 и 2, заявлений по всей области поступило более 200****. По сравнению с общесоюзным уровнем, процент открытых храмов был достаточно высок. Но более 150 заявлений все же были отклонены, при этом использовались разнообразные причины, чтобы отказать в ходатайстве. Среди них: неправильное оформление документов, отсутствие нужного числа подписавших или указанных мест их проживания, наличие расположенных недалеко храмов (10–15 км.), ветхость церковных зданий, отсутствие помещения, невозможность освобождения храмов, переоборудованных под культурные или производственные цели.

Нужно отметить, что уже с 1945 г. в работе уполномоченного начали повторяться заявления от верующих. За период 1943–1948 гг. таких заявлений 80 из 200. Так, во II квартале 1946 г. из двадцати пяти поступивших заявлений повторных было пятнадцать,***** в 1947 г. из двадцати трех

*Одинцов М.И. Государство и церковь...; Одинцов М.И., Чумаченко Т.А. Совет по делам РПЦ...; Горбатов А.В. К вопросу о статусе уполномоченных...

**Процесс открытия храмов регламентировало Постановление СНК СССР № 1325 от 28 ноября 1943 г. «О порядке открытия церквей» // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1. Лл. 25–26.

***Работа с ходатайствами верующих и наблюдение за процедурой оформления документов входила в компетенцию уполномоченного СДРПЦ по Челябинской области.

****ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 452. Л. 85.

***** Посчитано по делам ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 11, 35, 40, 48, 84, 90, 98, 127, 212, 356.

***** ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 98. Л. 283.

Таблица 1

<i>Год</i>	<i>Поступило ходатайств</i>	<i>Открыто церковей</i>	<i>%</i>
1944	6402	207	3,23
1945	6025	509	8,44
1946	5105	369	7,22
1947	3087	185	5,99
1948	3174	18	0,56

Для сравнения дадим аналогичную таблицу по Челябинской области:

Таблица 2

<i>Год</i>	<i>Поступило ходатайств</i>	<i>Открыто церковей</i>	<i>%</i>
1944	48	11	22,9
1945	61	13	21,3
1946	46	6	13
1947	23	6	26
1948	31	1	3,2

поступивших заявлений повторных было восемнадцать*.

По повторным заявлениям сложилась практика отказа «на основании ранее принятых решений» без дополнительного рассмотрения, о чем прямо говорит уполномоченный СДРПЦ П.В. Ефимов**. Но, несмотря на многочисленные отказы по повторным заявлениям, некоторые группы верующих продолжали настойчиво подавать очередные ходатайства, одновременно жалуясь в вышестоящие инстанции. Примеры тому содержатся во многих отчетах челябинских уполномоченных***.

Очень невысокий процент удовлетворения ходатайств на фоне подъема религиозности среди населения приводил к тому, что официально открытые храмы не справлялись с обслуживанием религиозных запросов людей. На этом фоне получили распространение случаи совершения религиозных обрядов на дому незарегистрированными священниками. В 1943–1944 гг. подобные случаи отмечались в Копейске, Нязепетровске, Агаповском, Варненском и Миасском районах; в 1945 г., по инфор-

мации уполномоченного: «...в отдаленных районах области бывают случаи совершения религиозных обрядов незарегистрированными священниками»****. П.В. Ефимов писал, что для искоренения этого явления маломощным приходам можно было бы разрешать совершать отдельные требы зарегистрированными священниками на дому верующих в населенных пунктах, не входящих в состав прихода, при наличии у священника справки от уполномоченного. Уполномоченный отмечал, что «...сами священники таких приходов, где они недостаточно загружены и имеют ограниченные доходы, охотно соглашаются на выезды с требами, т.к. это увеличивает их доходы»*****.

После войны число ходатайств, как видно из таблицы, постоянно уменьшалось, снизилась и активность самих верующих. Как следствие, сокращалась и количество открытых церковей и молитвенных домов.

Как показывает анализ отчетов уполномоченных Совета по Челябинской области, основным фактором, тормозившим процесс открытия православных храмов,

*ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 212. Л. 8.

** ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 40. Л. 76.

*** См. например ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 48. Л. 162–163; Д. 212. Л. 28–30.

**** ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 11. Л. 70.; Там же Д. 40. Л. 77.

***** ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 84. Л. 110.

являлось противодействие на уровне органов местной власти. В основе негативного отношения руководителей к вопросу открытия церковью лежало убеждение, что поворот в государственно-церковных отношениях связан с ходом военных действий, определенными политическими мотивами руководства страны и не имеет отношения к повседневной работе в районе, городе.

В целом годы войны можно считать периодом возрождения РПЦ как института. На территории Челябинской области стало функционировать 37 храмов, верующие получили, наконец, возможность удовлетворять свои религиозные потребности.

1. Одинцов, М.И., Чумаченко, Т.А. Совет по делам РПЦ при СНК (СМ) СССР и Московская патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния. 1943–1965 гг.: монография. СПб.: РОИР, 2013. 372 с.

2. Одинцов, М.И. Государство и Церковь в России. XX в.: монография. М.: Луч, 1994. 171 с.

3. Горбатов, А.В. К вопросу о статусе уполномоченных по делам религии в Сибири (1943–1969 гг.) / Отв. ред. А.И. Филимонова // Государство и церковь в XX веке. М.: Либроком, 2011. 464 с.

References

1. Odincov, M.I., Chumachenko, T.A. (2013) Sovet po delam RPC pri SNK (SM) SSSR i Moskovskaja patriarhija: jepoha vzaimodejstvija i protivostojanija. 1943-1965 gg. [Council of the Russian Orthodox Church at SNK (SM) of the USSR and the Moscow Patriarchate: the era of interaction and confrontation. 1943-1965]: monografija. Sankt-Peterburg: ROIR, 372. [in Rus].

2. Odincov, M.I. (1994) Gosudarstvo i Cerkov' v Rossii. XX v. [State and Church in Russia. XX c.]: monografija. M.: Luch, 171. [in Rus].

3. Gorbato, A.V. (2011) K voprosu o statuse upolnomochennyh po delam religii v Sibiri (1943–1969 gg.) [To the question of status of commissioners for religion in Siberia (1943–1969)] / Otв. red. A.I. Filimonova // Gosudarstvo i cerkov v XX veke. Moscow: Librokom, 464. [in Rus].

UDK 94

THE DYNAMICS OF THE OPENING OF CHURCHES AND PRAYER HOUSES IN THE CHELYABINSK REGION IN THE PERIOD OF "WARMING" OF CHURCH-STATE RELATIONS. 1943–1948 YEARS.

Malukov Egor Igorevich,
Chelyabinsk State University,
Graduate student,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: egor_malyukov@mail.ru

Chumachenko Tatyana Aleksandrovna,
Chelyabinsk State University,
Institute of liberal education,
Head of the Department Chair
of Political Science,
Doctor of historical sciences,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: his_chum@mail.ru

Annotation

On the basis of archival materials of the State Archive of the Russian Federation, for the first time introduced into the scientific revolution, examined the activities Commissioners by the Council for the Russian Orthodox Church at the Council of People's Commissars (Union Ministers) of the Union of Soviet Socialist Republics in the Chelyabinsk region in 1943-1948, during the "warming" state-church relations. Emphasis is placed on the analysis of the activities Commissioners when dealing with petitions the faithful about the opening of temples and prayer houses. Quantifies the opening of churches and prayer houses in the Chelyabinsk region in the period under review; provides a comparison with those of the whole country; designated specific problems in the activities authorized related to the process of opening Orthodox churches and prayer houses in the Chelyabinsk region in the postwar period.

Key concepts:

commissioner of the Council for the Russian Orthodox Church at the SHK (SM) of the USSR, the opening of the temples, Chelyabinsk region, new church policy of the state.

УДК 94(47).084.8

РАЗВИТИЕ СРЕДСТВ СВЯЗИ В ЛЕНИНГРАДЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Зотова Анастасия Валерьевна,
Санкт-Петербургский государственный
университет телекоммуникаций
им. проф. М.А. Бонч-Бруевича,
доцент кафедры истории
и регионоведения,
кандидат исторических наук,
г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: anastasiyazotova@mail.ru

Аннотация

На основе архивных документов в статье анализируется роль учреждений связи Ленинграда в период Великой Отечественной войны. В то время значительную роль в развитии средств связи играли ленинградские научно-исследовательские институты и высшие учебные заведения. Среди них были Государственный институт по изысканиям и проектированию сооружений связи, научно-исследовательский институт городской и сельской телефонной связи, Ленинградское отделение центрального НИИ связи, Центральное конструкторское бюро № 52, НИИ № 56 – Государственное предприятие «Дальняя связь» Главного управления промышленности средств связи комитета по оборонным отраслям, Ленинградский электротехнический институт связи им. проф. М.А. Бонч-Бруевича. Эти учреждения внесли большой вклад в разработку систем связи: способствовали развитию радиосвязи, специальной шифрующей аппаратуры, аппаратуры для фронтовой связи, телефонной промышленности. В статье делается вывод о том, что научные изыскания и разработки в области связи проводились на уровне лучших мировых образцов того времени и способствовали ускорению достижения Победы в Великой Отечественной войне.

Ключевые понятия:

Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, связь, научно-исследовательские институты Ленинграда, телефонная связь.

В год юбилея Великой Победы в российском обществе развернулась дискуссия о «цене победы», факты истории превратились в «аргументы» политических демаршей и предмет прямых фальсификаций. В этих условиях представляется актуальным «пошаговая» реконструкция реалий Великой Отечественной войны. В настоящей статье мы попытались реконструировать один из достаточно «локальных сюжетов», связанный с налаживанием в годы войны информационно-коммуникационной инфраструктуры. Для оценки развития отрасли связи Ленинграда в годы Великой Отечественной войны использовались количественные критерии (число профильных заводов и НИИ, общее количество изготовленной аппаратуры, количество подготовленных специалистов-связистов, размер зарплаты связистов) и качественные критерии (эффективность совместной работы заводов и НИИ, качество выпускавшейся аппаратуры, качество подготовки специалистов-связистов).

Роль средств связи в предстоявшей войне хорошо сознавали стратеги из генеральных штабов как в Красной армии, так и в вермахте. В начале августа 1940 г. один из немецких генералов, Эрих Маркс, автор плана «Ост», отмечал, что для успешного обеспечения войны против СССР необходимо решить ряд срочных задач, первая из которых – развитие линий связи [14, Л. 25]. Масштабы их предстоящего развития были впечатляющими. Предполагалось протянуть линии связи через Венгрию и Румынию до территории Молдавии. Планировалось осуществить их прокладку еще до вторжения на советскую территорию, с тем, чтобы сразу же после вторжения в СССР продолжить без промедления ее прокладку в направлении Киева, Бреста, Пскова, Слуцка, Рогачева, Вильнюса, Даугавпилса и Витебска. В Советском Союзе накануне войны предпринимались активные меры по развитию этой важной отрасли народного хозяйства. Ленинград, как крупный научный и производственный центр, многое сделал для развития связи как в довоенное время, так и в ходе боевых действий.

Во время Великой Отечественной войны значительную роль в развитии средств связи сыграли ленинградские научно-исследовательские учреждения и учебные заведения. Среди научных учреждений ценные исследования проводили: Государственный институт по изысканиям и проектированию сооружений связи (Гипросвязь-2); НИИ городской и сельской телефонной связи; Ленинградское отделение центрального НИИ связи, которое в начале 1930-х гг. возглавлял Михаил Александрович Бонч-Бруевич; ЦКБ-52, работавшее еще в 1942 г. схемы телефонной

связи на кораблях; НИИ-56 – Государственное предприятие «Дальняя связь» главного управления промышленности средств связи комитета по оборонным отраслям.

Институт «Дальняя связь» занимался разработкой новых видов телефонной аппаратуры с целью внедрения новой техники телефонной связи. Институтом оказывалась техническая помощь заводам по испытанию продукции телефонной промышленности. Он осуществлял выпуск мелких серий специализированной телефонной и измерительной аппаратуры, изготовление которой не могло быть обеспечено заводами [1, Л. 2]. Выпускалась различная продукция, такая как, например: телефонные гарнитуры для танкистов, приборы для проверки номеронабирателей, военные полевые станции. Делали в институте ларингофоны ЛА-5, телефон с заглушками ТА-4, баллистические установки, конденсаторные микрофоны МИК-1, эталонные телефоны ЭТЭ [1, Л. 7]. Была разработана аппаратура высокочастотного вещания по междугородным линиям связи для магистрали Москва–Куйбышев. Разработчики того проекта были награждены орденами и медалями, а сам проект был представлен на соискание Сталинской премии [2, Л. 1].

В 1942 г. ленинградскими учеными была изготовлена серия специальной шифрующей аппаратуры АРУ-14, ШАФ-41. Аналогов ей не было ни в других городах страны, ни за границей. Аппаратура АРУ-14 («Сова») была предназначена для шифровки телефонных разговоров, ведущихся через аппаратуру НВЧТ-42 («Сокол»). Шифровка осуществлялась специальным шифрующим ключом, который можно было изменять. Использование этой аппаратуры не давало возможности перехватить и расшифровать разговор, не зная ключа. Ключ можно было вычислить путем анализа перехваченных и записанных сигналов, но на это требовалось много времени. ШАФ-41 – шифрующая аппаратура для фронтовой телефонной связи, которая имела условное название «Соболь-П», была предназначена для шифровки радио-, а также проволочных и комбинированных телефонных магистралей. Качество зашифровывания было очень высоким, поскольку в аппаратуре применялось одновременно несколько видов шифровки, и порой система не имела ключа [3, Л. 10]. Был налажен выпуск и такой техники, как АИР-18 – аппарат искусственной речи, имевший условное название «Соболь-Р». Он предназначался для сильной зашифровки телефонных разговоров. При этом речь преобразовывалась в условные сигналы. Лабораторией института, кроме того, был составлен эскизный проект аппаратуры «Волга», предназначенной для

зашифровки телефонной передачи по различным каналам проводной связи. Также была выпущена серия шифрующей аппаратуры для радиопроволочной связи «Соболь-П» – для ОПС НКВД. За ее выпуск сотрудники института были удостоены Сталинской премии. На заводе № 697 сотрудниками НИИ была разработана аппаратура «Сова», «Сокол», «Селезень», «Стриж», «Сойка» военного типа – для фронтовой связи. Всего за 1942–1943 гг. институтом было выпущено 228 комплектов аппаратуры для абонентской шифрации [2, Л. 2]. В НИИ работала лаборатория абонентской аппаратуры и электроакустики, действовавшая в таких направлениях исследования, как абонентская аппаратура, связь в условиях шума, электромагнитные механизмы, электроакустическая измерительная аппаратура [1, Л. 14 об.].

В годы войны научные учреждения работали в тесной связи с промышленными предприятиями. В июле 1941 г. завод «Красная Заря» и НИИ № 56 были частично эвакуированы. Однако сотрудники двух учреждений, оставшиеся в Ленинграде, объединились для выполнения задач фронта. Так, сотрудники лаборатории магнитных материалов «ВИТА» научно-исследовательского института и все оборудование лаборатории переехали на завод. Сотрудники НИИ, занимавшиеся разработкой магнитно-твердых сплавов (никель-алюминиевая сталь), также переехали в мастерскую магнитных материалов завода и в новых условиях продолжали выполнение оборонных заказов Ленинграда [1, Л. 18 об.].

В 1943 г. институт работал в обстановке все более возрастающих потребностей страны в аппаратуре связи. Нуждалась в ней и восстанавливавшаяся промышленность Ленинграда. Если в 1942 г. общий объем работ в институте был выполнен на сумму 6763 тыс. руб., то уже в 1943 г. институт получил заказы на 12000 тыс. руб. Правда, он не сумел справиться с поставленным объемом задач и выполнил свои обязательства по заказам только на 8012 тыс. руб. [2, Л. 1]. В 1943 г. зарплата сотрудников НИИ связи возросла на 7,5% и составила в среднем 807 руб. [2, Л. 7]. Для сравнения можно заметить, что высококвалифицированный рабочий тогда зарабатывал в полтора раза меньше.

В то время сотрудники лаборатории дальней связи разработали образцы новой военно-полевой аппаратуры для фронтовой связи, в том числе образцы малогабаритной аппаратуры СМТ-42 для ведения разговоров по магистральным цепям – по заказу ОПС НКВД, создали образцы малогабаритной аппаратуры по двухполосной системе с промежуточными усилителями удаленного

питания – по заказу НК ВМФ. В результате была создана система связи, при которой отпала необходимость обслуживания промежуточных трансляций. Появились образцы аппаратуры однократного тонального телеграфа – по заказу ОПС НКВД и некоторые другие разработки [2, Л. 12].

Еще в начале войны сотрудники института занимались разработкой аппаратуры для шифровки телефонной связи. Эта аппаратура делала речь неразборчивой при прослушивании телефона: САУ-16 (условное название «Снегирь»), СИ-15 («Синица»), ПМТП-13 (левая маскирующая телефонная приставка «Соловей») [3, Л. 9].

Не менее интересной представляется деятельность Ленинградского отделения НИИ связи в период Великой Отечественной войны. В 1933 г. Ленинградская станция НИИ связи была преобразована в Ленинградское отделение НИИ (ЛОНИИС). В тот период сотрудники института занимались изысканиями в области радиотехники. Его возглавлял проф. М.А. Бонч-Бруевич. Лаборатория радиовещания способствовала развитию радиотелефонии. Совместно с вещательной лабораторией трудились сотрудники лаборатории дальней связи. В ЛОНИИС была создана первая советская установка трехканального телефонирования токами высокой частоты по стальным цепям. Та работа имела огромное значение для развития связи в условиях войны. Накануне начала боевых действий на фронте была разработана аппаратура уплотнения на 12 каналах, которая была эвакуирована и установлена для связи на линии Москва–Казань. Проводилась большая исследовательская работа по изучению распространения радиоволн. Имелись наблюдательные пункты на Земле Франца-Иосифа и в районе пролива Маточкин Шар на Новой Земле, где сотрудники ЛОНИИС изучали прохождение волн в ионосфере и влияние космоса на распространение радиоволн. Данные работы имели практическое применение в осажденном Ленинграде и помогли решить задачи военного времени. Телефонная лаборатория разработала макет двухсторонней соединительной линии для наиболее удаленных коммутаторных установок Ленинградской городской сети [4]. В первые годы войны были сконструированы и изготовлены необходимые для батальонов связи генераторы, усилители и другое оборудование. Летом 1942 г. в здании института был создан так называемый объект № 7, подчинявшийся Ленинградской дирекции радиосвязи и радиовещания. На нем работал небольшой коллектив сотрудников ЛОНИИС, который обеспечивал нужды радиосвязи Ленинграда с Москвой, Но-

восибирском и другими городами страны. Удалось организовать эфирную трансляцию для Ленинграда и Ленинградского фронта радиостанций Москвы. Наряду с общегородскими системами проводного вещания большое развитие в Ленинграде получили так называемые местные (неведомственные) узлы предприятий и учреждений [4, Л. 5]. На 1 января 1941 г. в городе их было 2716. На 1 января 1944 г. – 1052. Общая длина сети составляла 13000 км. Аппаратура этих узлов носила кустарный характер.

На 1 января 1944 г. в Ленинградской области население составляло 6435100 человек, в т.ч. городского – 4119200, сельского – 2315,8. Количество точек проводного вещания: общее – 277396, в городах – 269991, в сельской местности – 7405; протяжение линий в км: общее – 2378, в городах – 1733, в сельской местности – 645. Процент охвата населения радиофикацией: общий – 18,0, в городах – 23, в селах – 1,45; количество точек на 1 км линии: общее – 117, в городах – 155, в селах – 11,5 [4, Л. 14]. В 1944 г. в Ленинграде население составляло 3191300 человек, количество точек – 253026, процент охвата радиофикацией населения – 27,8% (для примера в Москве – 45,5%) [4, Л. 17]. Во втором полугодии 1944 г. возобновило свою деятельность Ленинградское отделение Всесоюзного треста «Связьпроект». Им было заключено с заказчиками 18 договоров на сумму 647,7 тыс. руб. [5, Л. 14 об.]. В основном договоры заключались на проектирование комплексов связи и сигнализацию [5, Л. 15]. Из-за нехватки кадров в январе 1945 г. приказом народного комиссариата связи в помощь отделению были прикомандированы офицеры-связисты [6, Л. 3]. За 1945 г. этим отделением было выпущено 40 технических и 13 рабочих проектов по станционным и линейным сооружениям [6, Л. 4].

Большой вклад в разработку систем связи внесли ленинградские вузы. Среди них следует выделить Ленинградский электротехнический институт связи им. проф. М.А. Бонч-Бруевича. В 1938 г. в институте был создан промышленный факультет. В 1940 г. состоялся первый выпуск инженеров-конструкторов для промышленности средств связи [7]. В годы войны научная деятельность института не прекращалась. Сотрудниками было защищено около 20 диссертаций. Среди них работы О.Б. Лурье «Передача низких частот телевизионными усилителями» [8], А.Н. Лебедева-Карнакова «Исследование модуляции абсорбулей в телевизионных УКВ передатчиках» [9], Т.М. Летошневой «Распространение элек-

тромагнитных волн вблизи препятствий» [10] и др.

Институтом выполнялись проекты, соответствовавшие требованиям военного времени. Например, на кафедре телевидения были разработаны светомаскировочные лампы. Ряд кафедр участвовал в разработке метода точного бомбометания и прицельной зенитной стрельбы. Кафедра акустики выполняла необходимые работы для подводных лодок. Кафедры телеграфии и телефонии осуществляли ремонт аппаратуры проводной связи, поступавшей с передней линии обороны. Теоретическая деятельность сопровождалась практическими делами. Физики участвовали в обезвреживании неразорвавшихся снарядов и авиабомб. В августе 1941 г. в учебно-производственных мастерских стали выпускать боеприпасы, приборы для оборудования военных судов. Осенью и зимой 1941 г. был досрочно выполнен заказ фронта по изготовлению 10 радиостанций для железных дорог. В первые месяцы войны институт подготовил для армии 107 телеграфистов. В начале войны в городе был создан батальон связи, в который вошли многие студенты и преподаватели вуза. Командиром батальона был назначен преподаватель института С.А. Родин [11].

Особое внимание уделялось военной подготовке студентов. В 1945 г. в вузе А.Ф. Солеником была подготовлена научная работа «Педагогика и методика военной подготовки в ВУЗах СССР» [12, Л. 1-85]. В ней, в частности, акцентировалось внимание на слова Сталина: «Задача состоит не только в том, чтобы выиграть войну, но и в том, чтобы сделать невозможным возникновение новой агрессии и новой войны <...> агрессивные нации будут усиленно готовиться к новой войне, а миролюбивые нации могут вновь оказаться застигнутыми врасплох агрессией, если, конечно, они не выработают уже теперь специальных мер, способных предотвратить агрессию» [12, Л. 2]. Таким образом, становится очевидным, что преподаватели института распространяли свои научные и педагогические знания не только на студентов своего вуза, но и в масштабах всей страны.

В 1945 г. в Ленинградском отделении НИИ связи для одной из научных конференций был подготовлен доклад, автором которого стал инженер Н.Л. Безладнов. В докладе были сделаны три важных вывода. Во-первых, вещанием было охвачено недостаточное количество населения Ленинграда и области, во-вторых, неравномерно распределялась приемная сеть, сконцентрированная в городской черте, в ущерб сельской глубинке, в-третьих, низким оставалось

качество воспроизведения [13]. По существу, докладчиком были сформулированы насущные задачи развития связи в Ленинграде и области в первые послевоенные годы.

Таким образом, оценивая развитие отрасли связи Ленинграда в годы Великой Отечественной войны на основе количественных и качественных критериев, можно сделать вывод о том, что в тот период была выполнена задача удовлетворения потребностей фронта и тыла в аппаратуре связи. В годы войны научные учреждения работали в тесной связи с профильными заводами. Это обеспечивало значительный рост уровня эффективности их работы, что выражалось в быстрых темпах разработки и производства новых видов аппаратуры и повышении ее качества. Институты, в частности, оказывали техническую помощь заводам по испытанию продукции. Повышению качества частично способствовало повышение оплаты труда сотрудников предприятий связи. Экстремальные условия войны повысили качество подготовки специалистов-связистов. Студенты постоянно использовали получаемые ими в вузе знания на практике. В результате досрочно выполнялись заказы фронта по изготовлению необходимой техники и оборудования. Удалось установить научные и производственные связи с заводами и НИИ США и Великобритании. Итогом стали разработка и выпуск такой аппаратуры, аналогов которой не существовало в мире. Многие разработчики удостоивались премий, медалей и орденов.

Актуальность данного вопроса обострилась в современной реальности вследствие европейских санкций, направленных на ослабление технологического потенциала России. Научные изыскания и разработки в области связи в годы войны проводились на уровне лучших мировых образцов того времени и способствовали ускорению достижения Победы. Возможно, знакомство с историческим опытом решения вопросов информационно-коммуникационной безопасности поможет современным акторам социально-политического процесса экстраполировать прошлый опыт для выработки современных управленческих решений.

1. Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (далее – ЦГАНТД СПб.). Ф. 54. Оп. 1–2. Д. 19.

2. ЦГАНТД СПб. Ф. 54. Оп. 1–2. Д. 12.

3. ЦГАНТД СПб. Ф. 54. Оп. 1–2. Д. 7.

4. ЦГАНТД СПб. Ф. 320. Оп. 1–1.

5. ЦГАНТД СПб. Ф. 94. Оп. 1–1. Д. 3.

6. ЦГАНТД СПб. Ф. 94. Оп. 1–1. Д. 4.

7. ЛЭИС к пятидесятилетию Советской власти. Л.: тип. им. Володарского Ленгиздата, 1967. С. 19.

8. ЦГАНТД СПб. Ф. 214. Оп. 2-1. Д. 108. Л. 1-97.
9. ЦГАНТД СПб. Ф. 214. Оп. 2-1. Д. 119. Л. 1-127.
10. ЦГАНТД СПб. Ф. 214. Оп. 2-1. Д. 123. Л. 1-140.
11. Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича. 1930-2000. СПб.: Изд-во «Мегас», 2000. – С. 25.
12. ЦГАНТД СПб. Ф. 214. Оп. 2-1. Д. 124.
13. ЦГАНТД СПб. Ф. 320. Оп. 2-1. Д. 5. Л.3.
14. Militärgeschichte (Архив вооруженных сил Германии). RH 2/94.

References

1. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv nauchno-tekhnicheskoy dokumentatsii Sankt-Peterburga (CGANTD SPb.) [Central state archive of scientific-technical documentation of Saint-Petersburg]. Fund. 54. Inventory 1-2. Doc. 19 [in Rus].
2. CGANTD SPb. Fund. 54. Inventory 1-2. Doc. 12 [in Rus].
3. CGANTD SPb. Fund. 54. Inventory 1-2. Doc. 7 [in Rus].
4. CGANTD SPb. Fund. 320. Inventory 1-1 [in Rus].
5. CGANTD SPb. Fund. 94. Inventory 1-1. Doc. 3 [in Rus].
6. CGANTD SPb. Fund. 94. Inventory 1-1. Doc. 4 [in Rus].
7. Leningradskiy elektrotekhnicheskii institut svyazi. K pyatidesyatiletiiyu Sovetskoy vlasti [The Leningrad electrotechnical Institute of communications. To the fiftieth anniversary of the Soviet power]. Leningrad, Volodarsky lenizdat Publ. 1967. 19 [in Rus].
8. CGANTD SPb. Fund. 214. Inventory 2-1. Doc. 108, 1-97 [in Rus].
9. CGANTD SPb. Fund. 214. Inventory 2-1. Doc. 119, 1-127 [in Rus].
10. CGANTD SPb. Fund. 214. Inventory 2-1. Doc. 123, 1-140 [in Rus].
11. Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet telekommunikatsiy imeni professora M.A. Bonch-Bruevicha. 1930-2000 [Saint-Petersburg state University of telecommunications named after Professor M.A. Bonch-Bruevich. 1930-2000]. Saint-Petersburg, Megas Publ. 2000. 25 [in Rus].
12. CGANTD SPb. Fund. 214. Inventory 2-1. Doc. 124 [in Rus].
13. CGANTD SPb. Fund. 320. Inventory 2-1. Doc. 5. Pp. 3 [in Rus].
14. Militärgeschichte [The archive of the German armed forces]. Fund RH 2/94 [in Rus].

UDC 94(47).084.8

DEVELOPMENT OF COMMUNICATION SYSTEM IN LENINGRAD DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Zorova Anastasiya Valeryevna,

The Bonch-Bruevich Saint-Petersburg State University of Telecommunications, Associate Professor of the Chair of History and Regional Studies, Cand. Sc.(History), Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: anastasiyazotova@mail.ru

Annotation

On the basis of archival documents in the article analyses the role of communication institutions of Leningrad during the Great Patriotic war and the siege of Leningrad. At that time significant role in development of communication system played Leningrad scientific research institutes and higher educational institutions. These institutions have contributed to the development of radio communication, special encryption hardware, apparatus for frontline communications, telephone industry. The author concludes that researches and developments in the field of communication had contributed to accelerate the achievement of Victory in the Great Patriotic war.

Key concepts:

The Great Patriotic war, the siege of Leningrad, communication, research institutions of Leningrad, telecommunication.

УДК 101.8

ГЕРМЕНЕВТИКА ГИМНА. Часть II

Воробьева Елена Юрьевна,
кандидат философских наук,
г. Омск, Россия.
E-mail: veleno-05@mail.ru

Аннотация

Основная задача герменевтики – понимание – не может быть решена без диалектического к ней подхода. Понимание – это поиск не только понятного в непонятном, но и непонятного в понятном. На примере гимнов как традиционных символов государства показаны механизмы расширения познанного через анализ скрытых смыслов и их влияния на политическую судьбу народов.

Ключевые понятия:
герменевтика,
информационная цивилизация,
символ,
смысл,
гимн.

Современная геополитическая обстановка невольно возвращает нас к кризисам начала XX в., приведшим к кровопролитным мировым войнам. И в Первой, и во Второй войне одним из главных участников выступала Германия, разыгравшая карту националистической идеологии. Изучая текущую политическую ситуацию, причиной которой послужили события на Украине, невозможно пройти мимо переклички начала веков, не обнаружив приметы, предсказывающие глобальный политический кризис. Тем не менее есть надежда, что разрешение проблем, стоящих перед мировым сообществом, пройдет невоенным путем, ибо Украина, по своей национальной ментальности, не только «не Россия», но и не Германия, о чем свидетельствует смысловое содержание немецкого гимна.

Нелегко и тернисто оказался путь к статусу государственного символа **Федеративной Республики Германии** – «Песне немцев». Текст был написан в 1841 г. Гофманом фон Фаллерслебеном и положен на музыку австрийского «Императорского гимна» Й. Гайдна.

С 1815 г. территория, на которой говорили по-немецки, была разбита на 39 отдельных государств (одна империя, пять королевств, одно курфюршество, десять герцогств, семь великих герцогств, одиннадцать княжеств и четыре имперских города). На Венском конгрессе они объединились в Германский союз, но он не предусматривал фактического единства: ни правительство, ни финансы, ни армия, ни законодательство не были общими. Критически настроенные интеллектуалы требовали основания германского национального государства, поэтому первая строфа «Песни немцев» явно намекает на наследие Карла Великого и воссоздает ареал распространения Германии от Мааса до Мемеля и от Эча до Бельта*.

В 1922 г. Веймарская республика объявила «Песнь немцев» государственным гимном. Ирония истории состоит в том, что именно социал-демократы «подарили» этот гимн А. Гитлеру. Победоносная экспансия Третьего рейха как нельзя лучше соответствовала содержанию первой строфы: «Германия превыше всего, превыше всего в мире...», – после которой звучали куплеты боевой песни штурмовиков Хорста Весселя. Остальные строфы не исполнялись.

*Маас – река во Франции и странах Бенилюкса, Мемель; – литовская Клайпеда; проливы Большой и Малый Бельты находятся в Дании; Эчч – в Швейцарии и Италии.

Крушение Третьего рейха привело к за-
прещению «Песни немцев», но какие бы
альтернативы ни предлагало правитель-
ство нового, демократического режима, они
не находили поддержки народа: проведен-
ный в 1951 г. опрос зафиксировал, что три
четверти немцев высказались за возврат
прежнего гимна. Несмотря на результаты
голосования, представители союзных дер-
жав-победителей резко выступили про-
тив народного волеизъявления, и лишь в
1990 г. правительство Федеративной Рес-
публики Германии смогло вернуть «Песнь
немцев», ограничившись ее третьей стро-
фой. Тем не менее отдельный официаль-
ный закон о гимне до сих пор не принят.

Современный гимн в том виде, в ко-
тором он защищен уголовно-правовым
законом восстановленной Германии, к со-
жалению, малоинформативен:

1. Страна – «немецкое Отечество», ей
желают «цвети»;

2. Основная задача государственной
власти – обеспечить «единство, право и
свободу»;

3. Основная задача граждан – стре-
миться «по-братски, телом и душой» к
единству, праву и свободе;

4. Враг – отсутствует;

5. Пожелание – «цвети» – акцентиру-
ется на настоящем времени, однако слова
«единство, право и свобода – фунда-
мент для счастья» говорят о надежде на то, что
процветание распространится и в буду-
щее.

Много больше положительных смыс-
лов содержит «Песнь немцев». Во-первых,
она конструирует географический облик
Германии (как было сказано выше), кото-
рая «превыше всего в мире» и объединяет
людей для «защиты и отпора». Во-вторых,
создает позитивный имидж народа, «жен-
щины, верность, вино и песни» которого
«сохранят по свету свое старое доброе имя»
и должны «вдохновлять нас к благород-
ству всю жизнь нашу напролет». Эта идея
уходящей в вечность верности традициям,
к сожалению, не нашла отражения в сов-
ременном исполнении. В-третьих, «Песнь
немцев» не определяет врагов: их просто
нет ни в пространстве объединенной Гер-
мании, ни среди соседей. Удивительно, но
факт: гимн народа, заклеянный как са-
мый милитаристски настроенный в Европе,
созидателен и мирен по сути своей.

Тем не менее это не помешало его пер-
вой строфе стать символом сумасшествия,
поразившего нацию в первой половине
XX в. Не исключено, что в 30-е годы евро-

пейцы с таким же недоумением и ужасом
взирали на крутую политическую кашу, вы-
плеснувшуюся из «волшебного немецкого
горшочка» и затопившую полмира, как мы
сейчас следим за тем, что происходит на
Украине. Каким образом в мирном бюр-
гере, романтическом поэте, педантичном ин-
женере и трудолюбивом работяге возникло
инфернальное, мистическое, крестоносное
«Drang nach...»?

В 1938 г., за год до начала Второй
мировой войны, К.Г. Юнг в интервью
Х.Р. Никербокеру говорил: «И все вместе,
эти символы Третьего рейха, вслед за его
пророком под знаменами ветра и шторма
и вращающихся вихрей (свастика и ее про-
изводные – примечание мое, Е. В.) направ-
ляют массовое движение, увлекая немцев
в урагане безудержных эмоций все дальше
и дальше к судьбе, которую никто, веро-
ятно, даже он сам, ясновидящий, пророк,
фюрер, не может предсказать» (К.Г. Юнг
«Диагностируя диктаторов»). О том, что
случилось позже, ведает Клио, муза исто-
рии, но, к сожалению, не все извлекают из
ее рассказов уроки.

Смыслы, сокрытые в привычных сим-
волах, на определенных поворотах жиз-
ненного пути государства начинают воз-
действовать на народ и вызывать к его
коллективному бессознательному. И от
того, что именно они извлекают из ирраци-
ональных глубин, зависит будущее страны.
Неловкое или самонадеянное обращение с
национальными символами может вызвать
из небытия демона, с которым не способны
справиться неумелые политдемонологи, но
те, кто разыгрывают национальную карту,
не желают учиться, они жаждут немедлен-
но получить результат. И они его получают.
«Монстр – вот что такое нация, – говорил
К.Г. Юнг в цитированном выше интер-
вью. – Каждый должен опасаться нации...
Малые нации предполагают малые ката-
строфы. Большие нации предполагают боль-
шие катастрофы».

И поляками, и немцами, и украинцами,
в период доминирования националисти-
ческих программ, традиционно овладевает
мессианская идея щита между цивилизо-
ванным Западом и дикими ордами Востока.
А на востоке от современных и пост-
современных щитоносцев раскинула свои
пространства необъятная, непонятная (и
уже поэтому враждебная) **Россия**.

Государственный символ нашей страны
прошел все этапы развития мирового гим-
ностроительства, отразив политические пе-
риоды, возникающие в тот или иной ис-

торический момент. В эпоху Петра I, с рождением Российской империи, роль гимна исполнял «Марш Преображенского полка», получивший словесное содержание только в 1805 г. Со словами: «Пойдем, братцы, за границу, бить Отечества врагов» – русская армия вступила на улицы Парижа в 1814 г. Он же был признан гимном Временного правительства после Февральской революции, как бы начав отсчет нового времени для новой страны.

С «Маршем Преображенского полка» соперничал в популярности созданный в конце XVIII в. церемониальный гимн царствования Екатерины II «Гром победы раздавайся!», написанный Г.Р. Державиным. Оба произведения напоминают «Марш Домбровского», с тем лишь исключением, что врагов «храбрый росс» планирует побеждать на территориях других стран, а не собственной, и, кроме «Магомета ты потрѣс», конкретно их не определяет. Но понимание того, что гимн есть отражение мировоззрения общества, изложение национальной и державной идеи, привело к созданию именно государственного, а не церемониального или военного символа. В 1833 г. С.С. Уваров обнародовал знаменитую формулу официальной идеологии: «Православие, самодержавие, народность». Эти же смыслы необходимо было воплотить в государственной символике – для демонстрации широкомасштабной и целостной доктрины императорского правления. В том же 1833 г. А.Ф. Львов и В.А. Жуковский создают знаменитый «Боже, царя храни!», в котором явно прослеживается преемственность идей гимна Британской империи. Это был один из самых коротких гимнов Европы – шесть строк и шестнадцать тактов мелодии легко запомнились и воспроизводились массами. Его слова максимально плотно спрессовывали смыслы, присущие феодальной империи и воплощенные в символе-государе: «сильный, державный, царствуй на славу нам, царствуй на страх врагам, православный царь».

После Октябрьской революции 1917 г. гимном молодого Советского государства (сначала – РСФСР, а затем и СССР) был официально признан «Интернационал». Стихотворение Эжена Потье, участника Парижской Коммуны, как нельзя лучше отражало боевой настрой молодой Страны советов, консолидируя энергию борьбы в символическую форму: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим, – кто был ничем, тот станет всем». Нужно отметить,

что, в отличие от «Марсельезы», «Интернационал» так планировал будущее созидательным, обещая строительство нового мира, и не раскалывал общество настолько непримиримо и кроваво, как революционная песнь Руже де Лиля – «это есть наш последний и решительный бой».

Гимн Советского Союза стилистически близок гимну, созданному для союза Германского. Но, написанный в годы Великой Отечественной войны (впервые исполнен в 1944 г.), он упирал на военное превосходство государства («мы армию нашу растили в сраженьях, захватчиков подлых с дороги сметем») и выражал веру в победу над врагом («знамя советское, знамя народное пусть от победы к победе ведет»). В 1977 г. текст был переориентирован на мирную жизнь и построение светлого коммунистического будущего, отразив ведущую роль партии в жизни государства.

После периода разброда и шатания, «парада суверенитетов», увлечения неолиберальной западной идеологией в 90-х гг. XX в., ознаменованного невнятным гимном в виде бессловесной «Патриотической песни» М. Глинки, в 2000 г. вернулся гимн Советского Союза, трансформировавшись в гимн Российской Федерации. Его возвращение вызвало ожесточенные споры в обществе. До сих пор у определенной части граждан страны (по тем или иным причинам) есть претензии к новой редакции текста, либо старому музыкальному сопровождению. Тем не менее можно сказать, что это один из самых политкорректных государственных гимнов, возможно, именно потому, что изменялся вместе с потрясениями, постигавшими страну и мир.

1. Страна – «священная держава», «любимая», «раскинувшаяся «от южных морей до полярного края», «одна на свете такая», «храняемая Богом». «Отечество свободное», достоянием которого являются вовсе не богатейшие природные ресурсы, а «могучая воля, великая слава», что более приемлемо для государственного концепта;

2. Основная задача государственной власти – сохранять «братских народов союз вековой»;

3. Основная задача граждан – хранить верность Отчизне, что «дает нам силу» и открывает «широкий простор для мечты и для жизни» в грядущем. Особенно подчеркивается гордость народа за свою страну: «Славься» страна, мы гордимся тобой!»;

4. Враг – отсутствует;

5. Упомянется «предками данная мудрость народная», т. е. прописывается

бережное отношение к прошлому, и мечты о будущем «грядущие нам открывают года». Утверждение: «так было, так есть и так будет всегда» подключает к вечности государственный концепт великой, свободной, хранимой Богом страны. Существует надежда, что с введением данной формулы новые редакции гимна нам уже не грозят.

Для гимна характерно слабое различие между понятиями «страна» и «государство», что, в общем-то, характерно для российской политической мысли, стремящейся слить воедино то, что народ привык радикально разделять. Также характерно для России привнесение патернализма, закрепляемого на символическом уровне: верность народа Отечеству в данном контексте равна верности государственной власти, которая приводит к награде в виде возросших сил и светлого будущего. Патернализм, как воплощение архетипа отеческой власти государства, противостоит архетипу народного героя-бунтовщика, навечно впечатанному в коллективное бессознательное нации, и призван защитить общество от социальных потрясений, которых за предшествующие века случилось предостаточно.

Сходство данной редакции гимна с «Песнью немцев» – в полном и окончательном отсутствии врагов. Складывается ощущение, что его программа направлена на внутренние дела государства, утверждение самодостаточности нации, воспитании самоуважения и трансценденции к утраченному было высшим смыслом существования – Богу, традициям, мечтам, питающим творческий дух народа.

Таким образом, идеальный конструкт государства, программируемый гимном России, не так уж плох. Единственный его минус – он не вызывает эмоций. После 2000-х годов общество проявляет поразительное равнодушие к государственной символике, возможно, потому, что выздоровливает от радикализма. Россия не желает возвращаться в 90-е, с их революционным пафосом и бурными баталиями о форме и содержании символов власти, меняя боевой задор на стабильность и порядок. Может быть, и впрямь благоденственны те времена, когда нацией не правят символы? По крайней мере не правят напрямую, ибо их подспудное воздействие, как мы уже убедились на примере гимнов разных стран, не прекращается ни на миг.

Информационная цивилизация, выходящая из вещной цивилизации былых времен, располагается в пространстве

символической вселенной, о которой вел речь Э. Кассирер и в которую погружалась герменевтика XX в. Миф, наука, язык – феномены, конструирующие ее реальность. Символы и знаки – артефакты, формирующие феномены. Процесс познания в данной реальности движется по траектории герменевтического круга: понимание целого возникает при должной интерпретации частей, что можно сделать только тогда, когда понимание предзадано. Самопроявление понимания, таким образом, проявляется в истолковании. Задачей герменевта определено правильное «вхождение» в герменевтический круг, что должно привести к пониманию непонятого.

Срединное расположение символической вселенной предоставляет ей уникальную возможность стать связующим звеном между эмпирической и трансцендентной реальностями. Человек все увереннее обживает в этом промежуточном пространстве, усложняя и окультуривая его, применяя познавательные практики, являющиеся герменевтическими по природе самого объекта. В такой позиции процесс понимания становится более результативным, сдвигая горизонты непонятого к суб- и надсмысловым конструктам. За символом смыслы стоят всегда, ибо он закорен одновременно и в вещиности, и в трансцендентности. Таким образом, через анализ известных и традиционных знаковых фигур возможно прояснение неизвестного.

Когда символ непосредственно воздействует на предметную реальность, он открывает дорогу потоку трансцендентного, взламывающему упорядоченные структуры материального мира. Поступок, жест, лозунг, лишённые драйва во времена процветания, в эпоху перемен наполняются надпредметными иррациональными смыслами, подключаются к хаосу неопределённого и невыразимого. Трансцендентные наводнения вновь наполняют живительной силой, выражаясь словами К.Г. Юнга, «русла пересохших рек» архетипов государственной власти, а их эмблемы – герб, флаг и гимн – актуализируют забытые смыслы.

Таким образом, чтобы решить основную задачу герменевтики, необходимо не только искать понятное в непонятном, но и непонятное в понятном, т. е. восстановить непонятное в его правах. Понятное на поверхности, само собой разумеющееся, часто таит никому не известные глубины, ибо, перефразируя афоризм Чжуан-цзы, все и без того считают понятным понятное, но никто не считает понятным непонятное.

Результативность поиска непонятого в понятном демонстрирует представленный в статье онтолого-мировоззренческий анализ гимнов, вскрывающий неочевидные, но отнюдь не таинственные смыслы этих эмблематичных концептов. Через выделенное непонятое мы приходим к постижению нового витка реальности, содержащей в непонятом уже понятое.

Постсовременная информационная цивилизация своим обращением к симуляграмм стигматизирует непонятое, вытесняет его из символического срединного пространства, срывает с якорей, закрепленных в предметном и трансцендентном мирах. В результате потери связи с иными реальностями человек утрачивает традиционные смыслы бытия и начинает надстраивать и усложнять символический мир, абсолютизируя и дегуманизируя его. Диалектическое взаимодействие понятного и непонятого должно стать осевой программой герменевтики, а продуктивная дихотомичность предметной и трансцендентной реальности – фундаментом информационной цивилизации.

1. Бердяев, Н.А. Судьба России. М., 1990.
2. Вещество литературы (На вопросы редакции отвечает Л. Карасев) // Человек. 1997. N 1.
3. Емелин, В.А. Виртуальная реальность и симулякры. М., 1999 [Электронный ресурс]. URL: <http://emeline.narod.ru/virtual.htm> (дата обращения: 28.10.2014).
4. Лотман, Ю.М. Символ в системе культуры // Избранные статьи. Т. I. Таллинн, 1992.
5. Осоргин, М.А. Свидетель истории. М., 2010.

References

1. Berdjaev, N.A. (1990) Sud'ba Rossii [Russia's Destiny], M. [in Rus].
2. Veshhestvo, literatury (Na voprosy redakcii otvechaet L. Karasev) [Substance of Literature (L. Karasev answers the questions of editorial)] // Chelovek. 1997. N 1 [in Rus].
3. Emelin, V.A. (1999) Virtual'naja real'nost' i simuljakra [Virtual reality and simulacres], M. [Электронный ресурс]. URL: <http://emeline.narod.ru/virtual.htm> (data obrashhenija: 28.10.2014) [in Rus].
4. Lotman, Ju.M. (1992) Simvol v sisteme kul'tury [Simbol in the culture system] // Izbrannye stat'i. T. I, Tallinn [in Rus].
5. Osorgin, M.A. (2010) Svidetel' istorii [Witness of history]. Moscow [in Rus].

UDC 101.8

ANTHEM HERMENEUTICS. PART II

Vorobyeva Elena Yuryevna,

Cand. Sc. (Philosophy),

Omsk, Russian.

E-mail: velena-05@mail.ru

Annotation

Understanding as the main task of hermeneutics cannot be solved without dialectic approach. Understanding is not only penetration into understandable in a strange, but strange in the clear. In example of such traditional symbols of the state as anthems it is shown the extensibility mechanisms of known through the analysis of hidden meanings and their influence on the political fate of nations.

Key concepts:

hermeneutics,
information civilization,
symbol,
meaning,
anthem.

УДК 316.6

РЕАЛЬНАЯ И ВИРТУАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Козлова Наталия Сергеевна,

Ивановский государственный университет,
доцент кафедры социальной психологии,
кандидат психологических наук,
г. Иваново, Россия.
E-mail: nat-tycuk@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема идентичности в современной науке. Приводятся основные теоретические концепции, анализируется вопрос о соотношении личностной и социальной идентичности и изучается специфика виртуальной идентичности, возникающей и реализуемой в интернет-среде.

Ключевые понятия:
социальная, личностная
и виртуальная идентичность,
интернет-среда.

Социальная идентичность личности стала одной из основных и наиболее актуальных проблем социальной психологии. Возникла задача разграничения понятий "идентификация" и "идентичность". Э. Эриксон трактовал идентичность как итог самоотождествления. При этом система механизмов и процессов, которые обеспечивают этот итог, и представляют собой идентификацию [2]. В рамках данной работы речь идет именно об идентичности.

Почти полвека назад об этом явлении в социально-психологическом аспекте писал Г. Тэджфел, и именно тогда психология идентичности получила самостоятельное развитие [6]. Тогда же был поставлен вопрос о границах личностной и социальной идентичности. Развитие этой идеи представлено в работах И.Р. Сушкова [4]. Все идентификационные структуры являются личностными, но проявляться могут на двух уровнях социально-психологических отношений: на межиндивидуальном уровне (внутригрупповом взаимодействии) и межгрупповом уровне.

В современной зарубежной психологии к этому вопросу обращались Д. Трафимов, Г. Триандис и С. Джото [7]. В их работах присутствует переосмысление противопоставления индивидуальной и групповой идентичности. Групповая – внешняя, индивидуальная – личностная, и лежат они в отдельных плоскостях.

Однако представители теории социальных систем [5] также являются противниками подобного противопоставления, считая, что оба вида идентичности являются аналогичными структурами. И если сравнивать личностную и социальную идентичность, то в них присутствуют как различные, так и сходные элементы.

В данной же работе нас в большей мере интересует новый вид идентичности – виртуальный, и мы его будем рассматривать как социальный.

Возникновение такого явления возможно благодаря специфике самой интернет-среды. Помимо широчайшего спектра различных сообществ, доступных для пользователя, и возникновения у него идентичности с ними, существует возможность и для самостоятельного создания групп, и даже социальной среды. В таком случае они будут в максимальной степени соответствовать потребностям личности, в том числе и потребности в идентичности.

В современной психологии вопросами возникновения идентичности в Интернете занимались А.Е. Жичкина и Е.П. Белинская, связывая ее с самопрезентацией и самоопределением личности [1]. Они выделяют два пути:

1) за счет переноса элементов идентичности из реального мира в виртуальный, и создание на его базе идентичности в Интернете;

2) через активную позицию субъекта своей деятельности в интернет-пространстве.

Однако, как мы уже обозначали в предыдущих работах [3], в Интернете стандартные законы идентификации могут не срабатывать. Это связано с размыванием и «уточнением» рамок уже имеющихся социальных структур. То есть речь идет о крайне высокой социальной мобильности. Интернет обеспечивает полное отсутствие социального контроля, сводит на нет возможности нежелательного воздействия других, даруя тем самым личности неограниченную свободу, что в реальном мире невозможно. Одновременно зарождается и желание быть «на виду», то, что мы обозначали как желание публичности. Оно в свою очередь определяет еще один процесс – самопрезентацию. В итоге мы изначально предполагаем тесную связь трех понятий: виртуальная идентичность, публичность и самопрезентация. При этом центральным звеном является именно идентичность.

На основе этого, в рамках данной работы, мы ставим перед собой цель выявить взаимосвязи именно идентичности с особенностями вовлеченности личности в интернет-пространство.

Для подобного анализа мы использовали авторскую анкету, посвященную вовлеченности и активности личности в интернет-среде, включая целенаправленный вопрос о наличии и степени выраженности виртуальной идентичности. Реальная идентичность изучалась с помощью методики «Кто Я», расширенной и вопросом «Кто Мы?». При обработке учитывалось и совпадение содержания идентичности на этих уровнях. Также использовался ряд тестовых методик на выявление различных социально-психологических качеств.

По итогам эмпирического исследования мы выявили, что те, у кого активно происходит процесс формирования виртуальной идентичности, характеризуются достаточно широким диапазоном видов активности в

интернет-среде, которые в целом и обеспечивают ее возникновение. Это поиск людей со схожими взглядами, единомышленников ($r=0,40$, при $p \leq 0,01$), вхождение и деятельность в различных группах и сообществах ($r=0,35$, при $p \leq 0,05$), прохождение опросов по различной тематике ($r=0,40$, при $p \leq 0,01$). В итоге как раз может возникать чувства причастности, общности, единства с другими, то есть та база, на которой и образуется идентичность.

Стоит отметить что такие люди не лишены интереса к другим возможностям Интернета: мультимедийным ресурсам ($r=0,34$, при $p \leq 0,05$), он-лайн магазинам и покупкам ($r=0,30$, при $p \leq 0,05$), решению деловых и рабочих вопросов ($r=0,28$, при $p \leq 0,05$). То есть те, для кого характерна виртуальная идентичность, склонны к рациональному и многофункциональному использованию Интернета: от развлечений до решения практических задач как в бытовой, так и в профессиональной области.

Кроме этого, у таких лиц выявлена и специфика потребностно-мотивационной сферы, проявляющейся в виртуальном пространстве. Они считают интернет среду способной удовлетворить такие их потребности, как потребности в социальных связях ($r=0,43$, при $p \leq 0,01$) и дружбе ($r=0,34$, при $p \leq 0,05$). Ориентация на эти «социальные нужды», на наш взгляд, также способствует укреплению виртуальной идентичности и может привести к превышению ее значимости в сравнении с реальной.

Подобная специфика виртуальной идентичности в совокупности с тенденцией к рациональному использованию Интернета приводят к тому, что пользователи, говоря о влиянии Сети на их жизнь, расценивают его как позитивное ($r=0,28$, при $p \leq 0,05$). Однако стоит отметить, что одновременно многие из них начинают ощущать, что увеличение длительности и частоты пребывания в Интернете порождает возникновение проблем в семье ($r=0,37$, при $p \leq 0,01$). И на основании этого можно предполагать, что чувство удовлетворения от возникающей виртуальной идентичности способно перекрыть негативные последствия.

В целом же «картина активности» личности в интернет-среде с высокой виртуальной идентичностью достаточно позитивна: реализация социальных потребностей,

общение, рациональное использование полезных ресурсов, положительная оценка влияния Интернета.

Однако необходимо рассмотреть и «психологический портрет» таких пользователей, основанный на изучении их социально-психологических качеств.

Высокая выраженность виртуальной идентичности присуща пользователям, которые обладают некоторыми особенностями. При оценке их субъективного благополучия, можно отметить низкую психоземotionalную симптоматику ($r=0,32$, при $p\leq 0,05$). Это значит, что они обладают достаточно спокойным, позитивным эмоциональным фоном. Также выявлены связи с эмоциональной направленностью. Наличие виртуальной идентичности характерно для лиц с выраженной гедонистической направленностью ($r=0,30$, при $p\leq 0,05$), а вот эстетическая у них практически не выражена ($r=-0,30$, при $p\leq 0,05$). Таким образом, мы можем говорить, что у таких людей (при отсутствии проблем в эмоциональной сфере) ориентация идет все-таки в большей мере на себя, а не на мир. Чувство «прекрасного» им чуждо. При этом у них обнаруживается и высокое стремление к принятию ($r=0,31$, при $p\leq 0,05$).

На наш взгляд, такое объясняется активным взаимодействием с людьми в Интернете. В виртуальном мире достаточно легко найти пользователей, которые будут тебя принимать, так как это не будет являться для них затратным и к чему-либо обязывающим.

И один из самых важных вопросов для нас – взаимосвязь реальной и виртуальной идентичности – будет рассмотрен нами в заключение. Здесь особый акцент следует сделать на том, что при высокой виртуальной идентичности реальная значительно сужается. Присутствует идентификация себя на уровне «Я» как члена семьи ($r=0,42$, при $p\leq 0,01$), читателя и потребителя различных средств массовой коммуникации ($r=0,40$, при $p\leq 0,01$), а также авторитета для других ($r=0,37$, при $p\leq 0,05$). Но особенно важно, что при этом выпадают широкие социальные категории: индивид ($r=-0,35$, при $p\leq 0,05$), человек ($r=-0,37$, при $p\leq 0,05$) и гражданин ($r=-0,35$, при $p\leq 0,05$).

Таким образом, мы видим четкую ориентацию на собственную частную жизнь, семью, досуг, свою личную позицию по отношению к другим при уходе от социаль-

ной общественной позиции. И как один из самых важных моментов отмечаем: виртуальная идентичность (при всех своих плюсах) существенно искажает реальную.

Аналогичная картина выявлена и в отношении реальной идентичности на уровне «Мы». Пользователи, реализующие эту потребность в Интернете, относят себя к категориям читателей и пользователей средств массовой коммуникации ($r=0,37$, при $p\leq 0,05$), а также к интересным собеседникам ($r=0,37$, при $p\leq 0,05$). Последняя как раз может возникать именно на основе интернет-активности – в Сети всегда можно найти людей, которые интересуются точно тем же, что и сама личность, а также целые дискуссионные «клубы» – форумы, где у человека всегда есть возможность стать интересным для других и высказывать свою точку зрения. Отнесение же себя к «гражданам» на этом уровне, как и на уровне «Я» – отсутствует ($r=-0,35$, при $p\leq 0,05$).

Подведём итог всему вышесказанному. Лица с высокой виртуальной идентичностью характеризуются конструктивным, многофункциональным использованием Интернета. Не отличаются болезненной вовлеченностью в Сеть, и в целом влияние виртуального мира нельзя назвать негативным. Сами они его оценивают сугубо позитивно. Их эмоциональная мотивационная сфера, субъективное благополучие также не характеризуются проблемами. Но при всем этом виртуальная идентичность искажает реальную, переориентируя ее исключительно на индивидуальный уровень, в то время как социальный – исчезает.

1. Жичкина, А.Е., Белинская, Е.П. Самопрезентация в виртуальной коммуникации и особенности идентичности подростков – пользователей Интернета // Образование и информационная культура. Социологические аспекты. Труды по социологии образования. Т. V. Вып. VII / Под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2000. С. 431–460.

2. Заковоротная, М.В. Идентичность человека: социально-философские аспекты. Ростов-н/Д.: Изд-во Северо-Кавказского науч. центра высш. школы, 1999.

3. Козлова, Н.С., Сушков, И.Р. Стремление к публичности и самопрезентации как проявление специфических потребностей, реализуемых личностью в интернет-среде [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2013. № 6 (ноябрь–декабрь). URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/6/Ко>

zlova_Sushkov_Publicity-Self-Presentation (дата обращения: 12.09.2014).

4. Сушков, И.Р. Психология взаимоотношений. М.: Академический проект; М.: ИП РАН, 1999.

5. Сушков, И.Р. Психологические отношения человека в социальной системе. М.: Ин-т психологии РАН, 2008.

6. Tajfel, H., Wilkes A. Classification and quantitative judgment // *British Journal of Psychology*, 1963, 54. P. 101–114.

7. Trafimow D., Triandis H.C., Goto S.G. Some tests of the distinction between private self and collective self // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1991, 60. P. 649–655.

References

1. Zhichkina, A.Ye., Belinskaya, Ye.P. (2000) Samoprezentatsiya v virtual'noy kommunikatsii i osobennosti identichnosti podrostkov-pol'zovateley Interneta [Self-presentation in virtual communication and features of identity of teenagers – the Internet users] // *Obrazovaniye i informatsionnaya kul'tura. Sotsiologicheskiye aspekty. Trudy po sotsiologii obrazovaniya. T. V. Vyp. VII / Pod red. V.S. Sobkina. M.: Tsentr sotsiologii obrazovaniya RAO, 431–460 [in Rus].*

2. Zakovorotnaya, M.V. (1999) Identichnost' cheloveka: sotsial'no-filosofskiy aspekt [Person identity: social and philosophic aspect]. Rostov-n/D.: Izd-vo Severo-Kavkazskogo nauch. tsentra vyssh. shkoly [in Rus].

3. Kozlova, N.S., Sushkov I.R. (2013) Stremeniye k publichnosti i samoprezentatsii kak proyavleniye spetsificheskikh potrebnostey, realizuyemykh lichnost'yu v internet-srede [Tendency to publicity and self-presentation as specific needs appearance in the Internet] // *Informatsionnyy gumanitarnyy portal «Znaniye. Ponimaniye. Umeniye», N 6 (noyabr'–dekabr')*, available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/6/Kozlova_Sushkov_Publicity-Self-Presentation (accessed: 12.09.2014) [in Rus].

4. Sushkov, I.R. (1999) *Psikhologiya vzaimootnosheniy* [Communication psychology]. M.: Akademicheskoye izdatel'stvo; M.: IP RAN.

5. Sushkov I.R. (2008) *Psikhologicheskiye otnosheniya cheloveka v sotsial'noy sisteme* [Psychological relations of a man in the social system]. M.: In-t psikhologii RAN.

6. Tajfel H., Wilkes A. (1963) Classification and quantitative judgment // *British Journal of Psychology*, 54. P. 101–114 [in Eng].

7. Trafimow, D., Triandis, H.C., Goto S.G. (1991) Some tests of the distinction between private self and collective self // *Journal of Personality and Social Psychology*, 60, 649–655 [in Eng].

UDC 316.6

ACTUAL AND VIRTUAL IDENTITY

Kozlova Nataliya Sergeevna,

Ivanovo State University,
Associate Professor
of the Department Chair
of Sociological Psychology,
Cand. Sc. (Psychology),
Ivanovo, Russia.
E-mail: nat-tycuk@yandex.ru

Annotation

In this article the author considers the problem of identity in the modern science. The author provides the basic theoretical concept, analyses the relationship of personal and social identity. Then the specifics of virtual identity emerging and being fulfilled in the Internet space is described in the article.

Key concepts:

social,
personal and virtual identity,
Internet-space.

УДК 1(091)

СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК И МИР ОБРАЗОВАНИЯ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Липская Лариса Алексеевна,

Уральский государственный
университет физической культуры,
заведующий кафедрой
социально-гуманитарных наук,
доктор педагогических наук, профессор,
г. Челябинск, Россия.
E-mail lipskayala@mail.ru

Липский Вячеслав Иванович,

Челябинский государственный
педагогический университет,
профессор кафедры философии
и культурологии,
кандидат философских наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.

Аннотация

В социокультурном контексте дается анализ современных философских представлений о человеке, а также его реальном облике, сформировавшемся под воздействием мира образования; предлагается авторская трактовка философской антропологии как методологии современной философии образования в русле целостного понимания человека.

Ключевые понятия:

философия образования,
философская антропология,
«одномерный человек»,
человек-массы,
духовный человек.

Представления о человеке, его природе и сущности, о его роли и предназначении, как известно, начали складываться довольно давно. Многие философы, начиная с эпохи Древней Греции (Сократ, Платон, Аристотель), обращались к проблеме образования человека, пытались дать философское осмысление его сущности. В философских учениях и системах существовали разные представления о том, какой должна быть универсальная модель мира образования, каково место человека в этом мире и какого человека она должна воспитывать. Так, различные философские школы Древней Греции (платонизм, эпикуреизм, стоицизм, софизм, скептицизм) служили ориентиром педагогики и мира образования человека. Для Сократа человек – высшая ценность, для которого важна прежде всего любовь к мудрости. Для Протагора человек – мера всех вещей, он сам для себя определяет ценности и выбирает приоритеты. Платон сущность человека усматривал в его вечной и бессмертной душе, погруженной в мир интеллектуальной и духовной деятельности. Ряд плодотворных идей были высказаны Аристотелем, который рассматривал человека как «политическое животное», органически связанное с познанием общества и государства. Таким образом, уже древнегреческие мыслители обращали внимание на разные стороны человеческой природы, предлагая с помощью образования их развивать.

Во все времена философия участвовала и продолжает участвовать в создании различных концепций образования, в развитии мировоззренческих и методологических основ педагогической науки. Складывающиеся на протяжении многих тысячелетий философские парадигмы (теологическая, натуралистическая, социологическая, культурологическая и др.) влияли на формирование ценностей педагогики и образа человека.

Всплеск интереса к философской проблематике усилился в конце XX века, обусловленный интеграцией России в мировое образовательное пространство. Благодаря усилиям отечественных ученых, как философов, так и педагогов (Б. М. Бим-Бад, Б. С. Гершунский, О. В. Долженко, А. С. Запесоцкий, Л. М. Лузина и др.), довольно успешно развивалось направление исследований, связанное с поиском философских оснований развития современного образования. Надо отметить, что в своих философско-педагогических построениях

они придерживались противоположных взглядов о том, какой образ человека должен лежать в основе современного образования: духовно-нравственный, социально активный или профессионально компетентный. К сожалению, за прошедшие после перестройки годы ученые так и не смогли договориться о самом главном – выработать целостное представление о человеке, которого надо образовывать и воспитывать. Нет четких представлений о ценностях и идеалах, на которые должен ориентироваться современный молодой человек. Общность представлений была лишь в том, что нужна новая философия образования, которая бы стала основой обновления педагогической системы образования, способной эффективно готовить молодых людей к новым социальным реалиям (рынок, конкуренция, плюрализм, демократия и т.д.). Однако, несмотря на то что в постсоветский период марксистские представления о сущности человека «как совокупности всех общественных отношений» мало кто вспоминал, у значительной части ученого сообщества продолжали господствовать прежние философско-методологические установки. Не произошло существенных изменений в понимании самого образования и особенностей развития человека, который по-прежнему воспринимается не как духовно свободная, а как социально детерминируемая сущность. В связи с этим одной из главных функций педагогики продолжает считаться только человекоформирующая (В.Л. Бенин), которая, правда, под влиянием западной модели образования сегодня направлена исключительно на формирование компетенций. Социальный заказ высшей школе сменился «рыночным заказом», учитывающим прежде всего интересы бизнеса, под влиянием которого значительно большее внимание стало уделяться формированию не общекультурных, а профессиональных компетенций, становлению человека успешного и эффективного. Современное образование в условиях рыночной экономики, резкого социального расслоения и жесткой конкуренции, как показали исследования, утрачивает культуруформирующую функцию, что привело к дезинтеграции и духовной деградации части российской молодежи, утрате духовных ценностей, формированию «одномерного» экономического человека, рассчитывающего прежде всего на материальный успех и одержимого стремлением к выгоде, деньгам. Прослеживается влия-

ние западных потребительских ценностей на «ценностный мир» одномерного человека, идеалом для которого выступает так называемый американской образ жизни.

Для него характерен не дефицит внешней свободы, а – дефицит внутреннего нравственного контроля. Вульгарный индивидуализм и эгоизм, жажда наживы, которой одержима достаточно значительная часть таких людей, свидетельствует, как считают ученые, о победе экономики над личностью, о кризисе духовности, который может привести к морально-этической катастрофе [3, с. 80]. Духовный человек, великодушный и сострадательный, добрый и отзывчивый, придерживающийся религиозных ценностей и нравственных норм, в повседневной жизни и на рынке труда проигрывает «одномерному» бездуховному, но экономически активному и деятельному человеку, так как не готов ради прибыли и материального успеха идти на сделки со своей совестью, лгать и предавать.

Определенную роль в формировании человека-массы, имеющего фрагментарное, несистемное мышление, ориентированного на удовлетворение телесных потребностей (в ущерб духовным), сыграла западная философия постмодернизма (Р. Барт, Ж. Деррида, Ж. Делез, Ж. Лиотар и др.), оказавшая пусть не прямое, но косвенное влияние и на педагогику.

Политическое и ученое сообщество, обеспокоенное деградацией нравственно-психологического мира человека, пытается найти выход из этой непростой ситуации, предлагая ужесточить законы и нравственную цензуру, ввести государственный контроль над СМИ и Интернетом. К сожалению, одними запретительными мерами проблему вряд ли удастся решить, здесь необходим комплекс мероприятий, включающий гражданско-правовое и патриотическое воспитание, защиту историко-культурного наследия, духовно-нравственных традиций и норм общественной жизни.

Но прежде всего, как нам кажется, нужна теоретико-методологическая база построения современного образования, которая бы способствовала его переориентации с узкопрагматической компетентностной модели на модель, отражающую целостный образ человека во всей его многогранности, универсальности и уникальности неповторимости. Философы и ученые-педагоги (В.С. Библер, Е.В. Бондаревская, С.В. Борисов, И.С. Якиманская и др.) отмечают необходимость построения

мира образования, ориентированного на человека как высшей ценности и главной цели образования. Они предлагают развивать равноправные, субъект-субъектные взаимоотношения в ходе образовательного процесса, основанные на со-общении, со-беседничестве, внутреннем и внешнем диалоге, поиске общих точек мировосприятия и миропонимания, в котором человек выступает как субъект суждения, познания и действия [1, с. 156].

Для построения внутренне свободно-го мира образования нужна новая философия, которая призвана не только всесторонне осмысливать с философских позиций мировоззренческую суть образования, но задавать педагогике образ нового человека. В последнее время стала оформляться идея философской антропологии как методологии философии образования, которая, однако, рассматривается многими учеными-педагогами и философами (Ю. М. Резник, Б. М. Бим-Бад, Л. М. Лузина) не в широком, а узком смысле – как одно из философских учений о человеке. Так, в качестве методологической программы философии образования Ю. М. Резником была предложена идея становления трансперсонального человека (дифференцированного Иного) в процессе межличностного взаимодействия, проникновения в жизненные миры других людей, взаимопонимания на основе сходства жизненных смыслов и перспектив» [7, с. 140]. Его многоликий образ, находящийся на границе экзистентного и трансцендентного, соткан из образов разных и единичных «Иных», которые дополняют и умножают самость человека, тем самым расширяя пространство его существования. Реализация стратегии трансперсонализма в философии образования, по мнению ученого, способна преодолеть такие негативные установки в жизненном мире современного человека, как искусственная дефрагментация жизненного мира человека и ряд других [2, с. 124]. Признавая возможную результативность данного антропологического проекта, все же хотелось бы отметить его односторонность, поскольку он направлен преимущественно на расширение возможностей взаимопонимания, на сохранение индивидуальных различий, развитие творческой активности автономной личности, живущей в своем мире, ее коммуникативных способностей. Как известно, абсолютизация ценностей индивидуализма ведет к отчуждению лич-

ности от общества. Трансперсональный подход ограничивает социокультурное пространство, сужая философские представления о трансперсональном человеке креативными рамками: развитой интуицией, воображением, эмпатией. При таком подходе в стороне остаются проблемы ценностных приоритетов и нравственных идеалов, общие коллективные представления и нормы, характерные для интересующего субъективного мира.

Однако вера в то, что возможно преодоление неумеренного потребительства, эгоистических интенций массового человека, должна быть основана, как на особом миропонимании (в частности, эволюционном трансгуманизме), так и на философском представлении о целостности человека, о необходимости развития и формирования в процессе образования всех сторон его уникальной и многогранной биосоциокультурной природы.

Осознание многокачественности человека, осмысление его в диалектическом единстве субъективного и объективного, индивидуального и социального, телесного и духовного позволяет по-новому выстроить и существенно скорректировать современную модель образующегося человека. В связи с этим необходима разработка новой философско-педагогической парадигмы, которая бы не отрицала, а дополняла уже существующую компетентностную парадигму, способную стать ориентиром формирования современного мира образования, основанного на культивировании как человеческой субъективности и индивидуальности, так и на реализации общественной сущности человека, проявлении гуманности и ответственности. Человек в рамках данной парадигмы выступает как свободный субъект и в системе общества, и в системе образования, в актах самопознания и самосовершенствования своей индивидуальной культуры, а также создания новых форм или объектов культуры.

1. Борисов, С.В. Философская пропедевтика: теория и практика. М.: Кампания Спутник+, 2003. 229 с.

2. Борисов, С.В. О философии образования новой России и не только... // Социум и власть. 2012. № 6. С. 122–125.

3. Делюкаров, К.Х. Модернизация российского общества и проблема духовности // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 3. С. 71–88.

4. Дубровский, Д.И. Природа человека, массовое сознание и глобальное будущее // Философские науки. 2013. N 9. С. 5–15.

5. Корсаков, С.И. Об универсальности и уникальности человека // Вопросы философии. 2012. N 3. С. 167–176.

6. Липская, Л.А. История и философия образования: антропологические основания: учебное пособие. Челябинск: Уральская академия, 2007. 236 с.

7. Резник, Ю.М. Человек среди людей: особенности трансперсонального взаимодействия // Вопросы социальной теории: научный альманах, т. VI.; под ред. Ю.М. Резника и М.В. Тлостановой. М.: Изд-во Независимого ин-та гражд. общ-ва, 2012. 304 с.

References

1. Borisov, S.V. (2003) *Filosofskaya propedeutika: teoriya i praktika* [Philosophic propedeutic: theory and practice]. M.: Kampaniya Sputnik+, 229 [in Rus].

2. Borisov, S.V. (2012) *O filosofii obrazovaniya novoy Rossii i ne tol'ko...* [About philosophy of education in New Russia and not only...] // *Sotsium i vlast'*, N 6, 122–125 [in Rus].

3. Delokarov, K.Kh. (2014) *Modernizatsiya rossiyskogo obshchestva i problema dukhovnosti* [Modernization of Russian society and the problem of spirituality] // *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*, N 3, 71–88 [in Rus].

4. Dubrovskiy, D.I. (2013) *Priroda cheloveka, massovoye soznaniye i global'noye budushcheye* [Human nature, mass consciousness and global future] // *Filosofskiy nauki*, N 9, 5–15 [in Rus].

5. Korsakov, S.I. (2012) *Ob universal'nosti i unikal'nosti cheloveka* [About human universality and uniqueness] // *Voprosy filosofii*, N 3, 167–176 [in Rus].

6. Lipskaya, L.A. (2007) *Istoriya i filosofiya obrazovaniya: antropologicheskiye osnovaniya: uchebnoye posobiye* [History and philosophy of education: anthropocentric bases: manual]. Chelyabinsk: Ural'skaya akademiya, 236 [in Rus].

7. Reznik, Yu.M. (2012) *Chelovek sredi lyudey: osobennosti transpersonal'nogo vzaimodeystviya* [Human between humans: peculiarities of interpersonal relations] // *Voprosy sotsial'noy teorii: nauchnyy al'manakh*, t. VI.; pod red. YU.M. Reznika i M.V. Tlostanovoy. M.: Izd-vo Nezavisimogo in-ta grazhd. obshch-va, 304 [in Rus].

UDC 1(091)

MODERN HUMAN AND WORLD OF EDUCATION: UNDERSTANDING AND SOCIOCULTURAL REALITY

Lipskaya Larisa Alekseevna,

Ural State University of Physical Culture, Head of the Department Chair of Social and Humanitarian Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: lipskayala@mail.ru

Lipsky Vyacheslav Ivanovich,

Chelyabinsk State Pedagogical University, Professor of Philosophy Department Chair, Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Chelyabinsk, Russia.

Annotation

Modern philosophical understanding of human being, his real image, formed under the influence of education, is presented in sociocultural context in the article. The authors' interpretation of philosophical anthropology as modern educational philosophy methodology in line with holistic human beings understanding is described in the article.

Key concepts:

educational philosophy, philosophical anthropology, "one-dimensional man", individual – general population, an immaterial person.

УДК 658.336

ИННОВАЦИОННО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД В ПОДГОТОВКЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ

Перевозова Ольга Владимировна,

Финансовый университет
при Правительстве РФ,
Челябинский филиал,
доцент кафедры менеджмента
и маркетинга,
кандидат педагогических наук,
профессор Российской академии
естествознания,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: o-v-perevozova@mail.ru

Лазарева Вероника Николаевна,

Финансовый университет
при Правительстве РФ,
Челябинский филиал,
студентка кафедры менеджмента
и маркетинга,
г. Челябинск, Россия.

Аннотация

Роль подготовки специалистов нового формата приобретает особую актуальность в свете последних преобразований экономики и развития рынка труда. Внедрение инноваций в практике компаний требуют подготовки специалистов, готовых к управленческой деятельности и умеющих ориентироваться в тенденциях современной экономики. Система образования, реагируя на текущие перемены, предлагает новые подходы к подготовке специалистов нового формата. Классические подходы образовательных технологий становятся второстепенными, и на смену приходят подходы, ориентированные на инновационный потенциал бизнеса.

Ключевые понятия:

инновационно ориентированный подход,
управленческие кадры,
подготовка специалистов,
управленческая подготовка,
конкурентоспособность.

Современная российская экономика, подчиняясь требованиям времени, переживает период бурного развития инновационной деятельности. Само государство становится заинтересованным лицом в этих процессах. Имеется огромное количество государственных и региональных программ и концепций, направленных на поддержание и развитие инноваций во многих отраслях и сферах социально-экономического значения.

Вопрос о роли инноваций выходит на национальный и международный уровень [1].

Такая глобализация объясняет актуальность и целесообразность включения в процесс инновационных перемен и высшие органы власти. Соответственно, органы государственной власти в Российской Федерации не остаются безучастными в этих стратегических процессах и активно принимают меры для устранения всех проблем, возникающих на пути развития инноваций в государстве.

Тем не менее сами инновации не могут реализовываться в практике компаний. Вопрос заключается в эффективности их внедрения и освоения, которые полностью зависят от уровня подготовки специалистов, готовых принять управление инновационными процессами. В связи с этим возникает стратегически важный вопрос о новом подходе к подготовке таких специалистов в современных условиях бизнес-образования и динамики экономических процессов.

Следует отметить, что начало теории инноваций и их роли в поступательной экономической динамике было положено в работах В.М. Аньшина, Н.В. Бекетова, Д. Белла, Л.М. Гохберга, С.Д. Ильенковой, М. Портера, Ф. Уэбстера, Ф. Шерера и др.

Взгляды теоретиков послужили фундаментальной основой для дальнейшего развития роли и сути инноваций в становлении организаций и их развитии. Все современные подходы к инновационным ориентирам управления берут начало в трудах М. Портера и Ф. Уэбстера.

Динамика развития науки и практики инновационных процессов привела к тому, что сформировалась методология в понимании основных подходов к инновационной деятельности предприятий и инновационных систем.

В связи с чем теоретико-методологической основой по инновационной деятельности и инновационным системам предприятий стали труды В.В. Авиловой, С.В. Валдайцева, С.Ю. Глазьева, М.В. Егоровой, Г.М. Загидуллиной, С.В. Киселева, Т.В. Крамина, В.В. Новохатского, К.Ф. Пузыни, А.А. Румянцевой, Ф.Ф. Рыбакова, Л.Н. Сафиуллиной, Р.А. Фатхутдинова, А.Р. Шарапова, Ю.В. Яковца и еще ряда других исследователей.

Развитие инновационной мысли привело к тому, что инновационную активность предприятий стали связывать с его конкурентоспособностью. А конкурентоспособность предприятий стали неразрывно отождествлять с уровнем компетентности персонала, который и реализует инновационный потенциал предприятий и обладает всеми конкурентными компетенциями, необходимыми для реализации и внедрения инноваций. На этом этапе в науке и практике инновационного развития встал вопрос о качестве и уровне подготовки разных категорий персонала предприятий.

Анализ показал, что, с одной стороны, нарастают проблемы с отсутствием технического персонала, который обеспечивает разработку и внедрение инноваций в производство на технологическом уровне, а с другой стороны, ярко выражена и нехватка управленческих кадров, способных эффективно работать в инновационных проектах. То есть не хватает управленческих кадров, которые готовы «управлять инновациями», расставляя ресурсы, время и приоритеты. Именно отсутствие управленческих кадров существенно снижает конкурентоспособность предприятий и усложняют формирование конкурентоспособности менеджеров линейного уровня для организации тактических процессов внедрения инноваций.

В более ранних исследованиях мы уже неоднократно отмечали связь конкурентоспособности как экономической категории и как кадровой характеристики управленческого состава, обеспечивающего инновационное развитие экономической среды предприятий.

Мы установили, что феномен конкурентоспособности исследовали ученые в области экономики (П.И. Ананьева, О.В. Борисова, Е.А. Резанович и др.) и в психологии (М.Н. Арцев, Д.В. Ненашев, А.С. Ушакова и др.).

Вопросам формирования конкурентоспособности будущих менеджеров посвящены фундаментальные труды В.И. Андреева, В.П. Окулич-Казарина, И.В. Резанович и др.

Научные основы профессиональной компетентности и конкурентоспособности раскрыты в работах В.И. Байденко, Е.А. Гнапышиной, Э.Ф. Зеера и др.

Вопросам использования экономических методов в обучении менеджеров посвятили исследования И.М. Лифшиц, Г. Минцберг, В.Г. Рындак и др.

Вопросам сочетания традиционных и инновационных (инжиниринговых и реинжиниринговых) методов, форм и средств формирования конкурентоспособности посвящены работы В.А. Биляк, С.Л. Бедринной, О.С. Рудаковой и др.

То есть мы видим, что наука создала базу и фундаментальную основу для практического внедрения существующих идей и методов. Однако именно их реализация при внедрении в практику показала колоссальное количество нестыковок и противоречий, затруднивших реализацию имеющихся концепций.

Такое противоречие привело к тому, что резко возросла значимость целенаправленной подготовки управленческих кадров, способных и готовых к оперативной инновационно ориентированной деятельности [2].

Потребовалось изучить научно-теоретический опыт и практику в вопросах инновационно ориентированных подходов в подготовке управленческих кадров. Мы отметили, что наука и практика не дают единых подходов к ответам на поставленные вопросы. Это связано со многими факторами.

Во-первых, российская система образования находится в стадии активного изменения и поиска новых путей современной подготовки управленческих кадров [3].

Во-вторых, стало понятно, что и российская экономика также испытывает недостаток в инновационно ориентированных специалистах с хорошим уровнем компетентности.

Следовательно, тема инновационно ориентированного подхода к подготовке управленческих кадров снова становится актуальной и приобретает новое качество в теории и практике современного управления.

Заявленная актуальность обусловила и цель нашего исследования – проведение анализа практики использования инновационно ориентированного подхода к подготовке управленческих кадров в вузах в новых образовательных условиях развития социума.

Мы установили, что, несмотря на существенный теоретический и практический интерес ученых и значительность полученных к настоящему времени результатов, проблема использования инновационно ориентированного подхода к подготовке управленческих кадров в вузах по-прежнему не решена в достаточной степени. Основными причинами этого являются:

- отсутствие общепризнанного понимания инновационно ориентированного подхода к подготовке управленческих кадров;

- отсутствие системного воздействия на реализацию инновационно ориентированного подхода в подготовке управленческих кадров;

- неполное раскрытие связи между инновационно ориентированным подходом к подготовке управленческих кадров и их конкурентоспособностью, профессиональной компетентностью; а также преобладание формального подхода к организации образовательного процесса;

– недостаточная теоретико-методологическая и технологическая разработанность направлений совершенствования подготовки менеджера на базе инновационно ориентированного подхода к подготовке управленческих кадров для успешной деятельности в сфере управления.

Мониторинг последних научных исследований показал, что динамика времени обуславливает актуальность именно инновационно ориентированного подхода. Однако сущность и реализация такого подхода недостаточно изучена как в российской практике управления, так и в мировой.

Так, например, проблему реализации инновационно ориентированного подхода в области управления рассматривают Ю.В. Кривцова, Я.Ю. Чуева, Е.А. Юдицкая, Е.В. Карпова, В.С. Ефремова, В.О. Колерова и др.

В своих работах исследователи объясняют целесообразность инновационно ориентированного подхода, развивают идею о проблемах финансирования в практике внедрения новых образовательных технологий.

Сложно не согласиться с Ю.В. Кривцовой и Я.Ю. Чуевой в том, что проблема подготовки кадров на сегодняшний день – одна из самых важных в экономике Российской Федерации. На наш взгляд, сегодня стало необходимо пересмотреть всю профессиональную подготовку в России, так как последние годы наблюдается неприспособленность выпускников к конкретным действиям на реальных рабочих местах.

И.В. Белянина в своей диссертации на тему «Формирование инновационно ориентированной системы управления производством» доказала, что сегодня для развития российской экономики наличие инновационных управленческих кадров необходимо, т.к. «эффективность организации обеспечивается человеком». А.К. Ключев раскрыл проблему инновационной подготовки кадров для предприятий малого бизнеса. Он предложил создать программу по обучению и переквалификации специалистов в области инновационного менеджмента.

Изучив многие мнения и точки зрения по данному вопросу, мы смогли установить, что уже сегодня в практике вузов можно использовать ряд инновационных педагогических технологий, которые будут сопутствовать формированию управленческой компетентности в инновационных сферах экономики.

В связи с этим нами была определена научная новизна исследования. Частично она объясняется тем, что:

1. Была сделана попытка определить теоретико-методологическую основу проблемы реализации инновационно ориентированного подхода к подготовке управленческих кадров.

Мы доказали, что необходимо рассматривать данный процесс с учетом социально-личностного, системно-синергетического и компетентностно-контекстного подходов. Акцент мы делаем на том, что важна именно интеграция этих подходов, так как их сочетание обеспечивает корректность постановки исследуемой проблемы, возможность комплексного изучения, создание теоретического и практического аппарата для достижения поставленной цели.

2. Была сделана попытка определить содержательное наполнение и специфику феномена инновационно ориентированного подхода к подготовке управленческих кадров в разрезе инновационной активности предприятий. А также была попытка установить прямую связь в практико-ориентированном характере данного процесса.

Практическая значимость наших исследований заключается в том, что для внедрения инновационно ориентированного подхода в практику подготовки специалистов мы рекомендовали использовать несколько интерактивных методов.

1. Метод кейс-стади – это выделение из практической деятельности типовых ситуаций. Студенты анализируют эти ситуации, а потом предлагают свои решения и формулируют сценарии развития дальнейших событий. При этом у студентов формируются профессиональное мышление и способность принимать решения в ряде типовых профессиональных ситуаций.

2. Метод обучения через проекты. Здесь необходимо студенту встроиться в систему коллективных работ, направленных на решение реальной практической задачи. Проектируя развитие ситуации, анализируя данные, студент получает возможность освоить способ выполнения соответствующих работ. Групповая форма организации учебного проекта вынуждает участников организовывать совместную деятельность и налаживать рабочие коммуникации, то есть приучает действовать в команде. Обучение на базе проектного подхода наиболее эффективно при подготовке управленцев, которые должны обеспечить процессы реформирования и развития бизнеса.

3. Метод бизнес-симуляций – это ролевые игры, настольные игры, деловые игры, а также компьютерные имитации, или симуляторы.

На наш взгляд, данные методы инновационно ориентированной подготовки управленческих кадров помогут скорректировать проблему их подготовки до уровня компетентности, гарантирующей их профессиональную конкурентоспособность.

Исследование инновационно ориентированной подготовки управленческих кад-

ров перспективно, потому что оно позволяет улучшить практику обучения будущих менеджеров и других специалистов с оперативным характером деятельности как низового, так и среднего и высшего звена. Необходимо его продолжать и расширять, чтобы находить новые пути и методы работы с будущими руководителями инновационных проектов.

Мы отмечаем, что имеющиеся исследования отражают реальное многообразие научных идей к сущности инновационно ориентированного подхода к подготовке управленческих кадров. Констатируем факт, что инновационно ориентированный подход к подготовке управленческих кадров обусловлен междисциплинарностью, многоаспектностью и отсутствием устоявшейся педагогической точки зрения на его сущность, структуру и содержание, что сдерживает теорию и практику подготовки менеджеров, способных и готовых к успешной профессиональной деятельности.

Следовательно, можно говорить о перспективности вопроса как для экономической отрасли наук, связанных с изучением инновационного потенциала предприятий, так и для педагогической отрасли, обеспечивающей кадровые возможности для рынка труда в лице выпускающихся специалистов.

1. Ефремов, В.С. О национальных и международных проблемах подготовки высококвалифицированных кадров // Менеджмент в России и за рубежом, 2002. N 2. С. 18–23.

2. Колерова, В. А. Сырые материалы // Тюменский бизнес-журнал, 2010. N 9. С. 58–63.

3. Перевозова, О.В. Экономический (рыночный) подход в формировании инновационной компетентности специалистов // Управление инновационным развитием экономики: теория, методология, практика: сборник научных трудов / Челябинский филиал Финуниверситета. Челябинск, 2014. 233 с.

4. Юдицкая, Е.А., Карпова, Е.В. Инновационно-ориентированный подход к подготовке кадров: проблемы реализации и финансирования. Челябинск: УрГЭИ, 2012. 168 с.

References

1. Yefremov, V.S. (2002) O natsional'nykh i mezhdunarodnykh problemakh podgotovki vysokokvalifitsirovannykh kadrov [About national and international problems of training highly qualified personnel] // Menedzhment v Rossii i za rubezhom, N 2. 18–23 [in Rus].

2. Kolerova, V.A. (2010) Syryye materialy [Raw Materials] // Tyumenskiy biznes-zhurnal, N 9, 58–63 [in Rus].

3. Perevozova, O.V. (2014) Ekonomicheskiy (rynochnyy) podkhod v formirovaniy innovatsionnoy kompetentnosti spetsialistov [Economic (market) approach to formation of innovative competence of specialists] // Upravleniye innovatsionnym razvitiyem ekonomiki: teoriya, metodologiya, praktika: sbornik nauchnykh trudov / Chelyabinskiy filial Finuniversiteta. Chelyabinsk, 233 [in Rus].

4. Yuditskaya, Ye.A., Karpova, Ye.V. (2012) Innovatsionno-orientirovanny podkhod k podgotovke kadrov: problemy realizatsii i finansirovaniya [Innovatively oriented approach to personel training: problems of realization and finance]. Chelyabinsk: UrGEI, 168 [in Rus].

UDC 658,336

INNOVATION-ORIENTED APPROACH IN MANAGERS TRAINING

Perevozova Ol'ga Vladimirovna,
Chelyabinsk branch of the University of Finance under the Government of the Russian Federation,
Associate Professor of the Department Chair of Management and Marketing, Cand. Sc. (Pedagogics),
Professor of the Russian Academy of Natural Sciences,
Chelyabinsk, Russia.
e-mail: o-v-perevozova@mail.ru

Lazareva Veronika Nikolayevna,
Chelyabinsk branch of the University of Finance under the Government of the Russian Federation,
student at the Department Chair of Management and Marketing,
Chelyabinsk, Russia.

Annotation

The role of specialist training of the new format is particularly relevant in light of recent changes in the economy and labor market development. Innovation in practice of companies requires training of specialists ready to administrative activity and able to orient in the trends of the modern economy. The education system in response to the current changes offers new approaches to new format training. Classical approaches become secondary educational technologies and are replaced by approaches focused on the innovative potential of the business.

Key concepts:

innovation-oriented approach, management skills, training, management training, competitiveness.

УДК 130.31

«ЖИЗНЬ СОЛО» КАК ПУТЬ К ИДЕНТИЧНОСТИ

Чернова Элина Григорьевна,
Магнитогорский государственный
технический университет
им. Г.И. Носова,
доцент,
канд. филос. наук, доцент,
г. Магнитогорск, Россия.
E-mail: elincher@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется распространенный в наше время феномен социальной реальности – жизнь в одиночестве, рассматриваются его причины и позитивные следствия.

Ключевые понятия:
бытие индивида,
социальная реальность,
отчуждение,
идентичность.

Проблемность человеческого бытия изначально обусловлена способностью человека осознавать себя и на этом основании противопоставлять себя миру, будучи его неотъемлемой частью. Эта способность является основой того, что философия определяет как «экзистенциальное одиночество».

Традиционно в культуре и обыденной жизни одиночество имеет отрицательный оттенок значения. Еще в Екклесиасте сказано: «...если упадет один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его [3, с. 145]. Согласно Аристотелю, «...тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек...» [1, с. 11]. Понимание пагубности изоляции делает одиночное заключение самым страшным после смертной казни наказанием. Примеры можно множить, но все они подтверждают, что, объединяясь, люди становятся сильнее, счастливее и т.п., а разъединяясь, как строители вавилонской башни или мифические андрогинны из платоновского «Пира», становятся слабее и несчастнее.

Самым весомым свидетельством тяги людей к жизни сообща является создание семьи. На протяжении всей истории человечества во всех культурах именно семья, а не отдельный индивид составляют основу общественной и экономической жизни. Признание роли семьи в обеспечении материального и нравственного благополучия отразилось в многочисленных русских пословицах: «Холостой – полчеловека», «Семейный горшок всегда кипит», «В семье и каша гуще». И даже если существуют альтернативные коллективы, одно остается постоянным: во все времена и везде человек организовывал свою жизнь так, чтобы находиться не в одиночестве, а в кругу себе подобных, для того чтобы выживать в прямом и переносном смысле.

Однако в последней трети XX – начале XXI вв., прежде всего в развитых странах, ситуация изменилась. Можно утверждать, что в последние полвека человечество приступило к осуществлению уникального социального эксперимента. Впервые в истории значительное число жителей планеты самых разных возрастов, придерживающихся самых разных политических взглядов, начали жить одиночками. Возникает

исторически новый феномен – предпочтение «жизни соло» (этот удачный, на наш взгляд, термин ввел американский социолог Э. Кляйненберг).

По данным социологических исследований, в наши дни одиноками являются более 50 % взрослых американцев. Одинокие составляют 28 % всех американских домохозяйств. В Швеции 48% домохозяйств состоят из одного человека [2, с. 221]. В России с каждым годом растет число одиноких людей. Если в 90-е годы не имели семьи 22% населения, то сегодня – уже 40%. В Москве этот показатель еще выше – в столице проживают более 50% одиночек. Увеличение в России количества домохозяйств с 2002 по 2010 год – следствие прежде всего роста числа домохозяйств, состоящих из одного человека. Таких домохозяйств одиноких людей стало больше на 19,4 %. [см. 4].

«Жизнь соло» выбирают молодые люди в возрасте до 30–35 лет, чтобы «пожить для себя»; одинокие люди, не связанные узами брака и не желающие идти на компромисс в вопросе выбора партнера во многом благодаря тому, что пользуются личными и социальными преимуществами, которые дает статус одинокого человека; разведенные мужчины и женщины, пережившие личную трагедию; люди зрелого возраста, оставившие партнера после взросления детей; пожилые, не желающие жить в расширенных семьях после смерти супруга или супруги.

Причины, традиционно называемые в ряду объяснений этих процессов – растущая фрагментация общества и индивидуализация его членов, кризис семейных ценностей и рост благосостояния, трансформация городских пространств, усиление роли женщин в обществе, революция «социальных сетей» и увеличение средней продолжительности жизни.

Феномен одиночества, не теряя личностного и психологического аспектов, приобретает общественное значение, изменяет «социальную ткань» и представление о человеческих взаимоотношениях, влияет на особенности градостроительства и развития экономики. Но главное, что нуждается, на наш взгляд, в тщательном анализе, – это позитивное восприятие данного явления социальной реальности.

Позиционирование одиночества как явления положительного имеет богатую культурную историю. Монашеская традиция, уходящая корнями в древность, прославляла аскезу как путь получения знаний

и смысла жизни. Согласно многим религиозным учениям, уход от общества является наилучшим способом приближения к божественному.

В западной культуре культ индивида постепенно распространялся начиная с эпохи Возрождения. В XIX веке трансценденталисты (Р. Эмерсон, Г. Торо и др.) развивали идею о человеке как средоточии космических сил, пронизывающих природу и связывающих индивидуальное «Я» с вселенской «Сверхдушой». Но, различая одиночество и уединение, Торо наделял первое отрицательным смыслом, так как человек, пребывая в нем, отчуждается от самого себя как частицы мировой гармонии. Второе же – это путь к миру, условие для самопознания и совершенствования. «Черная меланхолия не посещает того, кто живет на Природе и усмирил свои страсти и чувства...», «я снова увидел свежесть и красоту Природы... которые оттенили и сделали незначительными надуманные радости человеческой близости, после чего я никогда больше не вспоминал о них» – писал Торо [6, с. 89–90].

В наши дни культ индивида находит свое отражение не только в романтических идеалах, идеях затворничества и возвращения к природе, пути к божественному, но и в возвращении человека к творческим истокам. Согласно этим идеям, жизнь в одиночестве оказывает значительное воздействие на процесс личного взросления. Для современных «одиночек» их выбор – в большинстве своем осознанное решение, и поэтому каждый человек, выработавший в себе способность жить в одиночестве, стремится активно «переформатировать» представление о том, что его существование является показателем социального фиаско, в прямо противоположное – что оно свидетельствует о неординарности личности и об успехе. Высвобожденное благодаря избранному ими образу жизни время используется на личное и, главным образом, профессиональное развитие. Утверждается убеждение, что инвестиции в себя необходимы потому, что современные семьи часто распадаются, работа не является стабильной, и в конечном счете каждый из нас может надеяться только на самого себя. Для укрепления своего «я» необходимо, с одной стороны, заниматься «сольными» проектами: учиться самостоятельно вести хозяйство, самому придумать себе развлечения и довольствоваться

своим собственным обществом. С другой стороны, не отменяются активная социальная жизнь, поддержание дружеских и рабочих контактов.

Таким образом «жизнь соло» многих наших современников не означает краха социальных связей или роста психологических проблем, ведь ощущение и переживание одиночества не зависит от реального социального статуса.

Вспомним, что для «предэксистенциалистов» и сторонников экзистенциальной философии (С. Кьеркегор, Ж. П. Сартр и др.) одиночество есть важнейшая характеристика человеческого бытия, принципиально неустранимая независимо от способа существования: среди людей или в уединении. Человек «заброшен» в мир, он всегда один, в чем его бремя и его величие: осмысление сначала отдельности, а затем одиночества есть необходимое условие становления личности. Уединение позитивно, это присутствие самого себя и возможность обрести подлинную самость.

В этом контексте важно, что процесс отчуждения личности, выражением которого может быть феномен «жизни соло», рассматривается в современной философии в его продуктивном смысле – в качестве механизма целостности социального. Процессуальность жизни человека проявляется в том, что, отчуждая, он создает самого себя. В любом диалоге, в том числе и внутреннем, происходит отчуждение собственного «я», и это не утрата, а форма констатации себя в этом мире [2, с.9]. Подлинный диалог ведет к обретению идентичности, так как позволяет уточнить, определить, обосновать свою экзистенцию. Первый шаг на этом пути представляет самоопределение, осознание себя как подлежащего собственным действиям, постановка вопроса о себе: «что для меня значит быть собой?» В этом процессе «заботы о себе» (М.Фуко) требуется диалог между Я и Я-сам, тождество и различие заботящегося и того, на кого забота направлена.

Сегодня зачастую бытует мнение о том, что счастье и успех скорее зависят не от того, связывает ли один человек себя с другим, а с открытием целого мира возможностей для того, чтобы индивид мог выбрать лучший для себя вариант. Свобода, гибкость, личный выбор и наличие обязательств – прежде всего по отношению к себе – именно эти ценности считаются

сегодня приоритетными в процессе личностной идентификации.

В этом смысле к философскому анализу проблем одиночества и самоидентификации близка тема эскапизма. Эскапизм традиционно трактуется как «бегство от реальности», и большинство определений эскапизма сводятся к тому, что человек в ситуации нежелания справляться с жизненными трудностями (или просто их видеть) стремится уйти от реального мира в мир иллюзий. Суть явления сводится к социальным девиациям или к разновидностям психических расстройств, что подчеркивает его негативность. Существуют и достаточно широкие толкования эскапизма, когда к нему относят и отказ от социальной активности, и погружение в творчество, и увлечение ролевыми играми и историческими реконструкциями, и миграцию из городов «назад, к природе», и модный сегодня дауншифтинг, и различные виды зависимостей, от компьютерной до наркотической.

В эскапистских формах поведения реализуется одна из стратегий поведения человека в ситуации «экзистенциального вакуума», позволяющая осознать собственную идентичность, выбрать возможность сознательного отношения к себе и Другому. На наш взгляд, эскапизм, в любой его форме, может быть только эмиграцией «в себя» (З.Бауман), обращением к своему иному, каким оно могло бы быть, и это обращение не только к лучшему и прекрасному, но также к ужасному и трагическому. Потребность переживания многого во времени и пространстве, в спектре эмоций и социальных ролей делает эскапизм не пассивным отказом от того, что есть, а видом созидательной активности, заключающейся в формировании новых собственных образов. Для собственной стабильной идентификации одинаково важную роль играют как события нашей непосредственной жизни, так и события создаваемых реальностей, если они представляются нам важными. И тогда эскапизм можно понимать как создание дополнительной реальности, приращение смыслов, обогащение, и в таком понимании это необходимая составляющая полноценного осуществления подлинного индивидуального бытия.

Таким образом, выбор жизни в одиночку – это не только явление, требующее принятия мер реагирования в виде социальной помощи, гарантий, создания мате-

риальных условий для достойного существования сделавших такой выбор. В нем нет опасности разрушения социальных связей или различных способов диалогического взаимодействия. Оно демонстрирует и дальнейшее укоренение ценностей индивидуализма, и принятие членами общества определенной формы для осознания важнейшей характеристики бытия современного человека.

1. Аристотель. Сочинения. Т. 4. М., 1986.

2. Жилина, В.А. Проблема отчуждения в современных условиях // Вестник Челябинского государственного университета. Философия, социология, культурология. Вып. 31. 2013. N 38(329). С. 7–10.

3. Книга Екклесиаста // Вопросы философии, 1991. N 8.

4. Российские домохозяйства дробятся и стареют [Электронный ресурс] // ОПЕК.ru, Экспертный сайт Высшей школы экономики. URL: <http://www.opec.ru/1541716.html> (дата обращения: 11.09.2013).

5. Кляйненберг, Э. Жизнь соло: новая социальная реальность. М., 2014.

6. Торо, Г.Д. Уолден, или Жизнь в лесу. М., 1962.

References

1. Aristotel. Sochineniya [Works]. T. 4. M., 1986 [in Rus].

2. Zhilina, V.A. (2013) Problema otchuzhdeniya v sovremennykh usloviyakh [The problem of alienation in modern conditions] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya, sotsiologiya, kul'turologiya. Vyp. 31, N 38(329), 7–10 [in Rus].

3. Kniga Yekkleziast [The Book of Ecclesiastes] // Voprosy filosofii, 1991. N 8. 139–154 [in Rus].

4. Rossiyskiye domokhozyaystva drobyatsya i stareyut [Russian households are crushed and age] // ОПЕК.ru, Ekspertnyy sayt Vysshey shkoly ekonomiki. Available at: <http://www.opec.ru/1541716.html> (accessed: 11.09.2013) [in Rus].

5. Klyaynenberg, E. (2014) Zhizn' solo: novaya sotsial'naya real'nost' [Life solo: a new social reality]. M 2014 [in Rus].

6. Toro, G.D. (1962) Uolden, ili Zhizn' v lesu [Walden or Life in a forest]. , M., 1962 [in Rus].

UDC 130.31

"LIFE SOLO" AS THE WAY TO IDENTITY

CHERNOVA Elina Grigoryevna,

Nosov Magnitogorsk State Technical University,

Associate Professor,

Cand. Sc. (Philosophy),

Associate Professor,

Magnitogorsk, Russia.

E-mail: elincher@mail.ru

Annotation

The article analyses the life alone as a common social phenomenon nowadays reality, examines its causes and positive effect.

Key concepts:

genesis of the individual,
social reality,
alienation,
identity.

УДК 130.2

РОЛЬ СМЫСЛА В ФОРМИРОВАНИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Михайлов Иван Сергеевич,

Тюменский государственный университет,
институт филологии и журналистики,
аспирант кафедры философии,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: lucidus.equitis@gmail.com

Аннотация

В статье поставлена проблема влияния смысла на формирование цивилизации в межцивилизационную эпоху. Подробно рассматривается механизм экзистенциального диалога, а также роль смысла в этом механизме.

Ключевые понятия:

смысл,
тип смысла,
значение,
знак,
разум,
цивилизация,
экзистенциальный диалог,
ценности.

1.

Индивидуальный человеческий разум, а также его социальная форма – рациональность, в своем противостоянии служат основой для динамических процессов, протекающих в лоне любой цивилизации, и определяют этапы её развития. Если конституирующая цивилизацию рациональность исчерпала свои резервы и более не отвечает на вызовы частного живого разума, упорно рвущегося за её пределы, то весь нормативный каркас цивилизации начинает рушиться. Так погибает цивилизация, и наступает межцивилизационная эпоха. [1]

В эту эпоху многие типы рациональности, которые имплицитно присутствовали в распавшейся цивилизации и были ею подавляемы, вступают друг с другом в экзистенциальный диалог. В этом горниле рациональностей и формируется новый тип цивилизации. Этот механизм описывает цивилизационную динамику, однако что же определяет цивилизационную специфику? Иными словами, можно ли выделить некий фактор, проследив за которым в межцивилизационной эпохе, мы сможем примерно обрисовать черты складывающейся цивилизации? Отвечая на эти вопросы, необходимо констатировать, что эти черты складываются в процессе экзистенциального диалога, следовательно, проанализировав механизм этого процесса, можно будет попытаться выделить аспект, влияющий на специфику формирующегося цивилизационного типа. Таким аспектом экзистенциального диалога, на наш взгляд, выступает смысл, который играет очень важную роль в коммуникации любого типа. В данной статье мы попытаемся раскрыть проблему роли смысла как элемента экзистенциального диалога в межцивилизационную эпоху, опираясь на нормативную концепцию цивилизации. Иначе говоря, как смысл влияет на процесс формирования цивилизации и культуры в целом.

Смысл как таковой, а также его поиски всегда сопутствовали философии с самого её зарождения. Однако до второй половины XIX века смысл не обладал статусом специфической философской проблемы. Рефлексия относительно того, что же такое смысл, возникает в философской мысли при переходе к парадигме постмодерна. Старт этой рефлексии дает Г. Фреге, разделив понятия «смысл» и «значение». За ним последовала череда мыслителей, каждый из которых рассматривал смысл как отдельную философскую категорию (в том или ином качестве). К примеру, Э. Гуссерль помещал смысл в

глубины сознания и полностью изолировал его от языка. Тогда как после «лингвистического поворота» роль языка абсолютизировалась, и Г.-Г. Гадамер уже не мыслит смысла вне языковых единиц. Структуралисты и постструктуралисты занимались вопросами смысла ещё более подробно, пытаясь осмыслить феномен субъективной интерпретации текста. Так, К. Леви-Стросс полагал, что за нагромождением интерпретаций мы вполне способны обнаружить устойчивые смыслы, заключённые в самой человеческой природе. Ему в противовес, Ж. Деррида и Ж. Делёз исключали возможность обнаружения таких структур, полагая смысл скорее случайным стечением не связанных друг с другом феноменов или игрой интерпретаций. Тему смысла также затрагивали Г. Шпет, М. Хайдеггер, П. Рикер, Ю. Хабермас, Р. Барт, Л. Витгенштейн, Ж. Лиотар. Из отечественных исследователей проблемой смысла занимались Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.С.Кравец, Н.А.Трофимова.

На данном этапе необходимо дать то определение категории «смысл», которое мы будем использовать в дальнейшем, а также развести его с понятием «значение». Для начала заметим, что и смысл, и значение – это явления человеческой мысли, а, следовательно, они культурно обусловлены. Далее, дополним систему отношений «объект – знак – субъект» как минимум ещё одним субъектом, при условии, что каждый из них вовлечён в сложный процесс обмена информацией, то есть продуцирует смыслы и интерпретирует значения.

Теперь рассмотрим категорию *значение* и отследим её генезис в человеческом сознании. Возьмём некоего абстрактного субъекта, предметом восприятия которого является реальный феномен или объект, он может иметь как материальную, так и социальную природу. Этот феномен или объект реального мира можно определить в качестве *денотата*. Денотат отражается в сознании в виде ментальной копии, которую можно обозначить как *коррелят* этого денотата. Далее рассудок ищет коррелят в имеющемся у субъекта опыте. В случае если субъект имеет опыт взаимодействия с рассматриваемым денотатом, в его *рациональности* целостный ментальный образ, связанный с этим денотатом (коррелят), уже обозначен. То есть он имеет свой *знак*, как минимум, вербально название, это и означает, что денотат обладает для субъекта *значением*. Иными словами, значение – это закреплённая в рациональности связь денотата со знаком. Знак, или *означающее*, – это некий реальный объект, будь

то письменные символ, сочетание символов, звук, жест и т.п., который люди исторически ассоциативно связали с иным объектом или феноменом реальности, – *означаемым*. При помощи такой ассоциативной связи можно, воспроизведя знак, вызвать в сознании собеседника представление, восходящее к объекту или феномену, которые не воспринимаются в момент коммуникации. Знаки образуют сложные иерархические системы, которые в свою очередь образуют *текст*, (в наиболее расширительном понимании).

Если же субъект впервые соприкасается с неким феноменом реальности, это вызывает состояние удивления, и в дело вступает высшая познавательная способность человека – *разум*. [2, С. 7] При помощи любопытства и воображения разум творческим актом находит место неизвестному феномену в рациональности субъекта, либо, при отсутствии такой возможности, «расширяет» границы рациональности. [3, С. 120] Так или иначе, коррелят этого феномена встраивается в рациональность субъекта и обретает собственный знак. Этот знак может быть заимствован из другой рациональности, или же создан разумом, как, например, неологизм. В результате мы можем сказать, что субъект обозначил этот реальный феномен, придал ему *значение*.

Из вышесказанного понятно, что значение обусловлено языком как системой знаков. При возможной коммуникации представителей разных языков может возникнуть ситуация, в которой одному и тому же денотату могут быть приписаны различные значения, что объясняется многообразием типов рациональности. В языке одного из вступивших в коммуникацию субъектов может просто не оказаться значения, соответствующего исходному феномену, что вызовет у него удивление и работу разума по встраиванию этого феномена в его рациональность. Результат такой работы разума зависит от множества факторов, в первую очередь индивидуальных, что не позволяет прогнозировать результат. Поэтому говорить о единообразии значений в цивилизации возможно, только с поправкой на господствующую рациональность и языковую группу.

Итак, значение можно определить как исторически сложившуюся, закреплённую в рациональности ассоциативную связь между знаком и системой «коррелят-денотат», изначально никак не связанную с субстратом знака.

Что же тогда такое смысл? В первую очередь, смысл – это категория экзистенциальная, поскольку не только осознаётся, но

и переживается. Сама этимология русского слова «смысл» подсказывает нам, что смысл существует «совместно с мыслью», которая апеллирует значениями, однако сам смысл не тождественен мысли, он скорее конгруэнтен ей. Смыслы суть эпифеномены мыслей, направленные на самого субъекта мышления. У Фреге критерием различия смысла и значения выступала истинность, однако обе категории все равно определялись связью знака и денотата, безотносительно сферы субъективности. Наша же задача – показать смысл именно как категорию, восходящую к субъекту, и соответственно активно на него влияющую, что и позволит говорить о роли смысла в формировании цивилизации. Исходя из того, что смысл существует всегда *для* субъекта, можно сделать вывод, что разные люди в одном и том же значении могут находить разные смыслы, в зависимости от того, как то или иное значение влияет на их существование в качестве субъектов социума. Из этого вытекает, что смысл не обязательно логичен и рассудочно структурирован. Поскольку смысл может именно переживаться, то он включает в себя не только рассудочное понимание, но эмоциональные, волевые и разумные компоненты, иными словами – смысл целостен и личностен. К характеристикам смысла можно отнести эмоциональную оценку, соотношение с одной из сторон в конфликтной ситуации, стремление к действию, поиску, проверке и принятию на себя ответственности. Нельзя не отметить теснейшую связь смысла и разума. Поскольку разум – это познавательная способность, всегда стремящаяся выйти за пределы имеющегося опыта, то именно разум, не удовлетворяясь рассудочным значением, постоянно ищет и создаёт смыслы. Если рациональность мы определяли как социальную форму разума [4, С. 113], то смысл можно определить как его индивидуальную, или внутреннюю, форму. Кроме того, смысл – это своего рода энтелехия разума, та цель, ради созидания которой разум остаётся в постоянной динамике.

Исходя из этих двух понятий (формы и энтелехии), можно провести различие двух типов смыслов, взяв за основной критерий язык. Первый тип можно определить как *личностный смысл*, термин, получивший широкое распространение в психологии. Это форма разума, чисто экзистенциальный феномен, имеющий внеязыковую основу. Он отчётливо переживается в актах рефлексии, однако не всегда вербализируется даже мысленно. Этот тип исходит из глубин человеческого разума (или, согласно Гуссер-

лю, сознания) как его непрерывная интенция в вещи. Именно этот тип смысла можно в полном смысле слова назвать экзистенциальным, связанным с отношением и оценкой субъектом феноменов реальности.

Второй тип смысла – это энтелехия разума, или результат его работы, смысл, кодифицированный в языке. Его мы будем называть *культурным смыслом*. Этот-то тип и участвует в механизме коммуникации. Культурный смысл продуцируется человеком или приходит к нему извне, транслируется от другого субъекта или от общества в целом. Такой тип смысла может включать в себя значение, хотя и расширяет его посредством контекста понимания. Он закрепляет в культуре не только базовые понятия, но и нормативное отношение к этим понятиям в их контекстуальной целостности, т.е. то, что можно обозначить как *ценности*. Поэтому даже закреплённый в языке смысл более тяготеет к субъективности, при этом субъектом может выступать не только индивид, но социальная группа.

И всё же не существует чёткой границы, где начинался бы один тип смысла и заканчивался другой. В межсубъектной коммуникации эти типы непрерывно перетекают один в другой, они формируются друг другом и подпитывают друг друга. По сути, это просто разные регионы бытия данной категории, характеризующейся в первую очередь направленностью на субъект, не важно, извне или изнутри.

Учитывая всё вышесказанное, смысл можно определить как внутреннюю форму индивидуального разума, представленную в виде понимания места, роли и значимости какого-либо феномена для конкретного субъекта, и кодифицированную в культуре в виде ценностей.

2.

Итак, смысл есть своего рода внутренняя форма – и в то же время продукт разума, но каким же образом он влияет на цивилизацию, которую составляют коллективные, надиндивидуальные субъекты в виде социальных групп со своими социальными институтами? Для ответа на этот вопрос нужно вспомнить роль разума в цивилизационном процессе, а именно, что разум на начальных этапах участвует в формировании *рациональности* цивилизации – своей социальной формы, которая определяется в цивилизационных нормах. Формирование это происходит в непрерывном экзистенциальном

диалоге множества частных разумов, а, значит, и множества разных смыслов. Субъекты этого диалога вовлечены в создание коллективных субъектов – больших и малых социальных групп со своими институтами. Для создания более или менее устойчивых сообществ нужно найти основание для объединения, а это не что иное, как совпадения в смысловом поле. Именно в смысловом, а не в поле значений, поскольку в данном случае речь идёт об одинаковом отношении к цивилизационным нормам, которые будут конституировать большую часть жизни цивилизации, а, значит, и каждого индивида в отдельности. Поэтому создание смыслового поля цивилизации ставит индивидов в ситуацию серьёзнейшего экзистенциального выбора и принятия ответственности за него. Всё это подводит нас к определению экзистенциального диалога как поиска точек смысловых совпадений между субъектами общественной жизни. [5, С. 206]

В качестве предварительного итога отметим, что одна из функций смысла в цивилизационной динамике заключается в активном участии смыслов в экзистенциальном диалоге индивидуумов, формирующих рациональность, которая в свою очередь опредмечивается в цивилизационных нормах, составляющих каркас всей цивилизации.

Теперь подробнее рассмотрим механизм экзистенциального диалога. В аспекте формирования новой ментальности в экзистенциальном диалоге попытка рассмотрения данного механизма была предпринята иными исследователями. [6; 7] Нам же интересно, какую роль в экзистенциальном диалоге играет смысл, и каким образом он влияет на формирование цивилизации в межцивилизационную эпоху.

В качестве иллюстрации мы возьмём ситуацию, в которой два субъекта вступают во взаимодействие, и предметом этой коммуникации выступает некий абстрактный феномен реальности. Предположим, что в межцивилизационную эпоху две политические партии, борющиеся за установление своей рациональности в качестве господствующей, спорят о свободе слова. Сам по себе феномен свободы слова обе партии понимают более или менее одинаково, то есть в одном *значении*. Суть спора заключается в том, что они кардинально различным образом *осмысляют* этот феномен, то есть приписывают ему разные (и даже противоположные) смыслы. Одна партия воспеваает важность свободы слова как неотъемлемой части современного правового государства, указывая на исключительную важность самовыражения для каждой человеческой лич-

ности. Вторая партия выступает за ограничение свободы слова, поскольку полагает, что такая свобода может служить прикрытием для оскорблений, пропаганды и распространения деструктивных для общества явлений, таких как порнография, педофилия, и пр. Как следует из этого примера, конфликт вызван расхождением в смыслах.

Безусловно, возможен обмен аргументами, отдельные из которых могут поколебать позиции оппонентов, однако если сближение смыслов не происходит, противостояние может пойти по двум сценариям. Первый сценарий предполагает, что субъекты диалога являются не сопоставимыми между собой, то есть один предстает гораздо менее значительным, малочисленным, нежели другой. Это, в свою очередь, ведёт к тому, что более сильная и многочисленная партия просто воспользуется своим преимуществом и утвердит как нормативное именно своё видение ситуации (свои смыслы и ценности), не считаясь с аргументами слабого меньшинства. Второй сценарий более сложен, так как предполагает, что субъекты диалога – сопоставимы, а, значит, простым большинством голосов вопрос решить не удастся. Так возникает ситуация конфликта, и если дело дойдёт до физического противостояния, то серьёзный урон понесут обе стороны. Становится очевидным, что придётся либо воевать, либо договариваться. И если физическое противостояние есть тупиковый путь экзистенциального диалога, то путь *взаимопонимания* – более сложен и включает в себя несколько этапов.

Сам *конфликт* можно определить как первый этап (или предпосылку) экзистенциального диалога. Межцивилизационная эпоха характеризуется дезориентацией, атомизированностью субъектов, замкнутых в едином пространстве. [8, С. 18] Рассмотрим данный этап на уровне индивидуальных взаимодействий. Как правило, в конфликтных ситуациях из вербального противостояния оппоненты переходят в физическое, однако иногда этого удаётся избежать. Этот важнейший механизм преодоления конфликта можно охарактеризовать как поиск общих смысловых точек. Для этого дискутирующие субъекты, понимая, что в осмыслении значения, о котором они спорят, договориться у них не получается, переходят к обсуждению иного значения, по которому смыслы у них, возможно, как минимум сближаются. И так вплоть до тех пор, пока, перебрав несколько «тем для разговора», они находят значение, которое осмысляют одинаково. Нередко случается, что люди, готовые вот-вот подраться, отходят для этого в

сторонку («пойдем, отойдём!»), однако если они всё же начинают с разговора, а не с драки, вполне может оказаться, что у них полно других тем для разговора помимо той, конфликтной, и темы эти осмысляются ими одинаково. В таком случае через несколько минут обе конфликтующие стороны возвращаются на исходную площадку добрыми друзьями.

Этот мостик выводит экзистенциальный диалог на второй этап – *взаимопрятие*, характеризующийся снятием остроты конфликта, но не погашением его. Если оппоненты обнаруживают, что по какому-то значению их смыслы совпали, то для них это означает, что противоположная сторона все же не является принципиально *Другой* и способна «думать так же, как я». Этот механизм может работать не только на межличностном уровне, но и на уровне коллективных субъектов при условии, что субъекты являются сопоставимыми. Это означает, что упомянутые выше партии, обсудив свободу слова и не придя к совпадениям ни по одному пункту, для следующей сессии переговоров выбирают тему, не связанную с предыдущей, предположим не идеологического, а экономического направления, к примеру, поддержка малого и среднего бизнеса. И вдруг оказывается, что обе партии по этой теме солидарны друг с другом, осмысление этой темы сближает позиции партий, снижает напряжённость конфликта, хотя его и не снимает, поскольку о свободе слова все же договориться не удалось. В точке соприкосновения смысловых полей оппонентов возникает своеобразный канал, через который субъекты могут как бы «заглянуть» в чужое смысловое поле. Обнаружив такой коридорчик к смыслам Другого, субъект (при определённом волевом усилии) уже может гипотетически поставить себя на место оппонента и попытаться взглянуть на мир его глазами. Этот механизм в своё время подробно описали П. Бергер и Т. Лукман. [9]

Так мы переходим к третьему этапу экзистенциального диалога – *взаимодоверию*. Этот этап также не снимает конфликт полностью, но он уже позволяет субъектам вести совместную конструктивную деятельность. В такой ситуации взаимодоверия может оказаться, что у описанных выше партий смыслы, и соответственно, позиции совпадают по многим вопросам, и они могут сформировать продуктивную правительственную коалицию, вступая на путь выхода из межцивилизационной эпохи и формирования новой цивилизации.

Последние два этапа экзистенциального диалога в совокупности приводят к ситуации, когда конфликт сменяется комплементарнос-

тью, расходящиеся смыслы субъектов диалога не вступают друг с другом в противоречие, а начинают друг друга взаимодополнять, уточнять, усложнять. По прямым противоречиям достигается компромисс. Это уже не этап, а, скорее, результат экзистенциального диалога – межсубъектное *взаимопонимание*. [10, С. 50] На индивидуальном уровне (при его достижении) становится возможной полноценная коммуникация, позволяющая свободно переводить личностный тип смыслов в культурный и обратно. На уровне социальных групп коалиция становится целостным государством с определёнными, выстроенными в строгой последовательности и иерархии смыслами и ценностями, а также своей собственной рациональностью. Иными словами, рождается новая цивилизация, и какими чертами она будет обладать, зависит от тех смыслов, которые совпали у субъектов, её формировавших в самом начале.

Исходя из всего вышесказанного следует, что категория «смысл», определённая в качестве внутренней формы частного разума, выражающая его содержательную сторону, и рассмотренная в соотношении с нормативной концепцией при зарождении цивилизации, играет решающую роль в формировании свойств и качеств возникающего цивилизационного типа. Этот вывод представляется наиболее значительным, поскольку позволяет на ранних этапах зарождения новой цивилизации увидеть тенденции, которые впоследствии могут быть закреплены в качестве нормативных. Экзистенциальный диалог, основанный на поиске смысловых точек совпадения, служит механизмом цивилизационной спецификации, протекающей как на уровне индивидуумов, так и на уровне коллективных субъектов, поскольку именно в смысловом поле достигается взаимопонимание. Если в межцивилизационную эпоху различным институтам удастся выстроить общую рациональность, то мы можем говорить о позитивном процессе формирования будущей цивилизации. Однако то, какие именно смыслы совпадут в экзистенциальном диалоге, в конечном итоге и определит грядущий облик формирующейся цивилизации. Будет ли она кровавой диктатурой или островом вседозволенности, реализует самодержавную вертикаль или выстроится на принципах народовластия. Таким образом, смысл играет важную, если не решающую, роль в формировании специфики цивилизации и культуры на ранних этапах развития.

1. Павлов, А.В. Цивилизация и межцивилизационная эпоха // Вестник Пермского университета.

Философия. Психология. Социология. 2012. N 3 (11). С. 17–26.

2. Павлов, А.В. Заметки о современности и субъективности. Модерн и пластичность. // Социум и власть. 2012. N 6. С. 5–11.

3. Михайлов, И.С. Разум в цивилизационной динамике // Вестник тюменского государственного университета. 2014. N 10. С. 116–123.

4. Михайлов, И.С. Рациональность в цивилизационной динамике // Социум и власть. 2014. N 2. С. 109–114.

5. Яркова, Е.Н., Ларин, Ю.В., Павлов, А.В. Культура и цивилизация. // Вестник тюменского государственного университета. 2014. N 10. С. 199–208.

6. Муравьев, И.Б. Представление о человеке как субъекте культуры // «Собирание» смысла через разнообразие форм европейской культуры. Тюмень: Изд-во Вектор-Бук, 2002. С. 83–91.

7. Павлов, А.В. Культурология: Учеб. пособие / А.В. Павлов [и др.]. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004. 364 с.

8. Павлов, А.В. Логика и методология науки: Современное гуманитарное познание и его перспективы: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 344 с.

9. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

10. Павлов, А.В., Доценко, Е.Л. Две встречи (понимание непонятого) // Человек, 1999, N 1, С. 46–59.

References

1. Pavlov, A.V. (2012) Tsvivilizatsiya i mezhtsvivilizatsionnaya epokha [Civilization and intercivilization epoch] // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya, N 3(11). 17–26 [in Rus].

2. Pavlov, A.V. (2012) Zаметки о современности i subyektivnosti. Modern i plasticnost' [Notes about modernity and subjectivity. Modern and plasticity] // Sotsium i vlast', N 6, 5–11 [in Rus].

3. Mikhaylov, I.S. (2014) Razum v tsvivilizatsionnoy dinamike [Mind in civilizational dynamic] // Vestnik tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, N 10, 116–123 [in Rus].

4. Mikhaylov, I.S. (2014) Ratsional'nost' v tsvivilizatsionnoy dinamike [Rationality in civilizational dynamic] // Sotsium i vlast', N 2. 109–114 [in Rus].

5. Yarkova, Ye.N., Larin, Yu.V., Pavlov, A.V. (2014) Kul'tura i tsvivilizatsiya [Culture and civilization] // Vestnik tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, N 10, 199–208 [in Rus].

6. Murav'yev, I.B. (2002) Predstavleniye o cheloveke kak subyekte kul'tury [The idea of a man as the subject of a cultyre] // «Sobiraniye» smysla cherez raznობrazkiye form yevropeyskoy kul'tury. Tyumen': Izd-vo Vektor-Buk, 83–91 [in Rus].

7. Pavlov, A.V. (2004) Kul'turologiya: ucheb. posobiye [Culturology: manual] / A.V. Pavlov [i dr.]. Tyumen: Izd-vo TyumGU, 364 [in Rus].

8. Pavlov, A.V. (2010) Logika i metodologiya nauki: Sovremennoye gumanitarnoye poznaniiye i yego perspektivy: ucheb. posobiye [Logic and methodology of a science: modern humanitarian cognition and its prospective]. M.: Flinta: Nauka, 2010. 344 [in Rus].

9. Berger, P., Lukman, T. (1995) Sotsial'noye konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya [Social construction of reality. The treatise on cognitive sociology]. M.: Medium, 323 [in Rus].

10. Pavlov, A.V., Dotsenko, Ye.L. (1999) Dve vstrechi (ponimaniye neponyatnogo) [Two meetings (understanding unknow)] // Chelovek, N 1, 46–59 [in Rus].

UDC 130.2

THE ROLE OF SENSE IN FORMATION OF CIVILIZATION

Mikhailov Ivan Sergeyeovich,

Tyumen State University,
Institute of Philology and Journalism,
Graduate Student of Philosophy,
Tyumen, Russia.

E-mail: lucidus.equitis@gmail.com

Annotation

The problem of influence of the sense on formation of a civilization in intercivilizational epoch is raised in the article. The author examines the mechanism of existential dialogue mechanism and the role of the sense in this mechanism.

Key concepts:

the Sense,
type of the Sense,
the meaning,
sign,
reason,
civilization,
existential dialogue,
values.

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет один экземпляр рукописи по электронной почте.
2. Текст статьи представляется на русском языке объёмом не более 19,100 знаков без пробелов, включая сноски*. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.
3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.
4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.
5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.
6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учёбы), занимаемая должность, учёная степень и звание (если имеются), город.
7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи – библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не более 15.
8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.
10. Статья должна быть классифицирована – иметь УДК.
11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.
12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:
 - а) краткая (2–3 предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;
 - б) ключевые понятия (не более пяти);
 - в) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учёбы, учёная степень, учёное звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.
- Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трёх месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.
- В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.
- Статьи подлежат рецензированию членами редакционно-экспертного совета журнала.
- Рукописи не возвращаются.
- Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
- Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берёт на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
- Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.
- Контактная информация автора (адрес электронной почты) в журнале указывается обязательно.
- Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.
- Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308.
Тел. (351) 771-42-30.
E-mail: siv@chel.ranepa.ru

* При отступлении от установленного объёма статья может быть отклонена.

Requirements for articles and memos presented for publication in the «SOCIUM AND POWER» journal

1. The author will send one copy of the typescript by e-mail.
2. The article will be sent in Russian. The article will be under 19,100 characters without spaces, including the bibliography.* The file will be in Microsoft Word 98/2000 format. The font will be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides will be 20 mm. The text must be justified with no line breaks. The text of the article or memo (including the title) will be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.
3. All font highlighting will be done in light italics. All titles and subtitles will be done in bold.
4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) will be done in image editing software. All images must be numbered incrementally.
5. All numerical data will be done in tables. Each table will have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables will not have shortenings except for the unit names. The electronic versions of each table and image will be done in separate files.
6. The name of the article will be done centrally in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, their place of work and position, academic degree and rank (if applicable), city of residence will be done in the upper right corner over the article name.
7. The literature references will be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and as an alphabetized bibliography list at the end of the article. There will be fewer than 15 sources.
8. The references will be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».
9. The legal acts listed will quote the initial and latest edition.
10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).
11. The author will note the agenda (specialization) of the article presented for publication.
12. In addition to the text of the article the author will also present the following positions as a separate file in Russian and English:
 - a. Concise (2–3 sentences) annotation of the article with the name of the article, last name and initials of the author.
 - b. Keywords (under 5).
 - c. Information about the author – Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work or study, degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).The articles or memos not complying with the aforementioned requirements will not be reviewed and/or published.
- The publication of the received articles will be approved or declined within 3 months from the registration of the typescript at the editorial office. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.
- The members of the journal's editorial board will review the articles.
- The typescripts will not be returned.
- The articles will be run through the "AntiPlagiat" system.
- By presenting the typescript of the article to the editorial, the author agrees not to publish that same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the "SOCIUM AND POWER" journal.
- No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.
- The contact information of the author (e-mail) will be quoted in the journal at all times.
- The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.

Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.
Tel. 7 (351) 771-42-30
E-mail: siv@chel.ranepa.ru

*A paper may be rejected if the special size requirements are not satisfied.